
ОРК — 281268
Сочинения...
Вольтера.
С.-Пб: 1784.

Отдано Егору Васильевичу .6.. книг

1 Диоптра
2 Душеспас: размышл:
3
4 } [illegible]
5 Солом: мудрх: размышл
6 Удаление греха —

весь счет = 10 = 95

№ — 348.

Цена с переплетом — 1 = 20

№: 63 —

[illegible]

АЛЛЕГОРИЧЕСКІЕ

ФИЛОСОФИЧЕСКІЕ и КРИТИЧЕСКІЕ

сочиненія.

Г. ВОЛТЕРА,

переведены

съ Французскаго языка

И... Р...

Печатано съ дозволенія Управы Благочинія.

Въ вольной типографіи у Г. Галченкова.

Въ Санктпетербургѣ 1784 года.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

ИВАНУ ИВАНОВИЧУ

МИХЕЛЬСОНУ

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО

ВЕЛИЧЕСТВА

Отъ армiи

ГЕНЕРАЛЪ-МАIОРУ

Лейбъ Гвардiи коннаго полку

Премiеръ-Маiору

и орденовъ

Святаго Александра Невскаго, Святаго Великомученика и Побѣдоносца Георгiя и Святаго Станислава

КОВАЛЕРУ.

МИЛОСТИВОМУ ГОСУДАРЮ

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!

Имѣя щастїе служить подъ вашею коммандою, и пользоваться вашею милостїю, осмѣлился я посвятить имяни Вашего Превосходительства, сїю переведенную мною съ французскаго языка книгу, единственно въ доказательство истиннаго моего къ вамъ почитанїя и преданности. Знавъ великость души вашей и будучи очевидцемъ многихъ благотворенїй вашихъ, удостовѣряюсь, что сїю нелестно приносимую усердїя моего жертву, вы Милостивый Государь, благосклоннаго вашего принятїя удостоите; для меня же довольная будетъ награда, если сей небольшой мой трудъ произведетъ въ вашемъ

сердцѣ полезные для меня изображенїя. Впротчемъ препоручая какъ себя такъ и сей переводъ въ ваше покровительство, которое буду чтиться заслуживать, точнымъ исполненїемъ моей должности, и достодолжнымъ къ особѣ вашей почитанїемъ и душевною преданностїю, съ коими на всегда пребыть честь имѣю,

ВАШЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА,

Милостиваго государя

Покорнѣйшїй слуга

И. Р.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Матеріямъ.

страп.

XIX.

стран.

I.

БАБАБЕКЪ И ФАКИРЫ

или

ПИСЬМО ОДНОГО ТУРКА.

Будучи въ городѣ Бенарѣ, на берегу рѣки Гангеса, древней части Брахмановъ, старался я просвѣтить себя науками; я разумѣлъ довольно Индїйской языкъ, слушалъ много, и примѣчалъ все. Я жилъ у моего кореспондента г. *Омрїя*, который былъ достойнѣйшїй человѣкъ изъ всѣхъ моихъ знакомыхъ, и держался браминскаго закона, а я имѣлъ честь быть Музульманомъ. Мы никогда съ нимъ не спорили ни въ одномъ словѣ о преимуществѣ Магомета или Брамы; дѣлали наши омовенїи каждой по своему обряду, пили одинъ лимонадъ, ѣли одно пшено, и жили по братски.

Въ одинъ день пошли мы вмѣстѣ съ нимъ въ Гавіанскую мечеть, гдѣ увидѣли многія толпы Факировъ, изъ коихъ одни были Жонгисты, то есть богомыслящіе Факиры, а другіе ученики древнихъ Гимнософистовъ, которые вели строгую жизнь; у нихъ есть (какъ всѣмъ извѣстно) ученый языкъ древнѣйшихъ Брахмановъ, и на семъ языкѣ имѣютъ они у себя книгу, которую называютъ *Састаа*; и дѣйствительно она есть древнѣйшая во всей Азіи книга, не выключая и самую *Зенду*.

Я прошелъ мимо одного Факира, который читалъ сію книгу. Ахъ! жестокой иновѣрецъ! вскричалъ онъ; ты мнѣ помѣшалъ; я пропустилъ множество гласныхъ литеръ, которыя я щиталъ, и отъ сего самаго, душа моя преселится въ тѣло зайца, вмѣсто того что бы перейти ей въ попугая, такъ какъ я льстилъ себя сею надеждою. Я далъ ему одну рупію для его утѣшенія, по томъ нѣсколько шаговъ прошедъ по нещастію я чихнулъ, и сей шумъ потревожилъ опять другаго Факира, который былъ тогда во иступленіи. Гдѣ я? возопилъ онъ; какое страшное паденіе! я не вижу больше конца моего носа; небесный свѣтъ

свѣтъ отъ меня сокрылся (*) Не я ли тому причиной? говорилъ я ему; вотъ вамъ Рупїя для поправленїя причиненнаго мною зла; я желаю чтобъ вы видѣли далѣе еще конца вашего носа; обратитесь по прежнему къ вашему небесному свѣту.

Освободившись такъ разумно отъ всѣхъ безпокойствъ, подошелъ я къ другимъ Гимнософистамъ. Многїе изъ нихъ подносили ко мнѣ маленкїе гвоздики, и хотѣли ихъ вбить мнѣ въ руки и въ лядвеи; я у нихъ купилъ оные гвозди, и прибилъ ими у себя обои; другїе ходили на рукахъ, иные качались на повѣшенныхъ веревкахъ, а иные безпрестанно прыгали на одной ногѣ; нѣкоторые носили на себѣ цепи, иные имѣли на шеѣ ярмо, а другїе безпрестанно держали головы свои въ кадкахъ. Другъ мой *Омри* повелъ меня въ келью къ одному наиславнѣйшему Факиру, который назывался *Бабабекомъ.* Онъ былъ совсемъ нагъ какъ обезьяна, имѣлъ у себя на шеѣ цепь, вѣсомъ болѣе шестидесяти фунтовъ, и сидѣлъ на деревянномъ стулѣ порядочно

(*) Когда Факиры желаютъ видѣть небесный свѣтъ, что весьма часто у нихъ случается, тогда обращаютъ они глаза къ концу своего носа.

дочно утыканномъ въ верхъ концами маленькихъ гвоздиковъ, гдѣ покоился онъ такъ какъ на мяхкой атласной перинѣ; многія женщины приходили къ нему вопрошать его о своей судбинѣ, ибо онъ у нихъ за оракула почитался, и можно сказать, что въ великой у всѣхъ былъ славѣ. Я былъ слушателемъ продолжительнаго разговора, который имѣлъ съ нимъ *Омри*. Думаете ли вы, мой отецъ, говорилъ онъ ему, что по прошествіи испытанія чрезъ семь разныхъ души моей преселеній, могу достигнуть я жилища Брамы? Смотря по обстоятельствамъ, сказалъ Факиръ, какую ты ведешъ жизнь. Я стараюсь, говорилъ *Омри*, быть добрымъ гражданиномъ, хорошимъ супругомъ, добродѣтельнымъ отцомъ, и нелицемѣрнымъ другомъ; при случаѣ снабжаю богатыхъ деньгами безъ проценту, даю ихъ бѣднымъ, и живу мирно съ моими сосѣдами. Но сидишъ ли ты когда нибудь на гвоздяхъ, спросилъ у него Браминъ? Никогда, честный отецъ. Сожалѣю, сказалъ Факиръ, по сему ты достигнешъ только до девятнадцатаго неба, и сіе весьма сожалительно. Какъ! сказалъ *Омри*, ето очень хорошо, я чрез-

чрезвычайно таковымъ жребїемъ моимъ доволенъ; для меня все равно въ девятнадцатомъ, или въ двадцатомъ быть небѣ, лишь бы только въ путешествїи моемъ исполнилъ я мою должность, и напослѣдокъ имѣлъ бы хорошее мѣсто. Не довольно ли для меня того чтобъ быть честнымъ человѣкомъ въ здѣшней жизни, и послѣ щастливу быть въ жилищѣ Брамовомъ? А вы господинъ Бабабекъ, до котораго неба желаете достигнуть съ вашими гвоздями и цепью? До тридцать пятаго, сказалъ *Бабабекъ.* Вы мнѣ кажетесь очень забавнымъ, говорилъ *Омри*, что желаете имѣть жилище выше моего; сїе может быть происходитъ отъ чрезмѣрнаго честолюбїя; но когда осуждаете вы тѣхъ, кои добиваются чести въ здѣшней жизни, то для чего же сами хотите имѣть столь великую честь въ будущей? и по чему желаете лутчее предо мною имѣть мѣсто? И такъ знайте, что я въ десять дней болѣе раздаю на милостыню, нежели въ десять лѣтъ стоятъ вамъ всѣ ваши гвозди, коими вы прободаете ваше сидѣнїе. Какая нужда Брамѣ, что проводите вы по цѣлому дню въ наготѣ съ цепью на шеѣ? какую тѣмъ оказываете вы оте-

отечеству услугу? Я во сто разъ болѣе уважаю такимъ человѣкомъ, который сѣетъ садовые овощи, или садитъ плодоносные дерева, нежели всѣми вашими собратіями, кои смотрятъ на конецъ своего носа, или носятъ на себѣ ярмо, отъ излишняго своего набожества. Послѣ сихъ рѣчей, *Омри* вдругъ смягчился, началъ *Бабабека* ласкать, увѣрять, и уговорилъ наконецъ оставить свои гвозди и цепь. Его омыли, натерли благовонными водами, и одѣли пристойнымъ образомъ; онъ жилъ пятнадцать дней весьма разумно, и признавался, что почиталъ себя во сто разъ щастливѣе передъ прежнимъ; но чрезъ сей поступокъ потерялъ онъ довѣренность въ народѣ, и женщины не приходили уже больше къ нему для совѣтовъ. И такъ огорчась симъ *Бабабекъ*, оставилъ *Омрія*, и сѣлъ опять на гвозди, дабы по прежнему пріобрѣсти славу.

II.

ЦАРЬ БУТАНСКОЙ

или

До какой степени должно обманывать народъ.

Вопросъ весьма важенъ, но мало изслѣдованъ, чтобы знать до какой степени десятая часть всего рода человѣческаго, должна поступать съ девятью другими такъ какъ съ обезьянами. Сія обманывающая часть не входила никогда въ подробное разсмотрѣніе сего тонкаго предложенія; и страшась ошибки въ своихъ расчетахъ, усугубляла наиболѣе мечтаніи въ умахъ обманываемаго сею народа.

Честные люди, читающіе иногда Виргилія, или Провинціальныя письма, не вѣдаютъ, что въ двадцать разъ болѣе почерпаютъ примѣровъ изъ Ліежскаго Календаря, и изъ Хромова вѣстника, нежели изо всѣхъ хорошихъ

древнихъ и новыхъ книгъ. Никто конечно не имѣетъ искреннѣйшаго уваженія, какъ я, къ знаменитымъ издателямъ сихъ Календарей и къ ихъ собратіямъ. Я знаю что со времеми древнихъ Халдѣевъ, назначены въ году дни, для приниманія лѣкарствъ, для обрѣзыванія ногтеи, для начатія сраженія, и для рубленія лѣсу; знаю, что наибольшій доходъ, нѣкоторой Академіи, состоитъ въ продажѣ таковыхъ Календарей; и такъ осмѣлюсь ли, со всевозможною покорностію, и съ недовѣреніемъ къ самому себѣ, спросить: какое бы роду человѣческому учинилося зло, ежелибы какой разумный Астрологъ доказалъ крестьянамъ, и малыхъ городовъ простымъ мѣщанамъ, что можно безъ всякой опасности обрѣзывать себѣ ногти, когда кто захочетъ, лишъ бы то было съ добрымъ намѣреніемъ? Мнѣ скажутъ на сіе, что народъ не приметъ Календаря сего новопришельца, и никто не будетъ ему вѣрить; но я осмѣлюсь на противъ того увѣрять, что и между простымъ народомъ, сыщутся разумные люди, кои за честь себѣ сочтутъ, слѣдовать сему новому предписанію; ежели же напротивъ и сего въ возраженіе мнѣ скажутъ, что сіи разумные люди,

люди, здѣлаютъ такимъ образомъ возмущенїе, и возбудятъ междоусобную войну, то на сїе я ничего больше говорить не буду, и для общаго спокойствїя дерзновенный мой вымыселъ оставлю.

Весь свѣтъ знаетъ царя Бутанскаго, который есть наивеличайшїй Государь въ свѣтѣ; онъ попираетъ ногами своими во всей землѣ царскїе престолы, и его башмаки, ежели онъ когда ихъ на себя надѣваетъ, застегиваются вмѣсто пряжекъ скипетрами. Онъ покланяется дїаволу, какъ всѣмъ то извѣстно, и весьма къ нему усерденъ, равно какъ и весь дворъ его. Въ одинъ день призвавъ одного славнаго Французскаго рѣщика, приказалъ онъ ему вырѣзать хорошую статую *Веелзевула*. Рѣщикъ искусно окончалъ свою работу, и дїаволъ никогда не былъ такъ совершенъ, какъ онъ его изобразилъ; но по нещастїю нашъ Пракситель у сего чудовища вырѣзалъ только пять кохтей, а Бутанцы всегда дѣлали его съ шестью кохтями. Сїя чрезвычайная рѣщикова ошибка усмотрѣна была великимъ учредителемъ дїавольскихъ церемонїй, со всевозможнымъ усердїемъ человѣка истинно ревностнаго къ правамъ своего защитни-

 ка,

ка, и къ древнему и священному обычаю царства Бутанскаго. Онъ по важности сей ошибки требовалъ головы рѣщиковой. Рѣщикъ отвѣтствовалъ, что сіи пять кохтей имѣли точно такой же вѣсъ какъ и шесть кохтей обыкновенныхъ. Царь Бутанскій будучи весьма снисходителенъ простилъ ему сію ошибку, и съ того времени народъ Бутанскій перестал вѣрить, что діаволу непремѣнно должно быть съ шестью кохтями.

Въ тотъ же самый день Его Величеству потребно было пустить кровь; одинъ Гасконскій лѣкарь, пріѣхавшій ко двору его на Индійскомъ купеческомъ кораблѣ, призванъ былъ для выпущенія пяти унцій сей драгоцѣнной крови. Тамошній Астрологъ кричалъ, что жизнь царская подвержена будетъ опасности, когда пустятъ ему кровь во время дурнова на небѣ предзнаменованія. Гасконецъ могъ бы ему отвѣчать, что не должно взирать на небесные знаки, а на состояніе здоровья царя Бутанскаго; однакожъ подождавъ разумно нѣсколько минутъ, посмотрѣлъ онъ въ свой календарь: вы говорили справедливо, великій мужъ, сказалъ онъ городскому мудрецу, царь непремѣнно бы скон-

чался, ежелибы пустили ему кровь въ ту минуту, когда вы говорили; но съ того времени небо перемѣнилось, и вотъ теперь способная къ кровопущанїю минута. Астрологъ на то согласился, и мало по малу прїобыкли наконецъ пускать царямъ кровь, когда они въ томъ имѣли нужду.

Одинъ храбрый Доминиканецъ, назвалъ въ Римѣ Аглинскаго философа собакою, за то что онъ доказывалъ, якобы земля вертится; развѣ ты забылъ, говорилъ онъ, что Iисусъ Навинъ остановилъ солнце. Ахъ! почтенный отецъ, отвѣтствовалъ ему философъ, съ того то самаго времени солнце здѣлалось неподвижно. Посемъ Доминиканецъ съ собакою обнялись, и наконецъ во всей Италїи начали вѣрить, что земля вертится.

Во время цесарево, одинъ предсказатель съ Сенаторомъ, съ сожалѣнїемъ говорили о паденїи республики. По справедливости, весьма опасныя приходятъ времена, говорилъ Сенаторъ, надлежитъ страшиться худыхъ слѣдствїй отъ вольности Римской. Ахъ! не въ томъ состоитъ крайнее зло, говорилъ предсказатель, а въ томъ, что перестали уже намъ оказывать то почтенїе, кото-

рое

рое оказывали прежде; кажется что нынѣ всѣ уже нами презираютъ, и мы перестаемъ уже быть нужными. Полководцы дерзаютъ дѣлать сраженіи безъ нашего совѣту, и къ пущему нещастію, тѣ кои продаютъ намъ священныхъ цыплятъ, начинаютъ уже имѣть разсудокъ. Такъ для чего же и вы, также не употребляете разсудку, сказалъ ему Сенаторъ? Когда во время цесарево продаватели цыплятъ знаютъ больше, нежели товарищи ихъ знали во время Нумово, то не должно ли, чтобъ и вы, всѣ нынѣшніе предсказатели, были больше философами, нежели прежде бывшіе ваши товарищи?

III.

ПОВѢСТЬ.

О Добромъ Браминѣ.

Въ путешествіи моемъ наѣхалъ я на одного престарѣлаго Брамина, разумнѣйшаго и весьма ученаго человѣка, а тѣмъ еще ученнѣйшаго, что былъ богатъ; ибо не имѣя ни въ чемъ недостатку, не имѣлъ и нужды никого обманывать. Семья его была порядочно управляема тремя прекрасными женами, кои всѣ старалися ему угождать; и когда не забавлялся онъ съ ними, тогда упражнялся въ философическихъ размышленіяхъ.

По близости отъ его дому, который былъ весьма хорошъ, порядочно прибранъ, и окруженъ пріятными садами, жила одна старая, суевѣрная, глупая и весьма бѣдная Индіанка.

Браминъ въ одинъ день мнѣ сказалъ: я бы желалъ, что бы никогда на свѣтъ я не раждался. Для чего такъ? спросилъ я у него. Онъ мнѣ на то отвѣчалъ: я съ сорокъ

лѣтъ

лѣтъ безпрестанно учусь, и сіи сорокъ лѣтъ всѣ тщетно потеряны ; я обучаю другихъ, а самъ ничего не знаю; и сіе состояніе производитъ въ душѣ моей столь великое къ самому себѣ презрѣніе и отвращеніе, что жизнь мнѣ отъ того становится несносною: я произошелъ на свѣтъ, проживаю время, а не знаю что такое есть время; нахожусь въ срединѣ между двумя вѣчностями, такъ какъ говорятъ наши мудрецы, а никакого не имѣю понятія о вѣчности; я составленъ изъ вещества, и одаренъ мыслію, но никогда не могъ постигнуть отъ чего раждается во мнѣ мысль моя; я не вѣдаю, разумъ во мнѣ, простою ли силою управляется, такъ какъ ноги мои побуждаются къ ходьбѣ, и желудокъ къ варенію пищи; и такъ ли въ головѣ моей дѣйствуютъ мои мысли, какъ дѣйствую я моими руками? Но не токмо происхожденіе моихъ мыслей мнѣ неизвѣстно, да и самое побужденіе моего движенія равно отъ меня сокрыто. Я не знаю для чего я живу на свѣтѣ, однакожъ о всѣхъ сихъ вещахъ каждый день мнѣ дѣлаютъ вопросы ; мнѣ непремѣнно должно отвѣтствовать, а я по справедливости ничего точнаго о семъ сказать не

могу;

могу; я говорю иногда много, однакожъ послѣ моихъ рѣчей, вдругъ прихожу въ смятенїе, и самъ стыжусь своего невѣжества.

И еще того хуже: когда вопрошаютъ меня о Брамѣ, отъ Вистну ли онъ произошелъ, или они оба суть вѣчны? Богъ мнѣ въ томъ свидѣтель, что я ни одного слова о семъ сказать не умѣю, и отвѣты мои доказываютъ мое незнанїе. Ахъ! почтеннѣйшїй отецъ, говорятъ мнѣ, повѣдай намъ, по что зло напояетъ ядомъ своимъ всю землю? Но я и самъ столько же претерпѣваю горестей, какъ и тѣ, кои меня о семъ вопрошаютъ. Я имъ иногда говорю, что все на свѣтѣ къ наилучшему; однакожъ тѣ, кои были ограблены и изрублены на войнѣ, ни мало сему не вѣрятъ, да я и самъ сумнѣваюсь. Я удаляюсь въ свой домъ, отягченный любопытствомъ и невѣденїемъ, читаю тамъ древнїя наши книги, но онѣ пуще во тьму невѣденїя меня погружаютъ. Я вопрошаю о семъ моихъ товарищей: одни отвѣчаютъ мнѣ, что должно утѣшаться жизнїю, и насмѣхаться людскимъ обращенїямъ; а другїе надѣются что нибудь знать, и заблуждаются въ дерзновенныхъ своихъ мысляхъ. Все сїе умножаетъ

во

во мнѣ болѣзненные чувства, кои непрестанно меня отягощаютъ. Иногда готовъ я предаться и самому отчаянію, когда помышляю, что послѣ всѣхъ моихъ изысканій я не познаю ни того, откуда я произошелъ, ниже того, что я, куда пойду, и что со мною послѣдуетъ?

Состояніе сего добраго человѣка, приводило меня въ великое объ немъ сожалѣніе; ибо не находилъ я никого ни разсудительнѣе ни честнѣе его; и такъ изъ сего я заключалъ, что чемъ болѣе имѣлъ онъ просвѣщенія въ разумѣ и чувствительности въ сердцѣ, тѣмъ больше былъ нещастливъ.

Въ тотъ же самыи день, увидѣлъ я ту старую Индіанку, которая жила съ нимъ въ сосѣдствѣ и у нее спросилъ: печалилась ли она когда о томъ, что не знала, какъ сотворена душа ея? Но она не понимала и моего вопроса; ибо она никогда въ жизни своей не помышляла ни объ одномъ пунктѣ, кои толико тревожили Брамина. Она отъ всего сердца вѣрила Вистнувымъ превращеніямъ, и естьли когда могла получить воды изъ рѣки Гангеса для умыванія, тогда наищастливѣйшею въ свѣтѣ женщиною себя почитала.

Буду-

Будучи пораженъ благополучїемъ сей бѣдной твари, возвратился я къ моему философу, и ему сказалъ: не стыдно ли тебѣ почитать себя нещастливымъ въ то время, когда у воротъ твоихъ, одна довольно уже престарѣлая машина ни о чемъ не помышляетъ, и живетъ довольною? Ты говоришъ справедливо, отвѣчалъ онъ мнѣ, я со сто разъ самъ себѣ говорилъ, что я былъ бы щастливъ, ежели бы былъ также глупъ какъ моя сосѣдка; но однакожъ не желаю такого благополучія.

Сей Браминовъ отвѣтъ болѣе привелъ меня въ движенїе, нежели всѣ прежнія его рѣчи. Я разсматривалъ самъ себя, и увидѣлъ, что въ самомъ дѣлѣ, я никогда не хотѣлъ бы быть щасшливымъ съ тѣмъ чтобы быть глупымъ.

Мнѣнїе сїе предлагалъ я философамъ, и они были со мною согласны; однакожъ есть, говорилъ я, противъ сихъ мыслей жестокое возраженїе; ибо, въ чемъ состоитъ все наше желанїе? Не въ томъ ли, чтобъ быть щастливымъ? И такъ все равно, имѣть ли разумъ или быть безумну. Сверхъ же сего, тѣ, кои довольны своею жизнїю, весьма увѣрены въ томъ, что они сю довольны, а тѣ, кои вникають

каютъ во глубину своего размышленія, не столь еще увѣрены въ справедливости своего разсудка.

И такъ сіе доказываетъ ясно, говорилъ я, что надлежало бы лучше желать, чтобъ не имѣть сего вреднаго просвѣщенія и понятія, когда причиняетъ оно зло въ нашей жизни, и обращается къ собственному нашему мученію.

Весь свѣтъ былъ со мною согласенъ, но однакожъ никого я не нашелъ, кто бы пожелалъ сему послѣдовать, и захотѣлъ бы быть глупымъ, для того чтобы быть спокойнымъ. Наконецъ я изъ сего заключилъ, что хотя мы и уважаемъ благополучіемъ, но еще болѣе уважаемъ разумомъ.

Послѣ многаго о семъ размышленія, кажется мнѣ, что предпочитать разумъ щастію весьма безумно. Какъ можно истолковать сіе противомысліе? Равно какъ и всѣ прочіе. Вотъ о чемъ много говорить должно!

IV.

IV.

СКОЛЬ ОПАСНО ИМѢТЬ РАЗУМЪ.

Во время когда Францїя безумно послѣдовала системѣ *Лава*, и когда онъ былъ государственнымъ казначеемъ, одинъ человѣкъ, слѣдовавшїй всегда здравому разсудку, пришедъ къ нему сказалъ при многомъ собранїи:

Ты, господинъ *Лавъ*, великїй дуракъ, ты величайшїй безумецъ и величайшїй плутъ, какого никогда еще между нами не было; я не только что сїе говорю, но могу тебѣ и доказать. Ты выдумалъ увеличить государственное сокровище посредствомъ бумаги; но сїя бумага показываетъ только обманчивый видъ денегъ, а не истинное сокровище, каковое производятъ земля и рукодѣлїи; тебѣ надлежало бы лучше начать свои вымыслы приумноженїемъ въ десятеро хлѣба, вина, сукна, полотна и проч. . . . Но и сего бы еще было не довольно, а должно бы сверхъ того доставить надежныя способъ къ продажѣ.

А ты вмѣсто онаго, дѣлаешъ въ десять разъ болѣе бумажныхъ билетовъ, нежели мы имѣемъ денегъ и товаровъ; и такъ по тому ты въ десять разъ безумнѣе и глупѣе, и въ десять разъ плутоватѣе всѣхъ государственныхъ казначеевъ, и главныхъ надзирателей, кои прежде тебя были; и вотъ еще чемъ докажу я при окончаніи моей рѣчи. . . .

Лишъ только началъ онъ окончательную свою рѣчь, какъ его взяли, и отвели въ тюрьму С. *Лазаря*.

По выпущеніи его изъ тюрьмы, гдѣ онъ много научился, и болѣе просвѣтилъ свой разумъ, пошелъ онъ въ Римъ, гдѣ требовалъ публичной аудіенціи у Папы, но съ тѣмъ чтобъ не перебивали его рѣчи, и пришедъ, говорилъ Папѣ сими словами:

Ты, святый отецъ, Антихристъ, и вотъ какъ я то доказываю Вашему Святѣйшеству: я называю тебя Антихристомъ по разумѣнію слова, которое значитъ такого человѣка, который во всемъ дѣлаетъ противное, что дѣлалъ Христосъ, и который поступаетъ противно его заповѣдямъ; а вотъ тому и доказательство: Христосъ былъ бѣденъ, а ты богатъ; онъ платилъ дань, а ты самъ требуешъ себѣ дани; онъ повиновался правленію,

а ты сдѣлался правителемъ; онъ ходилъ пѣшкомъ, а ты ѣздишъ въ *Кастель Гондольфу* въ великолѣпнѣйшемъ экипажѣ; онъ вкушалъ все что ему ни предлагали, а ты повелѣваешъ чтобъ въ пятницу и въ суботу ѣли мы рыбу, когда живемъ мы отъ моря и отъ рѣкъ во отдаленіи; онъ запретилъ Симону Петру употреблять мечь противъ его злодѣевъ, а близъ тебя мечи употребляются у твоихъ воиновъ и проч. . . и проч. . . И такъ въ семъ разумѣ, Ваше Святѣйшество настоящій Антихристъ. Во всемъ протчемъ по твоему сану я тебя почитаю, и прошу у тебя отпущенія грѣховъ, in articulo mortis. Въ тужъ минуту его взяли и посадили въ замокъ С. Анжело.

По выпущеніи изъ замка С. Анжело, побѣжалъ онъ въ Венецію, и просилъ чтобъ позволено ему было поговорить съ Дожіемъ. Надобно думать, говорилъ онъ ему, что Ваша Свѣтлость, великій безумецъ, что каждый годъ обручаетеся вы съ моремъ; ибо, во первыхъ, никто не обручается болѣе одного разу съ одною особою, во вторыхъ, ваше обрученіе подобно Арликинскому, которое не совершилося для того, что несогласна была невѣста; а въ третьихъ, вамъ надобно

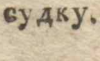
добно бы подумать что можетъ быть нѣкогда другія морскія силы, признаютъ васъ къ свершенію брака не способнымъ.

По выговореніи сей рѣчи заключили его въ башню С. Марка.

Какъ вышелъ онъ изъ башни С. Марка, то поѣхалъ на караблѣ въ Морею, и присталъ подлѣ одного малаго залива, гдѣ берега покрыты были оливковыми и фиговыми деревами; расхаживая нѣсколько времени между разваленныхъ столповъ и опрокинутыхъ зданій, пришелъ онъ въ одну дурную деревню, называемую *Сетну*, и тамъ на нѣсколько дней остановился. Возможно ли, сказалъ онъ нѣкогда одному попу, съ которымъ обходилъ сіи развалины, я теперь въ той землѣ, гдѣ жили *Милтїадъ*, *Аристидъ*, *Ѳемистоклъ*, *Сократъ*, *Ксенофонтъ*, *и Дъмосѳенъ*, а не нахожу въ ней ни наукъ ни добродѣтели? Не стыдно ли вамъ, живши въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жили столь великіе мужи, быть наиглупѣйшими и безумнѣйшими невѣжами? Грецїя, гдѣ царствовала вольность, Грецїя, которая самою малою кучкою согражданъ своихъ устрашала всю Азїю, населена нынѣ одними только гнусными и порабощенными невольниками! Попъ не зная ни одного слова изъ исторіи, ни

ничего ему на сїе не отвѣтствовалъ, но какъ думалъ что въ сихъ словахъ ничего лестнаго не заключалось, пожаловался Кадію, который велѣлъ дать сто ударовъ палкою по пятамъ сему мудрецу.

Получивши сїе легкое наказанїе поѣхалъ онъ въ Константинополь, и выпрося чтобъ допустили его къ Муфтію, говорилъ ему сими словами: Вашъ законъ хотя преисполненъ хорошими правилами, кои повелѣваютъ чтить вышнее существо и быть справедливу и благодѣтельну, однакожъ онъ не что иное есть, какъ безумное смѣшенїе Жидовской вѣры, и собранїе скучныхъ басенъ; ибо ежели бы Архангелъ Гаврїилъ принесъ съ нѣкоторой планеты листы Алкорана Магометова, то вся Аравія должна бы видѣть Гаврїила, когда онъ снисходилъ съ небесъ на землю, а его никто не видалъ; и такъ по сему вашъ Магомедъ былъ дерзкїй обманщикъ, который обманывалъ людей суевѣрныхъ.

Едва выговорилъ онъ сїи слова, какъ по-

садили его на колъ, однакожъ до самой смерти, всегда послѣдовалъ онъ здравому разсудку.

V.

Другое время другія и мысли.

Нещастливъ я, что родился на свѣтъ, говорилъ нѣкогда *Ардассанъ Огли*, молодой *Икогланъ* великаго *Падисгая* Турецкаго. Еще бы было лучше, ежели бы я зависѣлъ отъ одного только великаго *Падисгая*; но я еще подчиненъ начальнику моего *Оды Капидшу Башѣ*; и когда захочу я получить мое жалованіе, тогда долженъ припадать съ прозбою къ ногамъ *Тефтердарева* камисара, который половину жалованія моего у себя остановляетъ. Мнѣ не было еще семи лѣтъ отъ роду, какъ противъ воли моей торжественно меня обрѣзали, и я двѣ недѣли отъ того былъ боленъ. *Дервишъ*, который для насъ отправляетъ молитву, есть мой начальникъ; *Иманъ* еще болѣе его надо мною начальствуетъ; *Молла* и еще болѣе *Имана*. *Кади* другой мой начальникъ; *Кадилескиръ* еще болѣе его; а *Муфти* еще гораздо болѣе, нежели всѣ они вмѣстѣ, надо мною господствуетъ. *Кіага* великаго *Визиря* можетъ однимъ словомъ при-

приказать бросить меня въ рѣку; а великій *Визирь* для утѣшенія своего, можетъ велѣть перетянуть мнѣ шею веревкою, и содравъ съ головы моей кожу, набить ее соломою, такъ что никто того и не примѣтитъ.

Сколько начальниковъ, великій Боже! хотя бы я имѣлъ столько тѣлъ, и столько душъ, сколько должно мнѣ отправлять должностей, то и тогда бы меня не достало. О Алла! по что не создалъ ты меня совою? Я жилъ бы вольно въ моей норѣ, и ѣлъ бы по своему желанію мышей, не имѣя ни начальниковъ ни подчиненныхъ. Вотъ сколь нынѣ стала зла судьба человѣка; онъ началъ имѣть надъ собою начальниковъ тогда, когда развратился. Никакой человѣкъ не былъ съ тѣмъ созданъ, что бы служить беспрестанно другому человѣку. Всякой бы щедро помогалъ своему ближнему, ежели бы всѣ вещи были въ прежнемъ своемъ порядкѣ. Зрячей водилъ бы слѣпова, а здоровой служилъ бы вмѣсто посоха безногому и дряхлому. Сей свѣтъ былъ бы раемъ *Магометовымъ*, а нынѣ вмѣсто того онъ есть настоящій адъ.

 Такъ

Такъ говорилъ *Ардассанъ Огли* послѣ полученія ста ударовъ ремнемъ отъ одного своего начальника.

Послѣ нѣсколькихъ потомъ лѣтъ *Ардассанъ Огли* сдѣлался трехъ бунчужнымъ Пашею, и будучи въ семъ чрезвычайномъ щастіи, думалъ онъ, что всѣ люди, выключая только *Султана* и великаго *Визиря*, рождены были для его услугъ, и что всѣ женщины созданы на то, что бы угождать его желаніямъ.

VI.

ТИМОНЪ,

или

Доказательство, что науки повредили нравы.

Слава Богу, я сжегъ всѣ мои книги, сказалъ мнѣ вчерась Тимонъ. Какъ! всѣ безъ изъятія, вскричалъ я? Пусть бы ты сжегъ Тревусской журналъ, романы, скаски, и всѣ нынѣшніе новые сочиненіи; но что сдѣлали тебѣ *Цицеронъ*, *Виргилій*, *Расинъ*, *Фонтенеллъ*, *Аристотель*, *Адиссонъ* и *Попій*? Я всѣхъ ихъ сжегъ, повторялъ онъ, они вредители всего рода человѣческаго; и самые изобрѣтатели геометріи и ариѳметики суть страшные чудовища, и всѣ науки не что иное какъ бичь посланный на землю; безъ нихъ всегда бы мы златый вѣкъ имѣли. Я отказываюсь на всегда отъ всѣхъ ученыхъ людей, и буду убѣгать всѣхъ тѣхъ земель, въ которыхъ науки извѣстны; страшно жить въ такихъ городахъ, гдѣ во всякое время носятъ золото въ карманахъ, куда привозятъ изъ Китая маленькихъ червяковъ, что бы накрывать себя ихъ

ихъ пухомъ, и гдѣ слышенъ согласной звукъ инструментовъ, слухъ увеселяющихъ, и приводящихъ духъ въ пріятное изступленіе; все сіе для меня ужасно; мнѣ кажется что одни только Ирокіянцы суть добрые люди; но притомъ однакожъ надобно чтобъ и они отдалены были отъ Кебека, куда также я думаю, введены проклятыя Европейскія науки.

Когда Тимонъ со всемъ окончалъ свою рѣчь, тогда я его просилъ, что бы онъ мнѣ сказалъ безъ сердца, что возбудило въ немъ столь великое отвращеніе къ наукамъ? Онъ признался мнѣ искренно, что досада его единственно происходила отъ нѣкоторыхъ людей, кои дѣлаются рабами книгопродавцамъ, и кои, будучи безсильны отправлять другое честное ремесло, каждый мѣсяцъ ругаютъ почтеннѣйшихъ людей въ Европѣ, дабы тѣмъ получить себѣ прибытокъ. Вы говорите правду, сказалъ я, но не захотите ли вы, что бы побили всѣхъ лошадей въ городѣ, единственно только за то, что есть нѣкоторые изъ нихъ, которые брыкаются и худо ходятъ въ упряжкахъ?

Я видѣлъ, что сей человѣкъ началъ ненавидѣть науки отъ злоупотребленія наукъ, чрезъ что наконецъ возненавидѣлъ и самыя науки.

Вы

Вы согласитесь, сказалъ онъ мнѣ, что просвѣщенiе въ наукахъ раждаетъ въ человѣкѣ желанiе новыхъ надобностей; отъ сего желанiя раждаются страсти, а страсти побуждаютъ ко всѣмъ злодѣянiямъ. Аббатъ *Сежеръ* управлялъ народомъ очень хорошо, во время непросвѣщенное, а Кардиналъ *Ришелье*, зная богословiю и будучи стихотворцемъ, больше отрубилъ головъ нежели сколько сдѣлалъ худыхъ комедiй; ибо лишъ только учредилъ онъ академiю во Францiи, какъ *Сенъ Маркъ*, *Дету*, и *Марильякъ* преданы имъ были палачу въ руки. Когда бы Генрихъ VIII не былъ ученъ, то не осудилъ бы онъ двухъ своихъ женъ на казнь. Карлъ IX приказалъ всѣхъ убивать въ день *Св. Варѳоломея*, единственно для того, что учитель научилъ его дѣлать стихи; а Католики умертвили въ Ирландiи отъ трехъ до четырехъ тысячь семей протестантскихъ, для того что познали совершенно ученiе. *С. Томаса.*

Развѣ вы думаете, сказалъ я ему, что *Атилла Женсерикъ*, *Одоакръ* и имъ подобные, долго учились въ университетахъ? Я со всѣмъ о томъ не думаю, говорилъ онъ мнѣ, однакожъ знаю, что они писали много въ стихахъ и въ прозѣ; а безъ того погубили ли

бы они также нѣкоторую часть рода человѣческаго? Они прилѣжно читали богословїю и развратные нравоученїи Іезуитовъ, желая рѣшить свои сомнѣнїи, кои одною только грубою природою въ нихъ возбуждались. Чрезъ разумъ только и просвѣщенїе можно учиниться злобными. Я всѣхъ безумцевъ болѣе почитаю, когда они сохраняютъ честность. Онъ утверждалъ свое мнѣнїе многими доказательствами, заслуживающими награжденїе въ академїи, и я ни въ чемъ ему не противорѣчилъ. По томъ поѣхали мы ужинать въ деревню; онъ во всю дорогу проклиналъ жестокость наукъ, а я читалъ *Горацїя*.

Въѣхавши въ одну рощу, окружены мы были ворами, которые немилосердо насъ ограбили. Я спрашивалъ у сихъ господъ, въ которой школѣ училися они своей наукѣ? Но они мнѣ признавались, что ни одинъ изъ нихъ и грамотѣ никогда не учился.

Будучи такимъ образомъ ограблены сими глупыми невѣжами, прїѣхали мы почти нагїе въ тотъ домъ, въ которомъ должны были ужинать. Сей домъ принадлежалъ одному ученнѣйшему человѣку въ Европѣ. Тимонъ слѣдуя своимъ правиламъ, долженъ бы быть умерщвленъ, однакожъ онъ живъ остался.

остался. Насъ одѣли, дали намъ денегъ, и приготовили для насъ хорошей столъ; но Тимонъ вставъ изъ за стола, потребовалъ пера и чернилъ, чтобъ писать противъ тѣхъ, кои просвѣщаютъ разумъ свой науками.

VII.

ФИЛОСОФЪ ИНДѢЙСКОЙ И БОСТАНЖИ

или

Украшенїе города Кашемиры.

Жители Кашемирскїе были тихи, легкомысленны, упражнялися въ бездѣлкахъ, такъ какъ другїе народы упражняются въ дѣлахъ важныхъ, и жили подобно младенцамъ, которые никогда не понимаютъ того что имъ повелѣваютъ, и которые противъ всего ропщутъ, всемъ утѣшаются, всему смѣются, и о всемъ позабываютъ.

Они естественно не имѣли никакого вкуса въ наукахъ; государство Кашемирское пребывало около 1300 лѣтъ, не зная ни истинной философїи, ни хорошаго стихотворенїя, ни порядочной архитектуры, ни живописи, ни рѣзбы. Они долго не имѣли никакого рукодѣлїя ни торгу; и съ тысячу лѣтъ пребывали въ такомъ невѣжествѣ. Когда Кашемирской Маркизъ желалъ имѣть позумна, или хорошую душегрѣйку, то принужденъ

нужденъ бывалъ для онаго прибѣгать или къ Жиду или къ Баніану. Наконецъ въ началѣ послѣдняго вѣка, появилися въ Кашемирѣ великіе люди, кои казалось происходили со всемъ не отъ того народа, и которые просвѣщаяся науками Персіанъ и Индѣйцовъ, имѣли высокій разумъ и здравый разсудокъ. Въ то время царствовалъ надъ ними Султанъ, сихъ великихъ людей во всемъ ободрявшій; который съ помощію добраго Визиря, просвѣщалъ, украшалъ и обогащалъ свое государство; но Кашемирцы получали сіи благодѣяніи съ насмѣшкою, и сочиняли ругательныя пѣсни противъ Султана, противъ министра и противъ тѣхъ великихъ мужей, кои ихъ научали.

По томъ науки въ Кашемирѣ по прежнему ослабѣли; огнь высокими умами возжигаемый, покрылся пепломъ; природа казалася быть истощенною, и слава Кашемирскихъ наукъ почти состояла только въ однихъ ногахъ и рукахъ. Тамъ были искуснѣйшіе люди, которые хитро по голосу музыки, одну ногу подъ другую подгибали, и дѣлали то съ удивительнѣйшею скоростію; другіе всякую недѣлю выдумывали нѣкоторымъ чуднымъ образомъ складывать ленту,

а славные ихъ химисты ветчинным соком и другими подобными сему лѣкарствами, въ нѣсколько лѣтъ многїе домы приводили въ болѣзнь и въ разоренїе. Наконецъ Кашемирцы чрезъ сїи хитрые вымыслы достигли до чести снабжать модами, плясунами и поварами почти всю Азїю.

Говорили много, чтобъ столичный городъ Кашемиру сдѣлать спокойнѣе, чище, здоровѣе и лучше передъ прежнимъ; но только что о томъ говорили, а ничего не дѣлали. Одинъ Индустандскїй Философъ, великїй любитель общаго блага, который ревностно, хотя и безполезно, подавалъ всегда свои совѣты, касающїеся до того, чтобъ учинить людей щастливѣе и совершеннѣе въ наукахъ, проѣзжалъ нѣкогда чрезъ столицу Кашемирскую. Онъ имѣлъ съ однимъ главнымъ *Бостанжїемъ* продолжительный разговоръ о способѣ доставить сему городу все то, въ чемъ имѣлъ онъ недостатокъ. *Бостанжи* соглашался, что для нихъ было постыдно, что не имѣли они великаго и великолѣпнаго храма, подобнаго находящимся въ Пекинѣ и въ Агрѣ, и что сожалительно, что не было у нихъ большихъ базаровъ, то есть купеческихъ лавокъ и анбаровъ,

ровъ, окруженныхъ столпами и служащихъ во обще и къ пользѣ и ко украшенію. Онъ признавался, что мѣста для ихъ публичныхъ игръ назначенныя, были недостойны города четвертаго степени; что жалко видѣть на хорошихъ мостахъ построенные у нихъ негоднѣйшіе домы, и что тщетно желаютъ они имѣть площади, фонтаны, статуи и проччіе сданіи, дѣлающіе славу ихъ государству.

Позвольте мнѣ, сказалъ ему Индѣйскій философъ, сдѣлать вамъ одинъ маленькой вопросъ. Для чего же не снабжаете вы себя всемъ тѣмъ въ чемъ имѣете недостатокъ? Ахъ! сказалъ малый *Бостанжи*; нѣтъ къ тому никакого способу, ибо сіе весьма дорого будетъ стоить. Вмѣсто того ничего не будетъ стоить, говорилъ философъ. Мы уже слыхали таковые несправедливые увѣреніи, прервалъ Кашемирскій гражданинъ; сіе легко только на словахъ, то есть что о сихъ удивительныхъ вещахъ хорошо дѣлать одно только воображеніе, но смѣшно подумать, чтобъ самымъ дѣломъ возможно было то исполнить. Мы симъ хорошимъ наставленіямъ ни мало не вѣримъ, которые много разъ намъ говорены были. Чтожъ вы отвѣчали,

спро-

спросилъ у него философъ, тѣмъ людямъ, кои представляли вамъ, что надлежитъ только имѣть совершенное желанiе, и что Кашемирскому государству ничего не будетъ стоить для украшенiя вашей столицы, и для произведенiя всѣхъ тѣхъ великихъ вещей, въ коихъ имѣете вы нужду? Мы ничего не отвѣчали, сказалъ *Бостанжи*, а только тому смѣялись, по нашему обыкновенiю, и ни о чемъ не разсуждали. Такъ войдите же лучше въ разсужденiе, говорилъ философъ, я вамъ докажу, отъ чего будете вы щасливы и что васъ толико безпокоитъ. Кашемирецъ будучи человѣкомъ учтивымъ, кусалъ себѣ губы чтобъ не захохотать передъ Индѣйцомъ, и наконецъ имѣли они между собою слѣдующiй разговоръ:

Философъ.

Что потребно, думаете вы, чтобъ быть богату?

Бостанжи.

Имѣть много денегъ.

Философъ.

Вы ошибаетесь; ибо жители полуденной Америки въ древнiе времена имѣли столько

денегъ,

денегЪ, сколько вы никогда имѣть не можете, но не зная никакого искуства, не имѣли они у себя ничего, что чрезЪ деньги получить можно, и по тому претерпѣвали во всемЪ недостатокЪ.

Бостанжи.

Я разумѣю, вы полагаете богатство во обладанiи плодоносною землею.

ФилософЪ.

Со всемЪ нѣтЪ; Украинскiе Татары живутЪ вЪ наиплодоноснѣйшей землѣ, но ничего у себя не имѣютЪ. Изобилiе государства, равно какЪ и всѣ прочiе дарованiи, зависитЪ отЪ природы и отЪ просвѣщенiя вЪ наукахЪ; и такЪ по сему все богатство состоитЪ вЪ вещахЪ, произведенныхЪ природою и вЪ ихЪ обработыванiи. Наибогатѣйшiй и наищастливѣйшiй народЪ есть тотЪ, который рачительнѣе удобряетЪ хорошую землю, и потребность понуждающая кЪ труду, есть наилучшiй дарЪ, который БогЪ ниспославЪ человѣку.

Бостанжи.

Я на сiе согласенЪ, но чтобЪ сдѣлать все то, что намЪ потребно, стоитЪ бу-

детъ труда десяти тысячь человѣкъ, и времени не менѣе десяти лѣтъ, то гдѣ возмемъ мы денегъ для заплаты за сіи труды?

Философъ.

Не содержали ли вы на жалованьѣ сто тысячь воиновъ, въ продолженіе десятилѣтней войны?

Бостанжи.

Правда, и государство, какъ кажется, чрезъ то не оскудѣло.

Философъ.

Какъ! вы имѣете деньги на то чтобъ посылать на убіеніе сто тысячь человѣкъ, а не имѣете чемъ бы прокормить десять тысячь работниковъ?

Бостанжи.

Великая разница! гораздо меньше стоитъ посылать гражданина на смерть, нежели заставить его высѣкать мраморъ.

Философъ.

Вы и въ семъ ошибаетесь: тридцать тысячь одной конницы дороже стоитъ, нежели десять тысячь художниковъ; а по справедливости ни тѣ, ни другіе не будутъ

дорого

дорого стоить, если они употреблены будутъ для пользы государственной. Чего думаете вы стоило древнимъ Египтянамъ для построенія пирамидъ, и Китайцамъ для сдѣланія ихъ большой стѣны? Ничего больше какъ луковицъ и пшена. Земли ихъ истощились ли тѣмъ, что кормили они людей трудолюбивыхъ, вмѣсто того что бы питать тунеядцовъ?

Бостанжи.

Вы доказательствами вашими меня убѣждаете, однакожъ никакъ не можете увѣрить; ибо Философія разсуждаетъ, а привычка дѣйствуетъ.

Философъ.

Ежели бы люди всегда послѣдовали сему правилу, то и понынѣ питалися бы еще желудями, и не знали бы что такое есть полная луна. Для исполненія великихъ предпріятій потребно только одной головы и рукъ, съ чемъ во всемъ до конца достигнуть можно. Вы имѣете изрядные камни, желѣзо, мѣдь, и хорошей строевой лѣсъ, а недостаетъ только одного желанія, что бы начать вашу работу.

Бостанжи.

То правда что мы имѣемъ все; природа весьма щедро насъ наградила; но какїе чрезвычайные должно дѣлать расходы, для обработанїя всѣхъ сихъ матерїаловъ!

Философъ.

Я рѣчи вашей со всемъ не понимаю; о какихъ говорите вы расходахъ? Ваша земля произращаетъ все, что потребно для пищи и одежды вашимъ жителямъ; подъ ногами вашими имѣете вы всѣ матерїалы, и вы окружены болѣе нежели двумя стами тысячьми тунеядцевъ, коихъ къ сей работѣ употребить можете; остается только то, чтобъ заставить ихъ работать и давать имъ за труды столько, чемъ бы могли они себя кормить и одѣвать. Я не вижу чтобъ многаго сїе стоило вашему Кашемирскому государству; ибо вы конечно ничего платить не будете ни Персїанамъ, ни Китайцамъ за то что заставите работать сограждан[ъ] своихъ.

Бостанжи.

Вы говорите весьма справедливо; изъ государства не выходило бы ни денегъ не сѣестныхъ припасовъ.

Фило-

Философъ.

Для чего же съ самаго нынѣшняго дня не приказываете вы начать вашу работу?

Бостанжи.

Весьма трудно привесть въ движенiе столь великую машину.

Философъ.

Какимъ же образомъ начали вы войну, которая у васъ множество и крови и денегъ истощила?

Бостанжи.

Мы, отъ сограждан нашихъ обладающихъ зелями и деньгами, требовали въ томъ вспоможенiя, по мѣрѣ ихъ имѣнiя.

Философъ.

И такъ когда помогали они вамъ въ случаѣ, служащемъ для нещастiя рода человѣческаго, то не ужели не дадутъ ничего для благополучiя и для славы государственной? Возможно ли, чтобъ съ того времени какъ учинилися вы многочисленнымъ народомъ, не изобрѣли еще способу, какъ принудить богатыхъ употреблять для полезнаго труда бѣдныхъ, и понынѣ не достигли еще

до вышней степени, въ учрежденїи государственнаго порядка?

Бостанжи.

Хотя бы мы до того и достигли, чтобъ имѣющїе у себя пшено, ленъ и скотину, давали пищу и одежду нищимъ, для копанїя земли, и для ношенїя тягостей употребляемымъ; однакожъ не болѣе бы отъ того имѣли мы пользы; ибо сверхъ того надлежало бы еще заставить трудиться всѣхъ художниковъ, которые во весь годъ на другое себя употребляютъ.

Философъ.

Я слышилъ, что есть у васъ въ году со сто съ двадцать такихъ дней, въ которые ваши Кашемирцы ничего не работаютъ; и такъ для чего вы половину сихъ праздныхъ дней не перемѣните въ полезные? Для чего въ сїи сто дней не употребляете вы вашихъ беззаботливыхъ художниковъ для созиданїя публичныхъ сданїй? Тогда бы тѣ, кои имѣя у себя двѣ руки ничего не знаютъ, приобрѣли бы въ скоромъ времени полезное знанїе, и чрезъ то доставили бы вы вашимъ народамъ, во веемъ искусныхъ мастеровъ.

Бо-

Бостанжи.

Сїи дни опредѣлены у насъ для пьянства и роскоши, отъ чего государство получаетъ великїй денежной доходъ.

Философъ.

Разсужденїе ваше достойно удивленїя. Но сей государственный доходъ происходитъ единственно отъ обращенїя въ деньгахъ; и такъ полезной трудъ не болѣе ли бы произвелъ сего обращенїя, нежели пьянство и невоздержная роскошъ, ввергающая людей во многїя болѣзни? Можетъ ли быть справедливо, чтобъ государству была польза и прибытокъ отъ того, что народъ третью часть года препровождаетъ въ пьянствѣ?

Сей разговоръ продолжался долго; *Бостанжи* наконецъ признался, что Философъ говорилъ справедливо, и первый еще былъ, котораго сей Философъ мо.ъ увѣрить. Онъ обѣщался сдѣлать много, однак жъ люди никогда не дѣлаютъ, ни того что хотятъ, ниже того что могутъ.

Между тѣмъ какъ философъ и *Бостанжи* разговаривали такимъ образомъ о вышнихъ наукахъ, прошли мимо ихъ съ двадцать хорошихъ двуножныхъ скотовъ, имѣющихъ

щихъ на себѣ короткую епанчу надѣтую посверхъ длинной рясы, острый на головѣ клобукъ, и подпоясанные веревкою. Вотъ большіе и здоровые весельчаки, сказалъ Индѣецъ. Сколько имѣете вы ихъ въ вашемъ государствѣ? Около ста тысячь разнаго роду, отвѣтствовалъ *Бостанжи*. Вотъ способные люди къ трудамъ для украшенія *Кашемиры*, говорилъ Философъ; какъ бы я былъ радъ, ежели бы увидѣлъ ихъ съ заступомъ, съ лопаткою, и съ отвѣсомъ въ рукахъ! И я бы также, сказалъ *Бостанжи*; но они весьма святые люди, что бы употребить ихъ къ симъ недостойнымъ трудамъ. Что же они у васъ дѣлаютъ, спросилъ Индѣецъ? Они пьютъ, ѣдятъ и испражняются, отвѣчалъ *Бостанжи*. Ахъ! какъ ето полезно государству, вскричалъ Индѣецъ! По семъ, разговоръ сей и еще долго продолжался, однакожъ не произвелъ ничего добраго.

IX.

IX.

МЕМНОНЪ.

или

Человѣческое умствованіе.

Мы обмануты бываемъ
Всегда мнѣніемъ своимъ
Утромъ мудры быть желаемъ
А днемъ глупости творимъ.

Мемнонъ принялъ, въ одинъ день, безумное намѣреніе учиниться совершенно премудрымъ. Нѣтъ ни одного на свѣтѣ человѣка, которому бы сія глупая мысль не вселялась иногда въ голову. Мемнонъ самъ себѣ говорилъ: что бы быть совершенно премудрымъ, слѣдственно и весьма щастливымъ, потребно только не имѣть ни какихъ страстей, а сіе учинить всего легче, какъ всѣмъ то извѣстно. Во первыхъ я не буду никогда любить женщинъ, и ежели когда случится мнѣ уви-

увидѣть совершенную красавицу, то я самъ себѣ скажу: ея румяныя щеки при старости поблѣднѣвъ покроются морщинами, ея прелестные глаза будутъ красны, ея прекрасныя и высокія груди опустятся, и голова ея лишится волосовъ своихъ; а при томъ мнѣ должно только нынѣ взирать на нее такими глазами, какими тогда смотрѣть буду, то конечно никакая красавица не вскружитъ мнѣ голову.

Во вторыхъ, я буду всегда трезвъ, меня не прельстятъ ни хорошїе яствы, ни сладкїе вины, ни веселые сообщества; ибо какъ скоро представлю я себѣ всѣ дурные происходящїе отъ того слѣдствїи; то есть: отягощенїе головы, поврежденїе желудка и помраченїе разума, то буду тогда ѣсть, для нужнаго только себя пропитанїя, отъ чего здоровье мое всегда будетъ въ равномъ состоянїи, и мысли чисты и ничемъ не помраченны. Все сїе легко исполнить, и къ достиженїю онаго никакихъ не потребно достоинствъ.

По томъ, говорилъ Мемнонъ, должно нѣсколько помыслить и о моемъ благополучїи; желанїи мои умѣренны, имѣнїе мое въ вѣрномъ охраненїи у государственнаго Нинивїйскаго

скаго откупщика, и мнѣ есть чемъ жить ни отъ кого не зависимымъ; въ семъ-то состоитъ наивеличайшее въ жизни нашей блаженство. Я никогда не буду имѣть жестокой нужды, ходить къ другимъ на поклоны; никому не буду завидовать, и мнѣ никто завидовать не будетъ; и сїе также учинить весьма не трудно. Я имѣю друзей, продолжалъ онъ, и дружбу ихъ сохраню на вѣки; ибо ничего такого у меня не будетъ, въ чемъ бы могли они со мною спорить; я никогда не буду съ ними ссориться, ни они со мною; нѣтъ никакого, мнѣ кажется, въ семъ затрудненїя.

Дѣлая такимъ образомъ мечтательное расположенїе о премудрости, сидя въ своей комнатѣ, Мемнонъ выглянулъ въ окошко, и увидѣлъ двухъ женщинъ прогуливающихся по кленовой рощѣ подлѣ его дому; одна изъ нихъ была стара, и ни о чемъ, казалося, не помышляла, а другая молода, прекрасна и въ великомъ пребывала размышленїи; она воздыхала проливая слезы, и тѣмъ являла болѣе въ себѣ прелестей. Нашъ мудрецъ былъ тронутъ, не красотою сей женщины, (ибо весьма онъ былъ увѣренъ что не почувствуетъ таковой слабости,) но печалїю

чалїю, въ которой видѣлъ ея погруженну. Онъ въ тужъ минуту вышедъ изъ дому своего подошелъ къ молодой Нинивїанкѣ, въ намѣренїи, премудростїю своею подать ей нѣкоторое утѣшенїе. Сїя красавица съ чистосердечїемъ и съ весьма трогающимъ видомъ, увѣдомила его о злодѣйствѣ причиненномъ ей дядею, котораго она со всемъ не имѣла; съ какою хитростїю похитилъ онъ у ней имѣнїе, которымъ она никогда не обладала, и о всемъ томъ чего страшилася она отъ его жестокости. Вы кажетесь мнѣ человѣкомъ способнымъ подавать добрые совѣты, говорила она ему, ежелибъ вы сдѣлали мнѣ снисхожденїе, дошли бы со мною до моего жилища, и разсмотрѣли бы своими глазами дурные обстоятельства дѣлъ моихъ, то я увѣрена что исторгнули бы вы меня изъ жестокой моей печали, и подали бы мнѣ утѣшенїе. Мемнонъ немедлѣнно за нею послѣдовалъ, дабы разумно разсмотрѣть ея дѣла, и подать ей добрые совѣты.

Сїя госпожа привела его въ комнату, окуренную благовонными духами, посадила учтивымъ образомъ вмѣстѣ съ собою на широкую софу, и они оба другъ противъ друга тутъ сидѣли съ поджатыми ногами. Женщина

щина говорила опустя въ низъ глаза, изъ коихъ тогда истекали слезы, а когда она ихъ приподнимала, то взоры ея всегда встрѣчалися со взорами премудраго Мемнона, сїи рѣчи часъ отъ часу наполнялися нѣжностїю, которая при каждомъ взглядѣ болѣе умножалась. Мемнонъ во всѣхъ дѣлахъ ея чрезвычайное принималъ участїе, сердечно объ ней соболѣзновалъ, и каждую минуту чувствовалъ болѣе желанїя одолжить сїю честную и нещастную особу. Въ самомъ жару ихъ разговора нечувствительно перестали они быть другъ противъ друга, и ноги ихъ не были уже больше поджаты. Мемнонъ подавалъ ей свои совѣты столь близко, и изъяснялъ мысли свои столь нѣжно, что оба они не въ состоянїи уже были разсуждать о дѣлахъ своихъ, и оба сами не знали что говорили.

Въ самое сїе время вошелъ ея дядя, такъ какъ того и ожидать было должно, онъ съ ногъ до головы былъ вооруженъ, и первое его слово было то, что по здравому разсудку убьетъ онъ до смерти и премудраго Мемнона и свою племянницу, а напослѣдокъ сказалъ, что можетъ быть онъ ихъ и проститъ, ежели дано ему будетъ много денегъ. Мемнонъ принужденъ былъ ему от-

дать все, что тогда при немъ было, и на то время почиталъ еще себя весьма щастливымъ, что такъ дешево отъ сего освободился. Америка не была еще тогда извѣстна, слѣдственно и печальныя женщины не были въ то время столь опасны какъ нынѣ.

Мемнонъ въ стыдѣ и въ отчаянїи возвратился въ домъ свой, и нашелъ у себя письмо, чрезъ которое звали его на обѣдъ съ нѣкоторыми его друзьями. Ежели я останусь одинъ дома, говорилъ онъ самъ себѣ, то пребуду въ великомъ огорченїи отъ приключившагося со мною печальнаго произшествїя, я не буду ничего ѣсть и сдѣлаюся боленъ. И такъ мнѣ лучше проводить время за умѣреннымъ столомъ съ искренними моими друзьями; въ приятномъ ихъ сообществѣ позабуду я о учиненной мною сего утра глупости. Мемнонъ пошелъ туда куда его звали; тамъ скоро примѣтили его смущенїе, и принудили выпить вина для разогнанїя его печали. Умѣренное употребленїе вина служитъ лѣкарствомъ для души и тѣла; такъ мыслилъ премудрый Мемнонъ, и нечувствительно сдѣлался пьянъ. Послѣ обѣда предложили ему игру; онъ подумалъ что порядочная игра съ друзьями, есть честное

время

время провожденіе, и началъ играть; у него выиграли всѣ деньги, которыя имѣлъ онъ въ кошелькѣ своемъ и въ четверо противъ того въ долгъ. Въ игрѣ ихъ, произошелъ споръ, а по томъ дошло до большой ссоры, и одинъ изъ его искреннихъ друзей бросивъ въ него рюмкою, вышибъ ему глазъ. По семъ отнесли премудраго Мемнона въ домъ его пьянаго, безъ денегъ и безъ глаза.

Проспавшись и почувствовавъ менѣе отягощенія въ головѣ своей, послалъ онъ своего служителя къ Ниневійскому откупщику за деньгами, что бы заплатить искреннимъ друзьямъ своимъ; служитель возвратясь ему объявилъ, что сей откупщикъ въ то самое утро, мошенническимъ образомъ объявилъ себя банкрутомъ, и многія фамиліи привелъ тѣмъ въ раззореніе. Мемнонъ въ безмѣрной горести, съ пластыремъ на глазу и съ челобитною въ рукѣ, пошелъ ко двору, просить у Государя правосудія противъ сего банкрута. Вошедъ въ залу увидѣлъ онъ многихъ придворныхъ госпожъ, имѣющихъ вокругъ себя обручи, въ дватцать четыре фута окружности. Одна изъ нихъ, которая не много его знала, посмотрѣвъ на него косо, сказала: ахъ! какъ онъ страшенъ! а другая будучи

короче ему знакома, подошедъ къ нему говорила: здравствуй г. Мемнонъ, радуюсь что тебя вижу; что ето г. Мемнонъ, отъ чего ты лишился глаза? и сказавъ сїе ушла отъ него, не ожидаяся его отвѣту. Мемнонъ спрятался въ уголъ и тамъ ожидалъ способной минуты броситься къ ногамъ своего Государя. Наконецъ минута сїя наступила; онъ три раза целовалъ передъ Государемъ землю, и подалъ ему свою челобитную. Его снисходительное Величество принявъ челобитную отдалъ одному своему Сатрапу, приказавъ разсмотря оную, его о томъ увѣдомить. Сатрапъ отведши Мемнона къ сторонѣ, говорилъ ему съ гордымъ видомъ и съ язвительною усмѣшкою: ты кривой очень смѣшнымъ мнѣ кажешся, что приступаешъ съ прозьбою твоею прежде къ Государю, нежели ко мнѣ, а еще того смѣшнѣе, что осмѣливаешся просить правосудїя противъ того честнаго банкрута, котораго я почтилъ моимъ покровительствомъ; а при томъ онъ племянникъ горнишной служанки моей любовницы. Оставь лучше, другъ мой, сїе дѣло, буде хочешъ сохранить въ цѣлости послѣднїй глазъ свой.

Такимъ образомъ Мемнонъ располагаясь по утру, хотѣлъ удаляться отъ женщинъ, отъ неумѣреннаго кушанья, отъ игры, а особливо отъ двора; въ тотъ же самый день прежде еще вечера, былъ обманутъ и ограбленъ прекрасною женщиною, напился пьянъ, проигрался, имѣлъ ссору, лишился глаза, и былъ при дворѣ, гдѣ всѣ надъ нимъ насмѣхались.

Пораженный удивленіемъ и отягченный печалію, возвращался онъ съ смертельнымъ угрызеніемъ въ домъ свой, какъ вдругъ подлѣ дому своего увидѣлъ магистратскихъ приставовъ, кои по прозбѣ его заимодавцевъ выносили изъ онаго всѣ его уборы. Увидя сіе, упалъ онъ почти безъ чувствъ подъ одно кленовое дерево; тутъ усмотрѣлъ ту красавицу, у коей былъ онъ по утру, съ дядею своимъ прогуливающуюся, которая увидя его съ пластыремъ на глазу, изо всей силы смѣялась. По наступленіи ночи Мемнонъ легъ на соломѣ подлѣ стѣны своего дома. Онъ сдѣлался боленъ лихорадкою, и въ великомъ жару заснулъ; небесный духъ явился ему въ сновидѣніи.

Онъ окруженъ былъ великимъ свѣтомъ, имѣлъ шесть прекрасныхъ крилъ, но не было

у него ни ногъ, ни головы, ни хвоста, и по тому ни на что онъ не походилъ. Кто ты? спросилъ у него Мемнонъ. Я твой добрый духъ, отвѣтствовало ему привидѣнїе. Возврати же мнѣ мой глазъ, мое здоровье, мое имѣнїе, и мою премудрость, сказалъ ему Мемнонъ, и по томъ увѣдомилъ его, какимъ образомъ всего онаго въ одинъ день онъ лишился. Таковые приключенїи никогда съ нами не случаются въ томъ свѣтѣ, въ которомъ мы обитаемъ, говорилъ ему духъ. А въ какомъ свѣтѣ вы обитаете? спросилъ печальный Мемнонъ. Мое жилище, отвѣтствовалъ духъ, за пять сотъ миллїоновъ миль отъ солнца, въ малой звѣздѣ, подлѣ созвѣздїя *Сирїуса*, которое ты здѣсь видишъ. Прекрасная страна! вскричалъ Мемнонъ; и такъ у васъ нѣтъ, ни негодныхъ женщинъ, которыя бѣднаго мущину обманываютъ и обольщаютъ; ни вѣрныхъ друзей, кои выигрываютъ деньги и лишаютъ глаза; ни банкрутовъ; ни Сатраповъ, насмѣхающихся и въ правосудїи отказывающихъ? Нѣтъ, сказалъ звѣздный житель, мы ничего онаго не имѣемъ. Мы никогда не бываемъ обмануты женщинами, по тому что у насъ ихъ нѣтъ; мы не употребляемъ неумѣренности въ пищѣ,

для того что мы ничего не ѣдимъ; мы не имѣемъ банкрутовъ, по тому что нѣтъ у насъ ни серебра ни золота; намъ не можно вышибить глаза, по тому что мы не имѣемъ тѣла, и ни въ чемъ вамъ не подобны; и Сатрапы никогда не чинятъ намъ неправосудія, для того что въ нашей звѣздѣ всѣ твари суть равны и одинаковы.

Тогда Мемнонъ ему сказалъ, милостивый государь *безъ женъ* и *безъ обѣда*, въ чемъ же вы проводите ваше время? Въ безпрестанномъ и прилѣжномъ бдѣнии, говорилъ духъ, надъ другими обитаемыми мірами, кои поручены въ наше смотрѣніе, и я пришелъ тебя утѣшить. Увы! вскричалъ Мемнонъ, для чего не поспѣшилъ ты притти въ прошедшую ночь, воспрепятствовать мнѣ учинить толико глупостей? Я былъ у *Ассана* старшаго твоего брата, сказалъ небесный духъ, онъ болѣе тебя сожалѣнія достоенъ, ибо Его снисходительное Величество, Государь Индѣйской, при дворѣ котораго онъ имѣетъ честь находиться, приказалъ выколоть ему оба глаза, за одну малую нескромность; онъ теперь заключенъ въ темницу и руки и ноги его окованы тяжелыми цепями. Весьма мучительно, сказалъ Мемнонъ, имѣть у себя

 доб-

добраго духа, для того только, что бы оба братья, одинъ бы былъ кривой, а другой слѣпой; одинъ бы валялся на соломѣ, а другой бы брошенъ былъ въ темницу. Судьба твоя перемѣнится, сказалъ ему звѣздной житель; правда что ты на всегда останешся кривымъ, но впротчемъ довольно будешъ благополученъ, только не предпринимай никогда глупаго намѣренія быть совершенно премудрымъ. Развѣ до сего никогда достигнуть не возможно? возопилъ Мемнонъ воздыхая. Столь же не возможно, отвѣчалъ духъ, сколь не возможно быть, ни совершенно искуснымъ, ни совершенно сильнымъ, ни совершенно богатымъ, ни совершенно щастливымъ, ибо и мы сами весьма отъ сего отдаленны; есть только одинъ таковой міръ, гдѣ все сіе обрѣтается въ полномъ совершенствѣ; а во стѣ тысячахъ милліонахъ, въ пространной обширности разсѣянныхъ мірахъ все слѣдуетъ по степенямъ; на примѣръ, во второмъ мірѣ менѣе имѣютъ премудрости и утѣхи, нежели въ перьвомъ, а въ третьемъ менѣе, нежели во второмъ, и такъ далѣе, до самого послѣдняго, въ коемъ всѣ твари совершенно глупы. Я страшусь, говорилъ Мемнонъ, и нашъ малый земный шаръ, не въ числѣ ли тѣхъ по-

слѣднихъ мiровъ, о коихъ вы мнѣ теперь говорили. Хотя и не со всемъ, сказалъ духъ, однакожъ нѣсколько имъ подобенъ; ибо всякой вещи надлежитъ быть на своемъ мѣстѣ. Ахъ! вскричалъ Мемнонъ, и такъ по сему, нѣкоторые стихотворцы и философы, весьма не справедливо сказали, что все на свѣтѣ устроено наилучшимъ образомъ. Они говорили справедливо, сказалъ небесный философъ, въ разсужденiи премудраго расположенiя всея вселенныя. Нѣтъ! я никакъ сему не повѣрю, возопилъ бѣдный Мемнонъ, развѣ тогда, когда опять кривымъ не буду.

IX.

О СЛАВѢ

или

Разговоръ съ Китайцемъ.

Въ 1723 году, былъ въ Голландіи Китаецъ, купецъ и человѣкъ ученый; оба сіи званія никогда не должны бы быть раздѣленны, такъ какъ то нынѣ у насъ во употребленіи; что произошло отъ чрезмѣрнаго почтенія къ деньгамъ, и отъ малаго уваженія, которое весь родъ человѣческій оказываетъ, оказывалъ, и всегда будетъ оказывать достоинствамъ.

Сей Китаецъ, который разумѣлъ не много говорить по Голландски, случился нѣкогда въ лавкѣ у книгопродавца, съ нѣкоторыми учеными людьми. Онъ требовалъ себѣ какой нибудь книги; ему сказали о всеобщей Боссюетовой исторіи, худо переведенной. Услыша сіе хорошее названіе *всеобщей исторіи*, какъ я щастливъ, говорилъ онъ, что попалась

мнѣ

мнѣ оная книга я усмотрю, что въ ней пищутъ о нашей великой имперіи, о нащемъ народѣ, который болѣе 50000 лѣтъ пребываетъ въ великой славѣ, и о не прерывномъ царствованіи нашихъ Императоровъ, кои въ продолженіе толикихъ вѣковъ нами управляютъ; я узнаю, что думаютъ другіе о премудромъ нашемъ законѣ, и о томъ простомъ богопочитаніи, которое мы воздаемъ Существу вышнему. Какъ будетъ для меня утѣшно видѣть, что говорятъ въ Европѣ о нашихъ художествахъ и рукодѣліяхъ, изъ коихъ многіе начались у насъ древнѣе, нежели всѣ Европейскіе государства! Я думаю, что сочинитель сей книги, много сдѣлалъ ошибки въ описаніи той войны, которую имѣли мы, уже тому двадцать двѣ тысячи пять сотъ пятдесятъ два года назадъ, съ храбрыми *Тункинскими* и *Японскими* народами, и того торжественнаго посольства, которое сильный Могольскій Императоръ присылалъ къ намъ для испрошенія отъ насъ законовъ, въ лѣто отъ сотворенія міра 500000000000079123450000. Ахъ! говорилъ ему одинъ ученый, объ васъ въ сей книгѣ со всемъ ничего неписано; вы въ ней почтены народомъ со всемъ ничего незначущимъ; она вся почти наполнена о первомъ народѣ въ

свѣтѣ,

свѣтѣ, о единомъ народѣ, о избранномъ народѣ, и о великомъ народѣ Іудейскомъ.

Іудейскомъ! вскричалъ Китаецъ; развѣ сей народъ почитается первенствующимъ, по крайней мѣрѣ въ трехъ частяхъ свѣта? Они льстятся впредь быть таковыми, отвѣтствовалъ ученый, а во ожиданіи того времени они то здѣсь имѣютъ честь быть, въ ветошномъ торгу, промышляющими купцами, и обрѣзываютъ иногда червонцы. Вы шутите, говорилъ Китаецъ, возможно ли что бы сіи люди когда нибудь населяли обширное государство? Они имѣли, сказалъ я ему, и обладали нѣсколько лѣтъ одною малою землею; не по обширности земли должно судить о народѣ и не по богатству заключать о человѣкѣ. Но не писано ли еще о другомъ какомъ народѣ въ сей книгѣ, спрашивалъ Китаецъ? Конечно, говорилъ стоявшій подлѣ меня ученый, который всегда въ рѣчь сію вступался; тамъ писано много объ одной малой землѣ въ восемдесятъ миль обширностію, называемой *Египтомъ*, въ которой какъ сказываютъ, было озеро ста пятидесяти миль въ окружности. Возможноли, вскричалъ Китаецъ, озеро во сто пятдесятъ миль въ такой землѣ, которая не болѣе восмидеся-

сяти миль была широтою? сїе весьма прекрасно! И всѣ люди въ сей землѣ были очень разумны, повторялъ ученый. Какоежъ тогда было блаженное время! говорилъ Китаецъ; но все ли тутъ? Нѣтъ, сказалъ Европеецъ; тамъ еще много писано о славныхъ Грекахъ. Кто таковы сїи Греки? спрашивалъ Китаецъ. Ахъ! продолжалъ ученый, сїя земля была величиною не болѣе двусотой части Китая, однакожъ она весьма много прїобрѣла славы во всей вселенной. Я никогда не слыхивалъ о сихъ людяхъ ни въ Моголѣ, ни въ Японїи, ни въ великой Татарїи, сказалъ Китаецъ съ видомъ простосердечїя.

Ахъ невѣжа! ахъ варваръ! вскричалъ учтивымъ образомъ нашъ ученый; и такъ ты ничего не знаешъ ни о *Епаминондѣ*, Ѳивскомъ полководцѣ, ни о *Пиринейскомъ портѣ*, ни о имени двухъ *Ахиллесовыхъ* коней, ниже о томъ какъ назывался оселъ *Силенской*? И ты никогда не слыхивалъ ни о *Юпитерѣ*, ни о *Дїогенѣ*, ни о *Лаидѣ*, ни о *Сивиллѣ* ни о.....

Я страшусь, говорилъ ученый Китаецъ, что и вы конечно ничего не знаете о приключенїяхъ вѣчно достойныя памяти, славнаго *Ксиксофуа Конхохиграмкїя*, и о тайностяхъ великаго *Фипси-ги-гїя*. Но пожалуйте

те мнѣ скажите, какїе еще есть не извѣстные произшествїи, о коихъ въ сей всеобщей исторїи написано? Тогда ученый Европеецъ съ четверть часа безпрестанно говорилъ о республикѣ Римской; и когда дошелъ до *Юлїя Кесаря*, то Китаецъ перервавъ речь его сказалъ, мнѣ кажется, что я объ немъ слыхалъ; не былъ ли онъ Турокъ? (*)

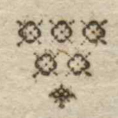
Какъ, говорилъ съ досадою ученый, развѣ тебѣ не извѣстно по крайней мѣрѣ, различїе между язычниками, Христїанами, и Музульманами? и развѣ не знаешъ ты *Константина* и исторїи о *Папахъ*? Мы слыхали нѣчто смѣшенно и невразумительно, отвѣтствовалъ Азїатецъ, о нѣкоторомъ *Магометѣ*.

Не возможно, сказалъ ученый, что бы ты не зналъ по крайности, *Аютера*, *Зинглера*, *Беллармена* и *Еколомпада*. Я ни когда о сихъ именахъ не вспомню, говорилъ Китаецъ. Послѣ сего онъ вышелъ и пошелъ распродать большую часть своего *Те Пеко* и тонкаго *Гррограма*, на которые деньги купилъ для себя двухъ прекрасныхъ дѣвокъ и одного юношу, коихъ повезъ въ свое отечество, усердно обожая

(*) Незадолго предъ симъ Китайцы всѣхъ Европейцовъ почитали Магометанами.

обожая *Тїена*, и предавая себя въ покровительство *Конфуцїю*.

Я будучи слушателемъ сего разговора, увидѣлъ ясно, что такое есть Слава, и самъ себѣ сказалъ: когда *Юлїй Кесарь* и *Юпитеръ* неизвѣстны въ прекраснѣйшемъ, древнѣйшемъ, въ многолюднѣйшемъ, и въ наилучше управляемомъ государствѣ во вселенной, то вамъ весьма прилично, о владѣтели нѣкоторыхъ малыхъ земель! о проповѣдники не большихъ городовъ и малыхъ приходовъ! о Саламанскїе, или Буржскїе учители! о мелкїе сочинители! о изнуренные толкователи,! весьма прилично вамъ желать прославиться въ свѣтѣ!

X.

О Арапскихъ и Индѣйскихъ басняхъ.

Аденскіе и другихъ Гіемейскихъ странъ Арапы; той земли, которая справедливо щастливою Аравіею называется, суть наичестнѣйшіе и благодѣтельнѣйшіе изъ всѣхъ смертныхъ. Страннопріимство и дружба наилучшими добродѣтелями у нихъ почитаются; извѣстно, что словесныя науки и рукодѣліи издавна доходили у нихъ до совершенства; они такъ какъ и мы имѣютъ у себя стихотворцевъ и писателей; но сочиненіи ихъ вездѣ наполнены примѣрами добродѣтели, и изображаютъ тихіе и добрые нравы.

Въ нѣкоемъ собраніи стиховъ, подъ заглавіемъ *Трагеидъ*, повѣствуютъ, что въ одинъ день близъ храма *С. Меки*, три Арапа спорили между собою о щедрости и дружбѣ; они не могли согласиться, кто заслуживалъ наиболѣе предпочтеніе, изъ тѣхъ, кои являли тогда наивеличайшіе примѣры добродѣтели. Одни держали сторону *Абдаллы*, сына *Гіа-*

фора

фара дяди Магометова, другїе выхваляли *Каиса* сына *Саадова*, а иные предпочитали имъ обоимъ *Арабада*, происходящаго отъ колѣна *Асова*. По довольномъ спорѣ, уговорились они послать одного *Абдаллова* друга *къ Абдаллѣ*, *Каисова* друга *къ Каису*, а друга *Арабадова къ Арабаду*, дабы они сдѣлавъ имъ всѣмъ тремъ испытанїе, пришли увѣдомить о томъ собранїе.

Другъ *Абдалловъ* побѣжалъ не медлѣнно къ *Абдаллѣ*, и увидя его сказалъ: сынъ дяди *Магометова*, я хочу путешествовать, но во всемъ имѣю недостатокъ; *Абдалла* ѣхавъ тогда на своемъ верблюдѣ, навьюченномъ золотомъ и шелкомъ, какъ скоро услышалъ требованїе своего друга, сошелъ тотъ часъ съ верблюда и отдалъ онаго ему, а самъ возвратился въ домъ свой пѣшкомъ.

Другой пошелъ къ другу своему *Каису* сыну *Саадову*; *Каисъ* тогда еще спалъ. Одинъ изъ его служителей спросилъ у путешествователя: чего онъ отъ господина его желаетъ? Путешествователь отвѣчалъ, что онъ другъ *Каису*, и что ему потребна его помощь. Служитель ему говорилъ; я не хочу будить моего господина, но вотъ вамъ семь тысячь золотыхъ монетъ, всѣ сколько имѣемъ мы те

перь въ нашемъ домѣ, возмите еще сверхъ того верблюда, стоящаго въ конюшнѣ и съ невольникомъ, который его кормитъ; я думаю, что сего для васъ будетъ довольно до возвращенія вашего въ домъ вашъ. *Каисъ* проснувшись много бранилъ своего служителя, что не далъ онъ другу его еще больше.

Третій пошелъ къ другу своему *Арабаду*, происходящему отъ колѣна *Асова*. *Арабадъ* былъ слѣпъ, и выходя изъ дому своего, опираясь на двухъ своихъ невольниковъ, шелъ для моленія въ храмъ *С. Меки*; едва услышалъ онъ голосъ своего друга, и узналъ о его требованіи, то ему сказалъ: у меня нѣтъ никакого имѣнія, кромѣ сихъ двухъ невольниковъ, и такъ я тебя прошу, возми ихъ и продай, а я какъ нибудь дойду до храма, съ помощію моего посоха.

Три спорщика возвратясь въ собраніе, увѣдомили подробно о всемъ томъ, что съ ними случилось. Все собраніе много похваляло *Абдалла*, сына *Гіафарова*, *Каиса* сына *Саадова*, и *Арабада*, происходящаго отъ колѣна *Асова*, однакожъ предъ всѣми въ щедрости предпочли *Арабада*.

Арапы,

Арапы, много имѣютъ подобныхъ симъ басенъ, а у нашихъ западныхъ народовъ со всемъ таковыхъ нѣтъ. Наши повѣсти не такого вкуса; у насъ есть много, въ коихъ описываютъ одни только обманы, какъ то въ *Бокасѣ*, въ *Гузманѣ*, *Алфарашѣ*, въ *Лазариллѣ Тормѣ* и пр. . . .

XI.

СЛѢПЫЕ СУДЯЩІЕ О ЦВѢТАХЪ.

Съ начала основанія богодѣльни въ Парижѣ, извѣстно, что живущіе тамъ слѣпые всѣ были равны, и дѣла ихъ рѣшилися по большенству голосовъ. Они по осязанію совершенно различали мѣдную монету отъ серебренной, и никто изъ нихъ вина Брисскаго не почиталъ Бургонскимъ. Ихъ обоняніе было гораздо острѣе, нежели у другихъ ихъ товарищей, кои были съ глазами; они разсуждали весьма справедливо о четырехъ чувствахъ, то есть, что познавали объ нихъ столько, сколько знать о томъ позволено, и жили спокойно и щастливо, сколько слѣпые щастія и спокойствія ощущать могутъ. По нещастію одинъ изъ ихъ професоровъ началъ думать, что имѣлъ онъ ясное понятіе о чувствѣ зрѣнія, онъ дѣлалъ имъ въ томъ увѣреніи и заставилъ себя слушать; по томъ употреблялъ разныя хитрости, такъ что наконецъ признали они его главою всего своего общества. Тогда началъ онъ самовластно судить о цвѣтахъ

тахъ, отъ чего прежнее ихъ спокойствіе вдругъ изчезло.

Сей первый надъ слѣпыми начальникъ, учредилъ между ими малый совѣтъ, въ которомъ объявилъ себя обладателемъ всей собираемой ими милостыни, въ чемъ противиться никто ему не осмѣливался. Нѣкогда онъ сказалъ, что одежда на всѣхъ слѣпыхъ была бѣлая; слѣпые ему вѣрили, и ни о чемъ больше не говорили какъ о хорошемъ своемъ бѣломъ одѣяніи, хотя ни на одномъ изъ нихъ бѣлаго платья не было. Всѣ другіе начали надъ нимъ насмѣхаться, о чемъ приносили они жалобу своему начальнику, который весьма худо оную отъ нихъ принялъ, и называлъ ихъ возмутителями, дерзкими и бунтовщиками, что допустили себя обольстить безумными мнѣніями зрячихъ, и осмѣлилися усумниться въ справедливости своего начальника; сія ссора раздѣлила ихъ наконецъ на двѣ части.

Начальникъ для усмиренія ихъ объявилъ что платье на всѣхъ на нихъ было красное, хотя во всей богодѣльни ни на одномъ красного платья не было; тогда еще болѣе надъ ними насмѣхались, и новые происходили отъ нихъ жалобы, отъ чего начальникъ ихъ при-

 ходилъ

ходилъ въ бѣшенство, и другіе слѣпые также всѣ взбѣсились; они долго между собою дрались, и не прежде усмирились, какъ во всей богодѣльни разсужденіе о цвѣтахъ одежды ихъ, позволено было оставить.

Одинъ глухой, читая сію малую повѣсть признавался, что слѣпымъ не свойственно судить о цвѣтахъ; однакожъ за вѣрное утверждалъ и пребылъ непоколебимъ въ своемъ мнѣніи, что однимъ только глухимъ свойственно судить о музыкѣ.

XII.

ДВОЕ УТѢШЕННЫХЪ.

Великїй философъ *Ценофилъ*, говорилъ въ одинъ день одной печальной женщинѣ, которая имѣла справедливую причину печалиться: государыня моя, Королева Аглинская, дочь Генриха IV. была стольже нещастна какъ и вы; ее выгнали изъ ея королевства, она чуть не погибла отъ бури на Океанѣ, и видѣла смерть Короля своего супруга, казненнаго на Ешафотѣ. Я сожалѣю объ ней, сказала госпожа, и начала плакать о собственныхъ своихъ нещастїяхъ.

Но вспомните, говорилъ *Ценофилъ*, о Марїи Штуартъ; она весьма честнымъ образомъ любила одного изряднаго музыканта, который въ разсужденїи подлаго человѣка былъ очень пригожъ. Мужъ ея, при ея глазахъ умертвилъ сего музыканта, а по томъ добрая ея прїятельница и хорошая родственница, Королева *Елисавета*, содержавъ ее осмнатцать лѣтъ въ темницѣ, велѣла отрубить ей голову на Ешафотѣ, чернымъ сукномъ покры-

 томъ

томъ. Сей поступокъ весьма безчеловѣченъ, отвѣчала госпожа, и паки предалася своей печали.

Вы можетъ быть слыхали, говорилъ утѣшатель, о прекрасной *Жаннѣ* Неаполитанской, которая была поимана и удавлена. Мнѣ помнится, что я нѣчто объ ней слыхала, сказала печальная женщина.

Надобно чтобъ я вамъ разсказалъ, продолжалъ философъ, о приключенiи одной Государыни, которая въ мое время, свержена была со престола послѣ ужина, и которая на пустомъ островѣ скончалась. Я знаю всю сiю исторiю, отвѣтствовала госпожа.

И такъ еще увѣдомлю я васъ, что случилось съ одною великою Принцессою, которую я обучалъ философiи. Она имѣла у себя любовника, такъ какъ и всѣ знатныя и прекрасныя госпожи имѣютъ. Отецъ ея нѣкогда вошедъ въ ея комнату, засталъ у нея любовника, у котораго лице тогда пылало пламенемъ, а глаза блистали подобно скарбункулу; да и Принцесса также имѣла видъ весьма возбужденный. Лице молодаго человѣка такъ не понравилось отцу, что онъ влѣпилъ ему наичрезвычайнѣйшую пощечину, каковой во всей землѣ его никогда и никому не дава-

ли. Любовникъ ухватя щипцы, проломилъ сему доброму отцу голову, такъ что едва онъ отъ того излѣчился, да и понынѣ еще имѣетъ рубецъ отъ сей раны; потревоженная любовница выпрыгнула въ окошко, и повредила себѣ ногу, отъ чего и нынѣ видимымъ образомъ храмлетъ, хотя станъ имѣетъ и весьма прекрасный; а любовникъ ея осужденъ былъ на смерть, за то что проломилъ голову наивеличайшему Принцу. Вы можете судить о состоянии въ каковомъ была тогда Принцеса, когда вели вѣшать ея любовника; я много разъ ее видалъ въ то время, какъ сидѣла она заключенная въ темницѣ, тогда ни о чемъ она больше не говорила какъ о своихъ нещастїяхъ.

Для чегожъ не хотите вы, что бы я помышляла о моихъ злополучїяхъ? сказала ему печальная госпожа. Для того, говорилъ Философъ, что вамъ не должно объ нихъ думать; ибо когда толико великихъ особъ были столь нещастны, то вамъ не прилично приходить во отчаянїе. Помыслите о *Еккубѣ*, подумайте о *Нибеѣ*. Ахъ! сказала госпожа, ежели бы я жила въ ихъ время, или бы во время тѣхъ великихъ Принцесъ, и когда бы для утѣшенїя ихъ, расказывали вы

имѣ о моихѣ нещастїяхѣ, то думаете ли вы, что бы онѣ стали о томѣ слушать?

На другой день Философѣ лишился единороднаго своего сына, и едва самѣ не умерѣ отѣ печали. Госпожа велѣла написать роспись всѣмѣ Королямѣ, кои лишалися дѣтей своихѣ, и принесла ее кѣ Философу. Онѣ роспись прочиталѣ, нашелѣ ее весьма справедливу, однакожѣ отѣ того не менѣе плакалѣ. Три мѣсяца послѣ сего спустя, они опять другѣ друга увидѣли, и удивилися что оба имѣли видѣ весьма веселый. Они велѣли соорудить наипрекраснѣйшую статую времени, сѣ таковою вѣ низу надписью: ТОМУ КТО УТѢШАЕТѢ.

XIII.

XIII.

МИКРОМЕГАСЪ.

Философическая повѣсть

Глава I.

Путешествїе жителя созвѣздїя Сирїуса, въ планету Сатурнъ и на землю.

Въ одной изъ тѣхъ планетъ, кои обращаются во кругъ созвѣздїя, называемаго *Сїрїусомъ*, былъ младый юноша весьма разумный, котораго я имѣлъ честь знать въ послѣднее его путешествїе на нашей малой муравейной кучкѣ; онъ назывался Микромегасомъ; таковое имя свойственно всѣмъ великимъ людямъ; а онъ былъ въ восемь миль ростомъ; чрезъ восемь же миль, разумѣю я восемдесятъ тысячь шаговъ геометрическихъ, въ пять футовъ каждый.

Нѣкоторые Алгебристы, люди всегда полезные обществу, тотъ часъ возмутъ перо, и сдѣлаютъ безъ сумнѣнїя вычисленїе, что

естьли

естьли г. Микромегасъ житель страны *Сиріусской*, отъ головы до ногъ былъ въ восемдесятъ тысячь шаговъ, что сдѣлаетъ сто двадцать тысячь футовъ Королевскихъ, а мы жители земные вышиною не болѣе какъ въ пять футовъ, шаръ же нашъ имѣетъ девять тысячь миль въ окружности, то узнаютъ они, говорю я, по вычисленію, что должно непремѣнно, чтобъ шаръ, на коемъ онъ произошелъ на свѣтъ, былъ вѣрно въ 21 миллiонъ, и въ 600 тысячь разъ, въ окружности болѣе нашей малой земли; нѣтъ ничего сего простѣе и обыкновеннѣе въ природѣ. Земли нѣкоторыхъ Нѣмецкихъ и Италiанскихъ владѣтелей, кои можно обойти во кругъ въ полчаса, въ сравненіи обширности имперій Турецкой, Россійской и Китайской, суть весьма слабымъ только изображеніемъ того чудеснаго различія, которое природа между всѣми существами предположила.

Понеже станъ Его Превосходительства, былъ таковой величины, какъ я о томъ сказалъ выше, то всѣ наши рѣщики и живописцы безъ труда согласятся, что поясница его можетъ имѣть 50 тысячь футовъ Королевскихъ въ окружности; что учинитъ весьма прекрасную соразмѣрность.

Чтожъ

Чтожъ принадлежитъ до его разума, то оный былъ наиострѣйшій, каковый только имѣть можно; ибо онъ имѣлъ познаніе о многихъ вещахъ, а нѣкоторые и самъ отъ себя вымышлялъ; ему не было еще 250 лѣтъ отъ роду, и онъ еще обучался, по обыкновенію въ Іезуитскомъ училищѣ на своей планетѣ, какъ познавалъ уже силою своего разума болѣе пятидесяти предложеній *Евклидовыхъ*; осмнадцатью больше *Блазія Паскаля*, который позналъ изъ оныхъ тридцать два играючи, какъ то говоритъ сестра его, и который сдѣлался по томъ нарочито посредственнымъ геометромъ, но весьма худымъ метафизикомъ. Около 450 лѣтъ отъ роду, вышедъ изъ младенчества, Микромегасъ раздѣлялъ многихъ изъ тѣхъ малыхъ несѣкомыхъ, кои не имѣютъ ста футовъ въ поперешникѣ, и коихъ въ обыкновенные микроскопы (увеличивательные стекла) никакъ усмотрѣть не возможно; онъ сочинилъ о семъ весьма любопытную книгу, которая однакожъ довольно хлопотъ ему причинила; ибо муфтій *Сиріусской*, нашелъ въ той книгѣ измѣреніи подозрительными, худо изъясненными, дерзкими, еретическими, наполненными расколомъ, и за то гналъ Микромегаса

мегаса съ жестокостiю; ему потребно было знать о томъ, что существительный образъ *Сирiускихъ* блохъ, таковой же ли былъ природы какъ и улитокъ. Микромегасъ противъ сего разумно защищался, привлекъ на свою сторону женщинъ, и сей споръ 220 лѣтъ продолжался. Наконецъ Муфтiй опорочилъ книгу чрезъ судей, кои никогда ее не читали, и сочинитель получилъ повелѣнiе 800 лѣтъ ко двору не являться.

Микромегасъ посредственно печалился о томъ, что изгнанъ былъ отъ двора, который наполненъ только бездѣлками и суетами.

Онъ сочинилъ весьма забавную пѣсню противъ Муфтiя, но тотъ ни мало симъ не безпокоился. Послѣ сего *Сирiусецъ* началъ путешествовать изъ одной планеты въ другую, дабы совершить, какъ говорятъ, изощренiе своего разума и сердца. Тѣ, кои путешествуютъ въ почтовой коляскѣ или въ каретѣ, безъ сомнѣнiя удивятся экипажу сего вышняго обитателя; ибо мы человѣки, на нашей грязной кучкѣ, ничего не предприемлемъ свыше силъ нашихъ и употребленiя. Сей путешественникъ чудеснымъ образомъ зналъ тягости всѣхъ тѣлъ, и всѣ притягательныя и отражательныя силы, и употре-

блялъ ихъ съ толикимъ успѣхомъ, что иногда съ помощїю солнечнаго луча, а иногда посредствомъ кометы, перескакивалъ съ шара на шаръ со всѣми своими сопутниками, равно какъ птица съ одного сука на другой перелѣтаетъ. Онъ въ короткое время пробѣжалъ млечный путь; и я принужденъ признаться, что онъ никогда сквозь звѣздъ, коими сей путь усѣянъ, не видалъ того прекраснаго вышняго неба, о которомъ славный *Викарїй Дергамъ* съ великою надменностїю объявляетъ, яко бы на концѣ зрительной трубы своей его видѣлъ; я говорю сїе не для того, что бы доказывать, что господинъ *Дергамъ* худо видѣлъ; боже меня отъ того избави! но для того, что Микромегасъ былъ въ тѣхъ мѣстахъ, и что онъ былъ прилѣжнымъ всѣхъ вещей примѣчателемъ; впрочемъ я никому не хочу противорѣчить. Микромегасъ по довольномъ обращенїи, прибылъ наконецъ въ шаръ *Сатурна*. Сколь ни былъ онъ привыченъ безпрестанно видѣть новыя вещи, однакожъ вдругъ увидя малость сего шара и его жителей, не могъ воздержаться, чтобъ съ надменностїю не усмѣхнуться своему предъ ними превосходству, что со многими и наипремудрѣйшими людьми иногда случается;

ибо

ибо *Сатурнъ* не болѣе какъ въ 900 разъ больше земли, а жители сей планеты въ сравненіи съ Микромегасомъ суть Карлы, будучи не больше тысячи саженъ ростомъ. Онъ нѣсколько сему смѣялся съ своими спутниками, подобно какъ Италіанскій музыкантъ пріѣхавъ во Францію насмѣхается музыкѣ *Луллія*; но поелику *Сиріусецъ* имѣлъ острый и проницательный разумъ, то тотъ часъ понялъ, что мыслящее существо не можетъ быть подвержено осмѣянію тѣмъ, что только въ шесть тысячь футовъ ростомъ. Онъ удивилъ собою *Сатурніанцовъ*; вступилъ съ ними во обхожденіе, и свелъ тѣсную дружбу съ секретаремъ *Сатурнской* Академіи; съ человѣкомъ весьма разумнымъ, который по справедливости, хотя самъ ничего не изобрѣлъ, однакожъ о изобрѣтеніи другихъ весьма подробные дѣлалъ описаніи, и который нарочито сочинялъ малые стихи, и рѣшилъ важные задачи. Я объявлю здѣсь во удовольствіе читателямъ объ одномъ чудномъ разговорѣ, который Микромегасъ имѣлъ нѣкогда съ секретаремъ *Сатурнскимъ*.

Глава

Глава II.

Разговоръ Сиріусскаго жителя съ Сатурнскимъ.

Послѣ, какъ Его Превосходительство легъ, и секретарь приближился къ лицу его; должно признаться, говорилъ Микромегасъ, что природа наполнена многими различными вещами. Конечно, сказалъ *Сатурніанецъ*, природа какъ цвѣтникъ, на которомъ цвѣты. . . . . . Ахъ! вскричалъ Микромегасъ, оставь пожалуй твой цвѣтникъ. Она, продолжалъ секретарь, такъ какъ сборище бѣлокурыхъ и черноволосыхъ, коихъ одежда. . . . . Какая мнѣ нужда до твоихъ черноволосыхъ? сказалъ *Сиріусецъ*. И такъ она, какъ галлерея наполненная живописными картинами, коихъ изображеніе. . . . . Ахъ нѣтъ! вскричалъ путешественникъ, я еще тебѣ говорю, природа какъ природа, на что изыскивать ей сравненіе? Извольте, въ вашу угодность, отвѣтствовалъ секретарь. . , Я не требую, чтобъ мнѣ угождали, сказалъ путешественникъ, а хочу, чтобъ меня научали; скажи мнѣ прежде, сколько жители

вашего шара имѣютъ въ себѣ чувствъ?.....
Мы имѣемъ 72 чувства, говорилъ Академикъ, и каждый день жалуемся, что имѣемъ ихъ мало. Наше воображенїе простирается свыше нашихъ потребностей, и мы чувствуемъ, что съ нашими 72 чувствами, съ нашимъ огромнымъ небеснымъ обращенїемъ, и съ нашими пятью лунами, насъ освѣщающими, мы весьма еще недостаточны; ибо не смотря на все наше любопытство и на многочисленность страстей, отъ нашихъ семидесяти двухъ чувствъ происходящихъ, мы во всякое время подвержены скукѣ. Я сему вѣрю, сказалъ Микромегасъ; ибо мы, на нашемъ шарѣ, имѣемъ близъ тысячи чувствъ, однакожъ есть еще и для насъ, не знаю какое то колеблющееся желанїе и безпокойство, которое безпрестанно намъ вѣщаетъ, что мы ни что иное, какъ самомалѣйшая вещь, и что есть твари гораздо насъ совершеннѣе. Я не много путешествовалъ, видѣлъ смертныхъ хуже насъ, видѣлъ также и гораздо насъ превосходнѣе; но ни одного не видалъ, который бы не имѣлъ болѣе желанїй, нежели сколько имѣетъ истинныхъ надобностей, и болѣе надобностей, нежели сколько потребно къ его удовольствїю. Я может

быть

быть найду нѣкогда такую страну, гдѣ ни въ чемъ не имѣютъ недостатку; но до сего времени никто еще мнѣ о таковой странѣ не подавалъ ни какого извѣстія. Тогда *Сатурнїанецъ* и *Сирїусецъ*, изъясняли другъ другу свои мнѣнїи; но послѣ многихъ весьма искреннихъ и сумнительныхъ разсужденїй, должно было паки приступить къ важнѣйшимъ разговорамъ. . . . . По скольку лѣтъ живете вы на свѣтѣ? спросилъ *Сирїусецъ* . . . Ахъ! весьма мало, отвѣтствовалъ малорослый *Сатурнїанецъ*. . . . По етому и у васъ также какъ у насъ, сказалъ *Сирїусецъ*; ибо мы всѣ приносимъ жалобы на маловременность нашей жизни. Надобно думать, что сей законъ есть общїй въ природѣ. . . . . Увы! говорилъ *Сатурнїанецъ*, наша жизнь продолжается не болѣе 500 полныхъ обращенїй солнца (что учинитъ около 15 тысячь лѣтъ, по нашему исчисленїю;) и такъ вы видите, продолжалъ онъ, что должно умереть почти въ самую минуту своего рожденїя; наше бытїе, есть ни что иное, какъ единый пунктъ, а продолженїе жизни нащей, не болѣе одной минуты, шаръ же нашъ ни что иное, какъ самомалѣйшая пылинка; ибо едва только начнешь вникать въ малое познанїе,

какъ смерть уже къ намъ приближается, прежде, нежели достигаемъ мы до истиннаго испытанія. Что принадлежитъ до меня, я не дерзаю учинить ни малаго въ жизни моей предпріятія; я нахожусь, такъ какъ капля въ пространномъ Океанѣ, и стыжусь, особливо предъ вами, представляя собою такой странный видъ въ семъ мірѣ.

Микромегасъ ему отвѣтствовалъ; ежели бы вы не были философъ, то я страшился бы васъ опечалить, увѣдомивъ, что наша жизнь въ 700 разъ долѣе вашей; но вамъ довольно извѣстно, что когда надлежитъ тѣлу нашему превратиться паки въ ничтожество и оживить природу въ другомъ видѣ, что называется смертію, то когда минута сего превращенія наступитъ, дѣйствительно все равно, вѣкъ ли кто жилъ, или жилъ только одинъ день. Я былъ въ такихъ странахъ, гдѣ живутъ въ тысячу разъ долѣе моего, однакожъ и они о краткости вѣка своего безпрестанно ропщутъ; но есть однакожъ по всюду люди одаренные здравымъ разсудкомъ, кои умѣютъ разумно располагать своею жизнію, и благодарить творца природы. Онъ со избыткомъ наполнилъ вселенную различными вещами, съ нѣкіимъ чудеснымъ

деснымъ согласїемъ и равенствомъ. На примѣръ: всѣ мыслящїя твари, по наружности между собою различны, но во внутренности, всѣ сходствуютъ, будучи одарены мыслею и желанїемъ. Вещество повсюду имѣетъ протяженїе, но въ каждомъ шарѣ, снабдено оное различными свойствами. Сколько щитаете вы въ вашемъ веществѣ сихъ различныхъ свойствъ? --- Ежели вы говорите о тѣхъ свойствахъ, сказалъ *Сатурнїанецъ*, безъ коихъ, какъ думаемъ мы, сей шаръ не могъ бы быть таковымъ, каковымъ онъ есть; то мы щитаемъ оныхъ триста; какъ то: *протяженїе, непроницательность, подвижность, тяжесть, дѣлимость*, и проч. --- И такъ видно, говорилъ путешественникъ, что сего малаго числа показалося довольно Создателю, въ разсужденїи малости вашего шара. Я удивляюсь во всемъ премудрому расположенїю, видя повсюду различїе, но повсюду также и соразмѣрности. Вашъ шаръ малъ, и ваши жители также не велики; вы имѣете мало чувствъ, и ваше вещество не многими одарено свойствами, все сїе устроено всевышнимъ провидѣнїемъ. Какого цвѣту ваше солнце, по прилѣжному его разсмотрѣнїю? Бѣлаго, и весьма желтоватаго, отвѣтство-

 валъ

валъ *Сатурніанецъ*, а когда раздѣляли мы одинъ изъ его лучей, то усмотрѣли, что онъ имѣетъ въ себѣ семь цвѣтовъ. . . А наше солнце красновато, сказалъ *Сиріусецъ*, и мы находимъ въ немъ 39 главныхъ цвѣтовъ. Нѣтъ ни одного солнца, у всѣхъ тѣхъ жителей, гдѣ я путешествовалъ, которое бы одно другому было подобно, равно какъ у васъ, нѣтъ ни одного лица, которое бы не было отъ всѣхъ другихъ отлично.

Послѣ многихъ таковыхъ разговоровъ, Микромегасъ освѣдомлялся, сколько существъ дѣйствительно между собою различныхъ щиталося въ *Сатурнѣ*, и услышалъ, что только тридцать; какъ то: *Богъ*, *пространство*, *вещество*, *протяженные существа, кои чувствуютъ*, *существа протяженные, кои чувствуютъ и мыслятъ*, *существа мыслящіе, но не имѣющіе протяженія*, *проницаемые*, *не проницаемые*, и протчія. . . *Сиріусецъ* же объявилъ, что въ ихъ звѣздѣ щиталося оныхъ 300, и что онъ усматривалъ 3000 другихъ, въ своемъ путешествіи, чемъ весьма удивилъ *Сатурнскаго* Философа. Наконецъ, расказывая другъ другу нѣсколько о томъ, что знали, и много о томъ, чего не знали,

ли, и разсуждая въ продолженіе цѣлаго обращенія солнца, вознамѣрились они вмѣстѣ сдѣлать не большое Философское путешествіе.

Глава III.

Путешествіе двухъ жителей Сиріусскаго и Сатурнскаго.

Наши два философа изготовилися плыть по воздушной атмосферѣ *Сатурнской*, снабдивъ себя математическими инструментами; какъ любовница *Сатурніанцова*, услышивъ о его намѣреніи, пришла къ нему со слезами, и дѣлала ему свои представленіи ко отвлеченію его отъ сего предпріятія. Она была прекрасная не большая черноволоска, не болѣе 660 саженъ ростомъ; однакожъ малость росту своего награждала другими прелестями. Ахъ! жестокій, кричала она, я съ 1500 лѣтъ упорствуя тебѣ въ любви, наконецъ начала нынѣ чувствовать къ тебѣ склонность, и едва лишъ только съ 200 лѣтъ препроводила въ твоихъ объятіяхъ, какъ уже хочешъ ты меня оставить, и намѣряешся путешествовать съ Исполиномъ другова свѣта; поди, продолжала она, ты очень любопытенъ, я вижу, что ты никогда ко мнѣ любви не чувствовалъ, ибо ежели бы ты былъ истинный

Сатур-

Сатурнїанецъ, то былъ бы мнѣ вѣренъ. По какимъ странамъ ты хочешъ скитаться? И какую пользу изъ того прїобрѣсти себѣ желаешъ? Наши пять лунъ не столь коловратны какъ ты, и наше воздушное кольцо менѣе тебя пременяется. Теперь узнавъ твое непостоянство, я никого уже больше любить не буду. Философъ ее обнималъ и не смотря на всю свою философїю плакалъ съ нею вмѣстѣ; послѣ чего любовница упала въ обморокъ, а опамятовшись пошла себя утѣшить съ однимъ *Сатурнскимъ* петиметромъ, (щоголемъ.)

Между тѣмъ сїи два странствователя отправилися въ путь свой; они вспрыгнули тотъ часъ на небесное кольцо, которое показалось имъ плоскимъ (такъ какъ весьма справедливо доказывалъ объ немъ, одинъ славный житель нашего малаго шара) и оттуда легко ступали съ одной луны на другую. Тогда нѣкая комета проходила по близости одной луны; они вскочили на оную со всѣми своими прислужниками и инструментами, и обойдя по ней около 150, миллїоновъ миль, встрѣтили спутниковъ *Юпитера*, а по томъ вступили и въ самый *Юпитеръ*. Тамъ пробыли они цѣлый годъ, въ которое

время увѣдомились о многихъ важныхъ сокровенностяхъ, кои со всемъ бы были неизвѣстны, ежели бы господа *Инквизиторы*, не вошли въ изслѣдованїе нѣкоторыхъ дерзновенныхъ предложенїй; я о семъ читалъ въ рукописной книгѣ изъ библїотеки славнаго Архїепископа де ***, который показывалъ мнѣ свои книги, съ тою щедрою благосклонностїю, которую довольно выхвалить не возможно.

Но возвратимся паки къ нашимъ путешественникамъ; они вышедъ изъ *Юпитера* прошли около 100 миллїоновъ миль, и приближалися къ планетѣ *Марса*, которая какъ всѣмъ извѣстно, въ пятеро меньше нашего малаго шара; они видѣли тамъ двѣ луны освѣщающїя сїю планету, кои не могли быть усмотрѣны нашими Астрономами. Я знаю, что отецъ *Кастель* будетъ писать весьма забавнымъ образомъ противъ бытїя сихъ двухъ лунъ; но въ семъ случаѣ я лучше соглашусь съ тѣми, кои судятъ по точной соразмѣрности. Сїи добрые философы знаютъ, сколь было бы трудно помыслить, что бы *Марсъ* будучи столь отдаленъ отъ солнца, не былъ освѣщаемъ по крайней мѣрѣ двумя лунами. Но какъ бы то ни было, нашимъ иностранцамъ

цамъ планета сїя показалася столь малою, что они страшилися, что не найдутъ въ ней мѣста, для своего отдохновенїя, и по тому продолжали путь свой, какъ путешественники презирающїе малымъ деревенскимъ ночлегомъ, и желающїе достигнуть до ближняго города. Однакожъ *Сирїусецъ* и его товарищъ, вскорѣ пришли о семъ въ раскаянїе; ибо шедъ долгое время, не находили ни какого спокойнаго для себя мѣста, гдѣ бы могли остановиться. Наконецъ усмотрѣли они нѣкое малое блистанїе; то была земля. Малость сего шара, заставила ихъ сожалѣть о томъ, что оставили обширную планету *Юпитера*; но боясь, въ другой разъ ввергнуть себя въ таковое же раскаянїе, вознамѣрилися тутъ остановиться. Ступя на хвостъ Кометы, увидѣли они оттуда восхожденїе полунощной зори, и сквозь оную взошли на землю, на сѣверномъ берегѣ Балтїйскаго моря 5 Іюля, 1737 году, по новому штилю.

Глава

Глава IV.

Что случилося съ ними на земномъ шарѣ.

Отдохнувъ нѣсколько времени, съѣли они въ завтрикѣ двѣ горы, коихъ люди ихъ довольно вкусно для нихъ приготовили; и по томъ хотѣли узнать о той странѣ, въ которой находились. Они пошли прежде отъ сѣвера къ полудни, и какъ обыкновенные шаги *Сиріусца* и его сопутниковъ, простиралися около тридцати тысячь футовъ королевскихъ, то Карла *Сатурнской* слѣдовалъ за нимъ изъ дали задыхаясь; ибо надлежало ему ступить двенадцать шаговъ, противъ одного шага *Сиріусцова*; и такъ представте себѣ, (ежели позволено будетъ учинить здѣсь таковые сравненіи,) маленькую постельную собачку, которая бѣжитъ за капитаномъ гвардіи Короля Прускаго.

Поелику сіи иностранцы шли довольно скоро, то обошли въ 36 часовъ, вокругъ всего земнаго шара; по истиннѣ, солнце, или лучше сказать земля, дѣлаетъ подобное сему обращеніе въ цѣлые сутки; но должно подумать,

думать, что легче землѣ вертѣться на своей оси, нежели имъ ступать ногами. Наконецъ пришли они опять къ тому же мѣсту, откуда начали путь свой; видѣли то море, почти со всѣмъ имъ непримѣтное, которое называютъ Средиземнымъ, и то малое озерцо, которое подъ именемъ великаго Океана, окружаетъ маленькую кучку землянную. Карла вступая въ него погружалъ только половину ноги, а у *Сиріусца* и пята чуть только водою покрывалась. Расхаживая такимъ образомъ въ задъ и въ передъ, всячески они старались сверху и снизу разсматривать, былъ ли сей шаръ кемъ нибудь обитаемъ. Они нагибались, ложились, осязали вездѣ руками, но глаза ихъ и руки по огромности своей не были способны, чтобъ ощутить малыхъ тварей по землѣ пресмыкающихся; они не имѣли нимало чувства, которое бы подало имъ знакъ, что мы и другіе наши собратіи жители сего шара, имѣемъ честь существовать на свѣтѣ.

Карла, который иногда обо всемъ судилъ очень скоропостижно, тотъ часъ заключилъ, что на землѣ не было ни одной живущей твари; онъ выводилъ сіе первое расужденіе по тому, что никого не видалъ; но Микромегасъ учтивымъ образомъ далъ ему по-

почувствовать, что онъ судилъ весьма несправедливо; ибо, говорилъ онъ, вы не видите вашими малыми глазами нѣкоторыхъ звѣздъ пятидесятой величины, а я ихъ весьма ясно усматриваю; и такъ по тому должно ли вамъ заключать, что сихъ звѣздъ со всемъ нѣтъ въ природѣ? Но я, говорилъ Карла, очень много осязалъ руками. . . . Вы хотя и осязали, сказалъ Микромегасъ, однакожъ худо чувствовали. . . . . Но мнѣ кажется, говорилъ Карла, что сей шаръ расположенъ весьма худо; все на немъ не порядочно, и онъ очень смѣшной видъ имѣетъ? Все на немъ представляется въ великомъ смѣшенiи; видите ли вы сiи малые ручьи, изъ коихъ ни одинъ прямою линеею не протекаетъ; здѣшнiе озеры ни круглы, ни четвероугольны, ни продолговаты, и не имѣютъ никакого порядочнаго вида; примѣтны ли вамъ, всѣ сiи острыя песчинки, коими сей шаръ утыканъ, и которыя исцарапали мнѣ всѣ ноги? (онъ говорилъ о горахъ;) усматриваете ли вы видъ всего шара, какъ онъ плоскъ подлѣ полюсовъ, и какъ не прямо во кругъ солнца обращается, такъ что сѣверныя страны въ разсужденiи холоднаго своего климата со всемъ опустошены и лишены всѣхъ потребностей? По и-

стиннѣ,

стинне, по тому то я и думаю, что здесь никто не обитаетъ; ибо, какъ кажется мне, на такомъ бедномъ шаре, не захотятъ жить люди съ здравымъ разсудкомъ. . . . . Но можетъ быть, сказалъ Микромегасъ, здесь живутъ люди, не имеющїе здраваго разсудка; однакожъ по всему видно, что сей шаръ не безъ намеренїя созданъ; вы говорите, что все на немъ кажется вамъ не порядочно; сїе происходитъ отъ того, что *въ Сатурне* и *въ Юпитере* все расположено по прямымъ линеямъ, и такъ для сей то, можетъ быть причины, все здесь несколько смешенно. Не сказывалъ ли я вамъ, что въ путешествїи моемъ, всегда я примечалъ, во всемъ различїе? *Сатурнїанецъ* противъ всехъ сихъ разсужденїй спорилъ, и ссора ихъ ни когда бы не прекратилась, ежели бы по нещастїю, Микромегасъ разгорячась отъ сихъ разговоровъ, не разорвалъ у себя на шее алмазной нитки. Алмазы попадали на землю, они были довольно прекрасны, однакожъ малы и не равны, изъ коихъ самые большїе, были весомъ въ 400 фунтовъ, а меншїе въ 50. Карла некоторые поднялъ, и приближивъ ихъ къ глазамъ своимъ приметилъ, что сїи алмазы, будучи съ отменнымъ искуствомъ огранены, могли

слу

служить вмѣсто самыхъ лучшихъ микроскоповъ. И такъ взявъ одинъ изъ сихъ небольшой микроскопъ во 160 футовъ въ поперешникѣ, поднесъ его къ своему глазу, а Микромегасъ выбралъ одинъ для себя въ 2500 футовъ. Хотя алмазы отмѣнно были хороши, но съ начала ничего сквозь ихъ не могли они видѣть, а надлежало болѣе всматриваться. Наконецъ *Сатурнскій* житель усмотрѣлъ нѣчто, чуть примѣтное, которое шевелилося между водами въ Балтійскомъ морѣ; то былъ китъ. Онъ взялъ его весьма осторожно своимъ мезинцемъ, и положа на ноготь большаго своего пальца, показывалъ *Сиріусцу*, который въ другой разъ началъ смѣяться чрезвычайной малости нашего шара. *Сатурніанецъ* тогда увѣрился, что нашъ шаръ былъ обитаемъ, и тотъ часъ подумалъ, что онъ весь наполненъ одними только китами; и какъ былъ онъ великій охотникъ разсуждать, то желалъ узнать, отъ чего сія малая пылинка имѣла движеніе, а при томъ имѣла ли она мысли, желаніе и вольное произволеніе. Микромегасъ смотря на кита, приходилъ въ великое смятеніе; онъ разсматривалъ сіе животное весьма терпѣливо, и по довольномъ изслѣдованіи, заключалъ,

что

что не было способу помыслить, чтобъ въ немъ могла быть душа. Такимъ образомъ оба путешественники думали, что разума со всемъ нѣтъ на нашемъ шарѣ; какъ вдругъ съ помощїю *Микроскопа* увидѣли они нѣчто гораздо болѣе кита плывущее по Балтїискому морю. Извѣстно, что въ то самое время, собранїе Философофъ, возвращалися изъ подъ полярнаго круга, подъ который ѣздили они, для учиненїя нѣкотораго примѣчанїя, о чемъ никто еще не помышлялъ прежде того времени. Тогда писали въ газетахъ, что ихъ корабль сталъ на мѣль у береговъ Балтїискихъ, и что съ великимъ трудомъ спаслись они отъ потопленїя; но на семъ свѣтѣ никогда не открываютъ справедливости; а я объявлю искренно, какъ все оное происходило, ничего отъ себя не прибавляя, хотя сїе и не малаго стоитъ труда для истиннаго повѣствователя.

Глава V.

Испытанїи и разсужденїи двухъ путешественниковъ.

Микромегасъ протянулъ тихонько руку, къ тому мѣсту, гдѣ предмѣтъ глазамъ его представлялся; онъ приближалъ и отдалялъ пальцы, чтобъ ухватить его безъ ошибки, по томъ растянувъ ихъ и опять сжавъ, схватилъ весьма искусно корабль, на которомъ господа Философы находились, и поставилъ его также на свой ноготь, некрѣпко сжимая, страшась чтобъ не раздавить. Вотъ животное со всемъ отличное отъ перваго, сказалъ *Сатурнской* Карла; *Сирїусецъ* положилъ сїе мнимое животное на ладонь свою. Мореплаватели и работные на коралблѣ люди, подумали, что подняты они были жестокою бурею и взнесены на нѣкую высокую каменную гору; они всѣ пришли отъ сего въ великое движенїе; матросы хватаются за винныя бочки, выбрасываютъ ихъ на руку къ Микромегасу, и сами по томъ изъ корабля туда же выскакиваютъ. Геометры

метры берутъ свои инструменты, своихъ учениковъ, и Лапонскихъ дѣвокъ, и вылѣзаютъ на пальцы *Сиріусцовы*. Вскорѣ послѣ сего почувствовалъ Микромегасъ, нѣчто щекочущее его въ пальцы, что происходило отъ желѣзнаго большаго лому, который на цѣлый футъ воткнули ему въ указательный палецъ. Чувствуя сіе малое уязвленіе, разсуждалъ онъ, что конечно, что ни будь выходило изъ сего животнаго, однакожъ скоро не сталъ ни чего больше чувствовать. *Микроскопъ*, сквозь который чуть только усматривали они кита и корабль, не былъ способенъ, чтобъ съ помощію его могли узрѣть столь малѣйшихъ тварей, каковы суть люди. Я не хочу здѣсь оскорблять ни чье высокомѣріе, но принужденнымъ нахожусь просить, во глубину всѣхъ вещей вникающихъ, дабы учинили они со мною нѣкоторое малое примѣчаніе о томъ, что въ разсужденіи пяти футной величины людей, мы на землѣ, не болѣе собою представляемъ виду, какъ на шару въ десять футовъ окружности, животное въ 600 тысячную часть дюйма величиною; и такъ по сему, представте себѣ такое существо, которое могло бы держать землю въ рукѣ своей, и имѣло

бы чувства соразмѣрные нашимъ (весьма легко быть можетъ, что есть многое число таковыхъ существъ) и помыслите, что подумало бы оно, о таковыхъ сраженїяхъ, кои стоили намъ двухъ деревень, но которыя однакожъ назадъ возвратить надлежало.

Я не сомнѣваюсь, чтобъ полководецъ читая когда либо сїе сочиненїе, не возвысилъ, по крайней мѣрѣ, на два добрые фута, шапокъ на всѣхъ своихъ и самыхъ большихъ гранодерахъ; но я его увѣряю, что сей трудъ его будетъ тщетенъ, ибо при всемъ его возвышенїи и онъ и всѣ люди его всегда будутъ чрезвычайно малыми.

Какое чудесное искуство, должно было употребить нашему *Сирїусскому* Философу, для разсмотрѣнїя сихъ малѣйшихъ пылинокъ! Когда *Левенгекъ* и *Гартзекъ* первые усмотрѣли, или по крайней мѣрѣ, мнимо доказывали намъ о томъ семяни, изъ коего мы происходимъ, то оное ихъ откровенїе не столь было удивительно, каковое при семъ случаѣ учинилъ Микромегасъ. Какое чувствовалъ онъ утѣшенїе, видя движенїе сихъ малыхъ червячковъ, разсматривая всѣ ихъ обороты, и примѣчая всѣ ихъ дѣйствїя! Съ какимъ восторгомъ онъ кричалъ, и съ какою утѣхою подавалъ свой

Микро-

Микроскопъ въ руки своему товарищу! Я ихъ вижу, говорили они оба вмѣстѣ; не видите ли вы, какъ они тащатъ на себѣ тяжелыя ноши, наклоняются и опять приподнимаются? При сихъ разговорахъ руки у нихъ дрожали отъ радости, видя столь новыя предмѣты, и отъ страха, чтобъ не потерять ихъ изъ виду. *Сатурнїанцу*, который переходя изъ крайней недовѣрчивости къ чрезвычайному легковѣрїю, казалося, что они упражнялися въ любви для размноженїя своего рода. Ахъ! вскричалъ онъ, теперь то позналъ я природу въ самомъ ея дѣйствїи. Однакожъ онъ симъ видомъ обманывался, что часто со многими случается, въ *Микроскопѣ* ли кто смотритъ или просто.

Глава VI.

Что въ разсужденiи людей имъ случилось.

Микромегасъ будучи обстоятельнѣе нежели Карла, примѣтилъ что пылинки между собою разговаривали, и показалъ то своему товарищу, который стыдясь ошибки своей въ примѣчанiи ихъ дѣторожденiя, не хотѣлъ вѣрить, чтобъ таковыя малыя твари могли взаимно сообщать свои мысли; онъ имѣлъ даръ разумѣть всѣ языки, равно какъ и *Сирïусецъ*; но какъ не слышно было ему разговоровъ нашихъ пылинокъ, то по тому и думалъ онъ, что они ничего не говорили, а при томъ помышлялъ, какимъ бы образомъ сiи со всемъ почти непримѣтныя твари имѣли произношенiе голоса, и чтобъ такое они другъ другу сказать могли? ибо для разговора надобно мыслить, или имѣть хотя малое понятiе; а ежели они мыслятъ, то должны быть одарены разумною душею; но чтобъ приписывать одаренiе разумной души таковымъ тварямъ, казалося ему со всемъ нелѣпымъ. Но вамъ прежде показалось, сказалъ *Сирïусецъ*, что они упражняются въ

любви;

любви; и такъ неужели вы думаете, что можно упражняться въ любви безъ мыслей, и не говоря ни одного слова, или по крайней мѣрѣ безъ изъясненія своихъ мыслей? или вы полагаете, что труднѣе изъяснять мысли, нежели производить на свѣтъ младенца? Для меня и то и другое кажется наисокровеннѣйшею тайною. Теперь я не дерзаю ни вѣрить ниже сомнѣваться, говорилъ Карла, и не предлагаю уже больше ни какого мнѣнія; постараемся прежде разсмотрѣть сихъ несѣкомыхъ, а по томъ разсуждать объ нихъ будемъ. Очень хорошо, сказалъ Микромегасъ, и въ тужъ минуту, вынувъ ножницы обрѣзалъ себѣ ногти, и изъ обрѣзка одного ногтя съ большаго своего пальца, сдѣлалъ тотъ часъ большую трубу, сквозь которую говорить было можно; она была подобна пространной воронкѣ, которую узкимъ концемъ приставилъ онъ себѣ къ уху. Окружность трубы покрыла корабль со всемъ его приборомъ; наислабѣйшій голосъ проходилъ по извитымъ жилкамъ ногтя, такъ что съ помощію сей искусно сдѣланной трубы, Философъ выслушивалъ совершенно журчаніе нашихъ нижнихъ несѣкомыхъ; и въ нѣсколько часовъ, достигъ до того, что различалъ слова, а на-

наконецъ понялъ, что говорили они по Французски. *Сатурнской* Карла учинилъ то же, хотя съ великою трудностію. Удивленіе путешественниковъ каждую минуту пріумножалось; они услышали, что сіи червячки разговаривали съ здравымъ разсудкомъ; сіе дѣйствіе природы, казалося имъ со всемъ не понятнымъ. Легко повѣрить можно, что *Сиріусецъ* и его Карла, съ нетерпѣливостію желали начать разговоръ съ сими пылинками; но какъ они страшились чтобъ ихъ громовый голосъ, а особливо Микромегасовъ, не оглушилъ червячковъ, не будучи со всемъ ими слышанъ, то для сего надлежало уменьшить его силу. Они вложили себѣ въ ротъ нѣкоторыя тонкія трости, коихъ концы достигали до самаго корабля *Сиріусецъ* державъ Карлу у себя на колѣняхъ, а корабль со всемъ приборомъ на ногтѣ, наклонилъ голову ниско, и говорилъ весьма тихимъ голосомъ, а наконецъ посредствомъ сихъ и многихъ другихъ предосторожностей, началъ такимъ образомъ рѣчь свою.

Неудобозримые несѣкомые! я благодарю Творца, коего всесильная десница благоволила произвести васъ въ пучинѣ безконечныхъ малостей, что удостоилъ онъ меня откровеніемъ

нїемъ сихъ таинъ, кои прежде казалися мнѣ неисповѣдимыми. Можетъ быть въ моей странѣ не удостоятъ на васъ воззрѣнїя, но я никого не презираю, и обѣщаю вамъ мое покровительство.

Не можно болѣе удивиться, какъ сїи люди, услыша рѣчи Микромегасовы. Они не могли понять откудова они происходили. Корабельный священникъ читалъ проклятїе, матросы призывали Бога, а философы дѣлали новые изслѣдованїи; но сколько они ни старались въ составленїи сей системы, однакожъ ни какъ не могли познать, кто говорилъ съ ними. *Сатурнской* Карла, имѣя голосъ тище Микромегасова, увѣдомилъ ихъ въ короткихъ словахъ, какого роду съ людьми имѣли они дѣло. Онъ имъ расказалъ о путешествїи *Сатурнскомъ*; обѣявилъ, кто таковъ былъ господинъ Микромегасъ, и оказавъ свое сожалѣнїе объ нихъ, что они такъ малы, спросилъ у нихъ, всегда ли они были въ семъ презрительномъ состоянїи, столь блискомъ къ ничтожеству? Что они дѣлали на шару, который, какъ казалося, наполненъ былъ одними только китами? Были ли они щастливы? Размножались ли они? Имѣютъ ли

въ себѣ душу? и со сто другихъ подобныхъ симъ дѣлалъ имъ вопросовъ.

Одинъ мудрецъ изъ философской шайки, будучи смѣлѣе другихъ, и сочтя себѣ въ обиду, что сомнѣваются о душѣ его, разсматривалъ вопрошателя геометрическими линеями, протянутыми на четверокружїи; онъ сдѣлалъ два возвышенїя и при третьемъ говрилъ такимъ образомъ: вы о семъ думаете, государь мой, по тому, что отъ головы до ногъ имѣете тысячу саженъ, и что вы. . . . . Тысячу саженъ! вскричалъ Карла, праведное небо! по чему можетъ онъ знать вышину мою? тысячу саженъ! онъ ни однимъ вершкомъ не ошибся; возможно ли, сїя пылинка меня измѣрила! онъ геометръ! онъ знаетъ мою вышину! а я не иначе вижу его, какъ сквозь увеличивательное стекло, и не знаю еще точной вышины его! Конечно я тебя измѣрилъ, сказалъ физикъ, и также справедливо измѣрю большаго твоего товарища. Предложенїе сїе было принято, и его Превосходительство легъ; ибо ежелибъ онъ стоялъ, то голова его была бы гораздо выше облаковъ. Наши философы, воткнули ему большое дерево въ то мѣсто, которое докторъ *Свифтъ* назвалъ бы по имени, но я изъ

вели-

великаго почтенія къ женщинамъ удержусь отъ сего названія. По семъ съ помощію многихъ вмѣстѣ связанныхъ тріугольниковъ, заключили они, что онъ былъ дѣйствительно молодой человѣкъ, величиною во 120 тысячь футовъ Королевскихъ.

Тогда Микромегасъ говорилъ: теперь я вижу, что никогда не должно судить ни о чемъ по видимой величинѣ. О Боже! одарившій премудростію сихъ тварей, кои по виду презрительными кажутся, теперь я вижу что и безконечно малыя, равно премудро тобою устроены, какъ и безконечно великія; и буде возможно быть тварямъ еще менѣе сихъ, то безъ сумнѣнія они могутъ имѣть разумъ еще превосходнѣе тѣхъ огромныхъ животныхъ, которыхъ я видѣлъ въ небѣ, и коихъ единая нога закрыла бы со всемъ сей малый шаръ, на которомъ теперь я обрѣтаюсь.

Одинъ изъ философовъ ему на сіе отвѣтствовалъ: что по справедливости онъ можетъ быть увѣренъ, что дѣйствительно есть разумныя твари, гораздо меньше человѣка. Онъ ему раскызывалъ не то, что *Виргилій* говорилъ баснословно о пчелахъ, но то, что *Сваммердамъ* открылъ, а *Реомюръ* совершенно

но доказалъ, и наконецъ ему объявилъ, что есть и такїе животные, кои столь же малы передъ пчелами, сколь пчелы передъ людьми; равнымъ образомъ, каковъ есть и самъ *Сирїусецъ* передъ тѣми огромными животными, о коихъ говорилъ онъ прежде, и каковы суть тѣ великїе животные передъ другими созданїями, въ сравненїи съ коими они не болѣе казались какъ самомалѣйщїя пылинки. Мало по малу разговоры между ими становилися важнѣе, и Микромегасъ говорилъ такимъ образомъ.

Глава

Глава VII.

Разговоръ съ людьми.

Разумныя пылинки! чрезъ сотворенїе которыхъ превѣчное Существо благоволило открыть премудрость свою и могущество; безъ сомнѣнїя должны вы вкушать сладчайшїя утѣхи на вашемъ шарѣ; ибо будучи составлены изъ столь малаго вещества, и преисполнены толикимъ разумомъ, должны вы провождать вашу жизнь въ любви и въ мудромъ размышленїи; ибо таковая жизнь свойственна разумнымъ существамъ. Я нигдѣ еще не видалъ истиннаго блаженства, но здѣсь конечно его обрѣтаю. При семъ словѣ всѣ философы закачали головами, и одинъ изъ нихъ будучи всѣхъ откровеннѣе, признавался чистосердечно, что изключая нѣкоторое только малое число не важныхъ жителей, всѣ протчїе ни что иное суть какъ собранїе безумцевъ, злыхъ и нещастныхъ. Мы имѣемъ въ себѣ болѣе вещества, нежели сколько намъ потребно, говорилъ онъ, для содѣланїя многаго зла, ежели зло отъ вещества происходитъ; и съ лишкомъ

комъ много разума, ежели также зло отъ разума раждается; знаете ли вы, на примѣръ, что въ сей самый часъ, какъ я съ вами говорю, сто тысячь безумцевъ нашего рода покрытые шляпами, убиваютъ сто тысячь другихъ подобныхъ себѣ животныхъ, покрытыхъ челмами, или сами отъ нихъ погибаютъ; и почти по всей землѣ съ самаго древняго времени, такимъ образомъ всегда поступали. *Сиріусецъ* содрогнулся, и спрашивалъ: какая бы могла быть причина симъ ужаснымъ ссорамъ между столь бѣдными тварями? Дѣло идетъ, говорилъ философъ, о нѣсколькихъ кучкахъ грязи, величиною не болѣе пяты вашей; не для того что бы кто изъ сихъ милліоновъ людей, кои между собою рѣжутся, имѣлъ на сихъ грязныхъ кучкахъ свои хлѣбныя колосья; но только, чтобъ узнать, будутъ ли они принадлежать нѣкоему человѣку, котораго называютъ *Султаномъ*, или другому, котораго, я не знаю по чему имянуютъ *Цесаремъ*. Изъ сихъ двухъ особъ ни тотъ ни другой ни когда не видалъ, и ни когда не увидитъ того малаго уголка земли, за которую ссорятся, и почти ни одинъ изъ тѣхъ животныхъ, кои взаимно другъ друга убиваютъ, ни когда также не

ви-

видалъ того животнаго, за котораго они дерутся.

Ахъ нещастные! вскричалъ съ досадою *Сиріусецъ*, возможно ли чтобъ вы имѣли толико звѣрства! желалъ бы я, ступивъ три шага, тремя ударами раздавить всю сію муравейную кучку, наполненную смѣшными и гнусными убійцами. Не принимайте сего труда, говорили ему философы, они сами довольно трудятся о своей погибели; знайте, что по прошествіи десяти лѣтъ, не остается никогда сотой части сихъ нещастныхъ, и вѣдайте, что хотя бы они и не употребляли меча къ убіенію другъ друга, то голодъ, изнуреніе или не воздержность почти всѣхъ ихъ похищаетъ; а сверхъ того, не ихъ за сіе наказывать должно, но тѣхъ безпечныхъ сидней, кои сидя въ своемъ кабинетѣ, повелѣваютъ убивать милліоны людей, и кои по томъ торжественно за сіе благодарятъ Бога. Путешественникъ почувствовалъ сожалѣніе о маломъ родѣ человѣческомъ въ столь удивительной враждѣ безпрестанно пребывающемъ. Когда вы изъ малаго числа мудрецовъ, говорилъ онъ Господамъ философамъ, и по видимому никого за деньги не убиваете, то пожалуйте мнѣ скажите, въ чемъ

вы упражняетесь? Мы анатомимъ мухъ, сказалъ философъ, измѣряемъ линеи, собираемъ исчисленіи; иногда соглашаемся мы въ двухъ или въ трехъ пунктахъ, которые мы разумѣемъ, и споримъ о двухъ, или о трехъ тысячахъ, коихъ не постигаемъ. Тутъ вдругъ *Сиріусцу* и *Сатурніанцу* пришло на мысль, спросить у сихъ мыслящихъ пылинокъ, о нѣкоторыхъ вѣщахъ, о коихъ наиболѣе вѣдать они желали. Сколько щитаете вы, говорили они, отъ *Песей Звезды* до Созвѣздія *Близнецовъ*? Тогда всѣ философы вдругъ отвѣчали: 22 съ половиною градуса. . . . Сколько полагаете вы отъ васъ до луны? . . . Шесдесятъ земныхъ полупоперешниковъ, въ круглыхъ числахъ. . . . Сколько вѣситъ вашъ воздухъ? . . . Они думали привести ихъ въ замѣшательство симъ вопросомъ, но они всѣ вдругъ сказали, что воздухъ ихъ вѣсомъ около 900 разъ меньше, нежели такоеже количество самолегчайшей воды, и въ 1900 разъ меньше, нежели червонное золото. . . . *Сатурнской* Карла, удивляясь ихъ отвѣтамъ, принужденъ былъ почесть волшебниками, тѣхъ самыхъ людей, которыхъ за четверть часа передъ тѣмъ, щиталъ со всемъ души въ себѣ не имѣющими.

Наконецъ Микромегасъ имъ сказалъ: когда вы столь совершенно знаете о томъ, что внѣ васъ находится, то безъ сомнѣнія, еще лучше вѣдаете о томъ, что во внутренности вашей обрѣтается; и такъ скажите мнѣ, что такое есть ваша душа? . . . Философы также какъ и прежде заговорили всѣ вдругъ, однакожъ всѣ предлагали различные мнѣніи Старшій изъ нихъ предлагалъ мнѣніе *Аристотелево*, другой произносилъ имя *Картезіево*, третій говорилъ о *Малебраншѣ*, иной о *Лейбницѣ*, а иной о *Локкѣ*; одинъ старый *Перепатетикъ* съ увѣреніемъ закричалъ громко: душа есть духъ или разумъ, чрезъ который имѣетъ она силу быть тѣмъ, что она есть, о чемъ объявляетъ ясно *Аристотель* на страницѣ 633, *Луврскаго* изданія.

на Греческомъ языкѣ.

. . . .

Я не очень хорошо разумѣю по Гречески, сказалъ исполинъ. И я также не разумѣю, говорилъ Философъ Для чего же, перервалъ *Сиріусецъ*, приводите вы въ примѣръ мнѣніе нѣкотораго *Аристотеля* на Греческомъ языкѣ? Для того, отвѣчалъ мудрецъ, что должно говорить о томъ, чего не понимаешъ, на такомъ языкѣ, которой менше разумѣешъ.

Послѣ сего, *Картезіевъ* ученикъ, начавъ рѣчь свою говорилъ: что душа есть чистѣйшій духъ, получившій во чревѣ матери своей, всѣ Метафизическіе понятіи, и который вышедъ оттуда, принужденъ паки итти въ школу, дабы со всемъ съизнова научаться всему тому, что онъ прежде зналъ уже совершенно, и чего послѣ опять со всемъ знать не будетъ. По етому не трудно было, говорило восмимильное животное, душѣ твоей быть весьма знающею, во чревѣ матери твоей, когда она столь безумна тогда, когда уже выросли волосы на бородѣ твоей; но что ты разумѣешъ о духѣ? . . . О чемъ вы меня вопрошаете? сказалъ мудрецъ; я о семъ ни малаго не имѣю понятія; говорятъ что онъ невещественъ. . . Но знаешъ ли ты по крайней мѣрѣ, что такое есть вещество? . . . Очень знаю, отвѣтствовалъ человѣкъ; на примѣръ, сей камень есть сѣраго цвѣта, и будучи таковой фигуры, имѣетъ свои три измѣренія, и онъ есть тяжелъ и раздѣлимъ. И такъ когда сей камень, говорилъ *Сиріусецъ*, кажется тебѣ быть раздѣлимымъ, тяжелымъ и сѣраго цвѣта, то скажешъ ли ты мнѣ объ немъ, что такое онъ есть? Ты познаешъ только нѣкоторые его свойства, но

вни-

вникаешь ли въ точную глубину его? Нѣтъ, отвѣчалъ Философъ; . . . И такъ по сему ты не знаешь, что такое есть вещество.

Тогда господинъ Микромегасъ, оборотясь къ другому мудрецу, котораго держалъ на большомъ своемъ пальцѣ, у него спросилъ: что разумѣетъ онъ о душѣ своей, и какiе ей приписываетъ совершенства? Я ничего не знаю, отвѣтствовалъ Философъ слѣдующей *Малебраншевой* систмѣ; Богъ все для меня производитъ, я все въ немъ единомъ вижу, все чрезъ него дѣлаю, и онъ все творитъ такъ, что я самъ ни во что не вмѣшиваюсь. Такимъ образомъ, лучше со всемъ не быть на свѣтѣ, нежели не имѣть никакого попеченiя, сказалъ мудрецъ *Сирiусской*; а ты, мой другъ, говорилъ онъ по томъ *Лейбницiеву* послѣдователю, что думаешь о душѣ твоей? . . . Она есть, сказалъ Философъ, стрѣла, показующая часы, въ то время когда тѣло мое движенiемъ дѣйствуетъ, или если вамъ угодно, она движенiемъ моимъ дѣйствуетъ, въ то время, какъ тѣло мое часы показуетъ; или лучше сказать, душа моя есть зеркало вселенной, а тѣло мое есть рамы того зеркала, и сто весьма ясно.

Не подалеку отъ сего, стоялъ малый послѣдователь *Локка*; и какъ у него о томъ же вопросили; я не знаю, говорилъ онъ, какихъ я о семъ мыслей, но вѣдаю только то, что я никогда ни о чемъ не помышляю иначе, какъ съ помощїю чувствъ моихъ; что есть невещественные и разумные существа, о томъ я ни мало не сомнѣваюсь; но чтобъ не возможно было Богу одарить мыслїю вещество, о томъ я весьма сомнѣваюсь. Я чту вѣчное всемогущество и мнѣ не довлѣетъ предполагать ему границы; я ни чего слабымъ моимъ понятїемъ не утверждаю, и довольствуяся тѣмъ, вѣрю, что есть болѣе вещей возможныхъ, нежели о семъ думаютъ.

Сирїусецъ при сихъ словахъ усмѣхнулся; онъ щелъ сего Философа не менѣе другихъ разумнымъ, а *Сатурнской* Карла хотѣлъ было обнять сего послѣдователя *Локкова*, не взирая на чрезмѣрное свое съ нимъ неравенство; но по нещастїю былъ тамъ одинъ маленькой червякъ въ четвероугольной шапкѣ, который прервавъ рѣчи Философовы, сказалъ, что онъ всю тайну совершенно знаетъ, и что она вся означалася въ доказательствахъ *С. Томаса*. Онъ разсматривалъ съ головы до

ногъ

ногъ небесныхъ жителей, и утверждалъ, что ихъ тѣла, ихъ мiры, ихъ солнцы, и ихъ звѣзды, всѣ были созданы единственно для человѣка. При сихъ его рѣчахъ оба путешественники упали одинъ на другова отъ чрезвычайнаго смѣха, каковый по описанiю *Гомера* единымъ токмо Богамъ свойственъ; ихъ плечи и животъ въ безпрестанномъ были движенiи, отъ чего корабль, который *Сирïусецъ* держалъ на ногтѣ своемъ, упалъ въ штанной карманъ къ *Сатурнïанцу*. Сiи добрые люди долго его искали, и наконецъ нашедъ поставили опять искусно, со всемъ приборомъ въ прежнее положенiе. *Сирïусецъ* посадилъ по прежнему малыхъ червячковъ къ себѣ на руку и разговаривалъ съ ними еще весьма благосклонно, хотя внутренно нѣсколько досадовалъ, что сiи безконечно малыя твари, имѣли почти безконечно великое высокомѣрiе. Онъ обѣщалъ имъ дать хорошую Философическую книгу, писанную самыми мѣлкими буквами, дабы могла она служить для ихъ употребленiя, и что въ ней увидятъ они конецъ всѣмъ вещамъ. И въ самомъ дѣлѣ передъ отшествiемъ своимъ далъ онъ имъ свою книгу, которую привезли они въ Парижскую Академiю Наукъ; но

какЪ секретарь оную открылЪ, то ни чего вЪ ней не видалЪ, кромѢ бѢлыхЪ листовЪ: *Ахъ*! сказалЪ онЪ, *я ни когда онаго не надѣялся*!

XIV.

ХРАМЪ

ВКУСА.

Кардиналъ Оракулъ Франціи, не тотъ Ментoръ, который управляетъ нынѣ, но тотъ Несторъ, который есть подпора Пинды; (*) который ученыхъ превзошелъ надежду, ихъ подкрѣпляетъ, всѣхъ одушевляетъ, и просвѣщаетъ, и который владычествуетъ надъ нами пріятнымъ своимъ краснорѣчіемъ; тотъ, который по ымъ гласомъ, Латинскими стихами, заставляетъ говорить самую премудрость, соединяя *Виргилія* съ *Платономъ*; будучи мститель неба и побѣдитель *Лукреція*. (1)

Наконецъ, оный Кардиналъ, котораго весь свѣтъ долженъ познать по сему описанію, сказалъ мнѣ нѣкогда, что хочетъ меня вести съ собою во *Храмъ Вкуса*. Сіе зданіе, говорилъ онъ мнѣ, подобно *храму дружбы*, о коемъ весь свѣтъ говоритъ, но въ

3 4 кото-

(*) Пинда, гора посвященная музамъ; между Ѳесалію и Епиромъ.

(1) Г. Кардиналъ *де Полиньякъ* сочинилъ на Латинскомъ языкѣ Поему противъ *Лукреція*, которая всѣмъ ученымъ людямъ не безъизвѣстна.

который мало людей входятъ, и большая часть изъ путешествователей почти никогда прилѣжно его не разсматривали.

Я отвѣчалъ ему съ чистосердечїемъ: увы! я весьма мало познаю законы сего любви достойнаго Бога, однакожъ вѣдаю, что онъ вамъ благопрїятствуетъ; въ ваши руки вручилъ онъ ключи отъ прекраснаго своего рая; и вы по моему мнѣнїю, есть истинный Папа сея церкви. Однакожъ между другимъ Папою и вами (хотя бы Римъ за сїе на меня раздражился) весьма видимое есть различїе; ибо и Сарбонская Академїя дерзаетъ увѣрять, что Святый Отецъ можетъ иногда подверженъ быть заблужденїю, а сїе по моему мнѣнїю, кажется весьма возможнымъ; но что принадлежитъ до васъ; когда слышу я полезные, похвальные и блистательные ваши изреченїи, то почитаю васъ почти ни въ чемъ не погрѣшительнымъ.

Ахъ! говорилъ онъ мнѣ, не погрѣшительность принадлежитъ въ Римѣ, къ таковымъ только вещамъ, коихъ не понимаютъ, а въ *Храмѣ Вкуса* простирается оная до таковыхъ, кои весь свѣтъ разумѣетъ; вамъ не премѣнно должно туда со мною итти. Но естьли вы меня туда съ собою поведете, говорилъ я ему, то я предъ всемъ свѣтомъ, симъ буду похваляться.

О семъ не большомъ странствованіи, тотъ часъ потребуютъ отъ меня, что бы сочинилъ я большую книгу. Волтеръ напишетъ тогда кратькое повѣствованіе, которое будетъ ни что иное какъ весьма забавная шутка; но сію его повѣсть всѣ будутъ ругать, при дворѣ противъ него возропщутъ, а въ Парижѣ сочтутъ меня за стараго раскащика, который прямодушно расказываетъ о томъ, чего никогда не видалъ и не зналъ, и котораго сочиненіе на каждой страницѣ наполнено ложью.

И такъ, какъ не должно никогда лишать себя удовольствія отъ страха, что другіе о томъ будетъ думать; послѣдовалъ я за моимъ путеводителемъ, который здѣлалъ мнѣ честь своимъ сопровожденіемъ.

Любезный Аббатъ! ты былъ въ семъ путешествіи, моимъ сотоварищемъ; ты, которому *вкусъ* не престаетъ чинить свои возбужденіи; ты коего нѣжный и мудрый разумъ, и коего примѣръ благоволилъ мнѣ показать, какимъ путемъ можно безъ заблужденія снискивать сей *вкусъ*, и сего *Бога*, котораго въ таковые лѣта, и самые разумные люди, за славу себѣ поставляютъ не вѣдать.

На пути нашемъ встрѣчали мы многія препоны. Прежде всего попались намъ господа, *Балдъ*, *Сціолій*, *Лексикокрасъ*, *Скриблерій*, и тьма другихъ толкователей, кои возобнов-

ляли нѣкоторыя выписки, и кропали толстыя книги о знаменованїи единаго слова, котораго сами они не разумѣли.

Тамъ увидѣлъ я *Дасїеропъ* (2) и *Сомезопъ* (3) людей набитыхъ ученою глупостїю, имѣющихъ цвѣтъ въ лицѣ желтый, глаза красные и сухїе, спину согбенную подъ кучею сочиненїй греческихъ писателей; всѣхъ запачканныхъ чернилами и пылью. Я кричалъ имъ издали въ окно изъ кареты: не идете ли вы въ *храмъ вкуса*, для очищенїя съ себя грязи? Мы, государи мои? говорили они, со всемъ нѣтъ; благодаря небу, мы не тамъ снискиваемъ нашу науку; *вкусъ* для насъ совсемъ ничего не значитъ; ибо мы имѣемъ привычку писать плодовито, отъ точки до точки, то что другїе думали, а сами ничего не думаемъ.

Послѣ сего искренняго признанїя, сїи господа окружили нашу карету, и хотѣли не-

(2) *Дасїеръ*, имѣлъ великую способность къ наукамъ: онъ извѣстенъ былъ о всѣхъ древнихъ писателяхъ, выключая только прїятности и искуства въ писанїи; его сочиненїи вездѣ наполнены ученостїю, но ни въ одномъ нѣтъ вкуса; онъ перевелъ грубо нѣжные сочиненїи *Горацїя*; однакожъ хотя онъ и обезобразилъ *Горацїя*, и хотя примѣчанїи его не весьма кажутся остроумны, но книга его почитается за полезную, и трудъ его многїе похваляютъ, въ разсужденїи малой его къ тому способности.

(3) *Сомезъ*, ученый писатель, котораго сочиненїй нынѣ болѣе уже не читаютъ.

непремѣнно, заставить насъ читать нѣкоторыя статьи изъ *Диктиса Критскаго*, и изъ *Метродора Лампзацкаго*, которыхъ *Скалигеръ* перепортилъ. Мы поблагодарили ихъ за сїю учтивость, и продолжали путь нашъ, но не успѣли проѣхать ста шаговъ, какъ попался намъ нѣкоторый человѣкъ, окруженный живописцами, архитекторами, рѣщиками, золотарями, ложными знатоками, и льстецами, кои всѣ бѣжали прочь отъ *Храма вкуса*.

При удовольственномъ видѣ, высокомѣрїе покоилось и распростиралось на широкомъ лицѣ его, и оный *Крассъ* охриплымъ голосомъ говорилъ: Я имѣю много золота, и еще болѣе разума: чтожъ принадлежитъ до *Вкуса*, государи мои, то я довольно имъ запасся; хотя я ни чему и не учился, однакожъ о всемъ свѣдущъ: я перьвый въ свѣтѣ и въ дѣлахъ, и не взирая ни на вѣтры, ни на камни, ни на морскихъ разбойниковъ, я ввелъ въ пристань мое судно. И такъ для сего, должно съ поспѣшностїю построить для меня огромный домъ; то есть, чтобъ всѣ науки кучами въ оный были собраны, и въ которомъ, требую я, что бы всякїй день мнѣ удивлялись, а деньги за сїе у меня готовы; и когда я сїе говорю, то вы должны быть мнѣ послушны. Выговоривъ сїе онъ заснулъ; тотъ часъ окружающїе его подлецы усердно начинаютъ сїю работу. Нѣкоторый камен-

щикъ,

щикъ, начертилъ для него планъ съ чрезмѣрными украшеніями. Тутъ не видно ни однихъ сѣней, и еще менѣе наружнаго вида, говорилъ онъ, но только длинный переходъ; стѣны у вашего дому будутъ въ два пальца толщиною; тамъ будутъ большіе кабинеты, не высокія залы, малые простѣнки, и окны по моей выдумкѣ, такъ велики, что можно будетъ ихъ почесть за церковныя двери; все тамъ будетъ убрано панелями; вылажировано, выбѣлено и вызолочено, чему всѣ простяки безъ сомнѣнія будутъ удивляться.

Пробудитесь, милостивый государь, пробудитесь, кричалъ одинъ живописецъ; подивитесь моему дарованію; *Рафаилъ* никогда не зналъ такого искуства украшать домъ. Я одинъ только умѣю оживлять самую природу; я напишу на вашихъ потолокахъ и на сводахъ множество большихъ обезьянъ, на палецъ или на два толщиною такъ чтобъ и изъ дали ихъ было видно.

Крассъ пробуждается, смотритъ, криво и прямо разставляетъ, учреждаетъ, и поправляетъ. Тогда стоявшій подлѣ него нѣкій человѣкъ, на все съ любопытствомъ смотрѣвшій въ лорнетъ, ему говорилъ: обратите ваши глаза, и посмотрите; сто для вашей домовой церкви; повѣрте мнѣ, купите сію картину, на ней изображенъ Богъ Отецъ въ вѣчной своей славѣ, искусно писанный по вкусу *Вато*. (4)

Между

(4) Вато, Фламандскій живописецъ, который трудился въ Парижѣ, и нѣсколько лѣтъ тому

Между тѣмъ, одинъ хитрый книгопродавецъ, подкупленный отъ ученыхъ людей, раскладывалъ передъ нимъ всѣ сочиненiи *Белегарда*, *Питапала*, и *Десфонтена*. (*) Новые собранiи, и журналы, по сотьнямъ онъ хотѣлъ читать, но въ самое то время зѣвалъ.

Я думалъ что послѣ сего не будемъ мы имѣть болѣе остановки, и прiѣдемъ скоро во *храмъ*, безъ всякаго препятствiя; однакожъ путь сей гораздо былъ опаснѣе, нежели какъ я о томъ думалъ, и мы вскорѣ наѣхали на другую шайку.

Равно какъ не утомимый богомолецъ, шедъ по уской стезѣ ко спасенiю, со сто разъ бываетъ искушаемъ дiаволомъ, прежде нежели достигнетъ до своей цѣли.

Мы вдругъ услышали концертъ, который давалъ одинъ штатскiй человѣкъ, любящiй до безумiя музыку, коей онъ никогда самъ не учился; всего болѣе, былъ онъ охотникъ до музыки *Италiанской*, о которой никогда не имѣлъ ни малаго понятiя, кромѣ какъ только по худымъ арiямъ со всемъ не извѣ-

назадъ какъ тамъ и умеръ; онъ искусенъ былъ во изображенiи малыхъ предмѣтовъ, кои весьма хитро соединялъ вмѣстѣ; но въ большомъ видѣ ничего не писалъ, и къ тому со всемъ былъ не способенъ.

(*) *Десфонтѣнъ*, худой сочинитель.

извѣстнымъ въ Римѣ, и перепорченнымъ во Францiи нѣкоторыми оперными дѣвками.

Тогда приказывалъ онъ играть длинный *Реситатифъ* Француской, положенный на музыку однимъ Италiанцемъ, который со всемъ не разумѣлъ Францускаго языка. Тщетно представляли ему, что таковую музыку, которую съ словъ полагаютъ на ноты, свойственно сочинять тому, кто языкъ совершенно разумѣетъ; и что нѣтъ ничего смѣшнѣе какъ Францускiе слова, пѣть Италiанскимъ голосомъ, равно какъ слова Италiанскiе пѣть во вкусѣ Францускомъ.

Изобильная и премудрая природа, раздѣленiемъ даровъ своихъ украшая вселенную, вѣщаетъ всѣмъ человѣкамъ, различными гласами. Каждый народъ, одаренъ отъ нее разумомъ, и имѣетъ особливый свой языкъ, котораго звоны и произношенiи словъ согласуются съ его голосомъ; все сiе руками природы порядочно устроено, и различiе во ономъ чувствительному слуху довольно ощутительно. И такъ по сему во Францiи должно пѣть голосомъ Францускимъ, слѣдуя Францускому вкусу; *Луллiй* искусно умѣлъ сему вкусу послѣдовать; онъ украсилъ только музыку, ни чего изъ нее не перемѣняя.

При сихъ разумныхъ представленiяхъ, предводитель шайки говорилъ качая головою:

хорошо,

хорошо, вамъ дадутъ новыя ноты. И по семъ концертъ его начался.

Съ двадцать глупыхъ, великаго *Луллія* завистниковъ, не имѣющихъ ни искуства ни расположенія въ музыкѣ, скрыпучими тонами обезображивали Француские стихи Италіанскими голосами; одинъ разиня, выпуча глаза приходилъ во изступленіе; а другой глупецъ, чванясь своимъ нарядомъ, смотрѣлся въ зеркало, прыгалъ по козлячьи, визжалъ изо всего горла, и пальцомъ ударяя не правильно такты, кричалъ: браво, браво, тогда, когда всѣ скрыпѣли въ разноголосицу.

Мы поспѣшно отъ сей толпы удалились; и послѣ многихъ подобныхъ сему приключеній достигли наконецъ до *храма вкуса*.

Въ древнее время, въ Греціи положено было твердое и крѣпкое ему основаніе: а потомъ верхъ сего любезнаго *храма*, до самаго неба былъ возвышенъ. Вся вселенная приносила въ немъ жертву; *Римлянинъ* будучи долгое время дикимъ, въ жилищѣ семъ усмирился, а *Мусульманъ* еще его не укротимѣе, сей *храмъ* завоевалъ, и разорилъ до основанія. Въ Италіи собрали обломки, симъ невѣрнымъ въ бѣшенствѣ разбросанные. Вскорѣ по семъ *Францискъ* первый осмѣлился построить другой *храмъ* во всемъ тому подобный. Потомки его, презирали прекрасную сію архитектуру; *Ришелье* во время свое поправилъ

вилъ со всемъ оставленный сей храмъ; *Лудовикъ великій* его украсилъ, а *Колбертъ* вѣрный его Министръ собралъ въ сіе святилище безсмертные собраніи Наукъ и художествъ. Завистливая Европа удивлялася сему *храму* въ новомъ его украшеніи; однакожъ не знаю я, долго ли онъ пребудетъ не вредимымъ.

Я могъ бы описать сей *храмъ* и изобразить всѣ его украшеніи, кои путешественникъ въ немъ обрѣтаетъ; но не хочу послѣдовать примѣру многихъ писателей сказокъ; а болѣе всего убѣгаю пустословія господина *Фелибіана*, который и самую бездѣлку краснорѣчиво описываетъ. Сіе прекрасное зданіе не было изпещрено *готическими* древностями, коими наши предки украшали стѣны своихъ храмовъ, столь же грубыхъ, каковы были они сами. Онъ не былъ такъ много огромностію обезображенъ, какъ церьковь *Версальская*; и не имѣлъ на себѣ тѣхъ великолѣпныхъ украшеній, кои глаза только у людей ослѣпляютъ, но знатоки имъ насмѣхаются.

Легче можно сказать, что сего *храма* со всемъ нѣтъ, нежели учинить истинное о немъ изображеніе; но для избѣжанія большаго затрудненія, я прибавлю только слѣдующее:

Архитектура въ немъ расположена была просто и благородно; каждое его украшеніе было въ пристойномъ мѣстѣ, и казалося только по необходи-

ходимости было здѣлано; искуство являлося тамъ въ естественномъ видѣ; человѣческій взоръ со удовольствіемъ обозрѣвалъ вдругъ все зданіе ни чему не удивляясь, но отъ каждаго предмѣта приходя въ восхищеніе.

Храмъ былъ окруженъ толпою отмѣнныхъ мастеровъ, художниковъ, и знатоковъ всякаго рода, которые всѣ силилися войтить во внутренность *Храма*, однакожъ не входили.

Ибо *Критика* строгимъ и праведнымъ окомъ хранила ключи отъ сихъ священныхъ вратъ, и мѣдною рукою, гордо отталкивала грубый народъ, который безпрестанно впередъ подвигался.

О! колико знатныхъ и почтенныхъ мужей не было туда впускаемо!

Въ сей кучѣ не видно было ни возмутительныхъ заговоровъ, ни тѣхъ мнимыхъ ученыхъ, которые въ Парижѣ защищали сочиненіи *Прадона* и *Скудерія* (5) противъ безсмертныхъ писаній *Корнелія* и *Расина*.

И Съ

(5) *Скудери* былъ по справедливости явный непріятель *Корнелієвъ*. Онъ имѣлъ нѣкоторый тайный заговоръ, въ которомъ поставляли его весьма предпочтительнымъ сему отцу театра. Есть еще нѣкоторое дурное сочиненіе *Серазеново*, въ которомъ написано доказательство, будто бы нѣкое сочиненіе *Скудеріево*, названное *мучительная любовь*, было наилучшимъ на Француском театрѣ.

Съ такою же жестокостію отторгали, тѣхъ гнусныхъ враговъ всякаго истиннаго достоинства, и тѣхъ общество повреждающихъ червяковъ, кои тѣмъ только бываютъ примѣтны, что другихъ уязвляютъ. Они равно ненавидятъ и *Рокроа* и великаго *Конде*; и *Дедена* и *Вилларса*; и *Поліевкта* и *Корнелія.* Они желали бы истребить *Лебрюна*, за то, что написалъ онъ картину фамиліи *Даріевой.* Они все на свѣтѣ ненавидятъ, и все то заражаютъ, къ чему ни прикасаются.

Гордость родитъ ихъ въ нѣдрахъ зависти; корыстолюбіе, подозрѣніе, безчестная клевета, а часто и самые набожные, наиопаснѣйшіе чудовищи, отверзаютъ тайно врата чертоговъ, для гнусныхъ ихъ сонмовъ; гдѣ помрачаютъ они глаза *Мидаса.* Глупецъ ихъ похваляетъ, злобный бываетъ ихъ под-

---

Сей *Скудери* хвастался самъ, яко бы при представленіи одной изъ его піесъ, четырехъ придверниковъ отъ множества народу задавили до смерти, и говорилъ: что онъ не дастъ предъ собою преимущества *Корнелію*, развѣ только тогда, когда бы пятерыхъ придверниковъ задавили, при представленіи его *Сида* или *Горація.*

Чтожъ принадлежитъ до *Прадона*, то извѣстно, что его *Федра* прежде принята была лучше, нежели *Расинова*; и что требовалось довольнаго времени, для отличенія сего ложнаго мнѣнія отъ истиннаго достоинства.

подпорою, а достоинство ими гонимое, въ слезахъ и съ воздыханїемъ оставляетъ науки, въ коихъ упражняться запрещаютъ.

Сїи гнусные гонители, узрѣвъ двухъ моихъ путеводителей, всѣ разбѣжались. По скоромъ бѣгствѣ ихъ, представилося зрѣлище еще того забавнѣе; то была куча, разнаго достоинства, разнаго состоянїя и разныхъ лѣтъ писателей, кои скребли во врата *храма*, и просили *критику*, что бы она ихъ впустила. Одинъ изъ нихъ приносилъ *математическїй Романъ*, другой *Академическую рѣчь*; иной сочинилъ *метафизическую комедїю*, иной держалъ не большое собранїе своего стихотворенїя, съ давнаго времяни напечатаннаго *тайно*, съ длиннымъ одобренїемъ и съ привиллегїею; (6) а иной показывалъ *манифестъ*, прекраснымъ слогомъ написанный, и весьма удивлялся, что всѣ надъ нимъ насмѣхались, вмѣсто того, что бы просить

(6) Большая часть дурныхъ книгъ печатаны въ Францїи со одобренїями наполненными похвалами; ибо цензоры при свидѣтельствованїи книгъ не наблюдаютъ въ семъ случаѣ почтенїя къ публикѣ: ихъ должность не въ томъ состоитъ, что бы смотрѣть хороша ли книга, но только наблюдать, нѣтъ ли чего въ ней противнаго гражданскому и духовному законамъ.

его благословенія. Я священный мужЪ. . . . говорилЪ одинЪ. Дайте не много мѣста сей знатной особѣ, говорилЪ другой.

ОдинЪ разсуждатель осиплымЪ голосомЪ кричалЪ: государи мои, я тотЪ праведный судія, который не престанно говоритЪ, ругаетЪ и противорѣчитЪ; я опорочилЪ все то, что другіе похваляли. Тогда *Критика* обратясь кЪ нему, говорила: другЪ мой *Барду*; хотя ты сими поступками, довольно отЪ другихЪ отличился; однакожЪ не войдешЪ вЪ сіе любезное мѣсто, ибо ты пришелЪ сюда поносить нашего *Бога*; то для того, никогда знать его не будешЪ; и тѣмЪ будь доволенЪ.

Тогда г. *Барду*, началЪ кричать: весь свѣтЪ обманывается, и будетЪ на всегда обманутымЪ; со всемЪ нѣтЪ *Бога вкуса*, и вотЪ чемЪ я сіе доказываю. Тогда онЪ предлагалЪ, раздѣлялЪ, передѣлялЪ, различалЪ и переспоривалЪ, однакожЪ никто его не слушалЪ; и вЪ то самое время болѣе прежняго всѣ кЪ двери приступили.

Между волнующеюся кучею безумцевЪ упорно отЪ *храма* отгоняемыхЪ; подходилЪ весьма тихо *Ламотъ ГударДЪ*, который говорилЪ голосомЪ лицемѣрія: отворите государи мои, я здѣсь несу моего *Гедила* вЪ прозѣ. (7) Стихи мои грубы, я

и

(7) *ГударДЪ де ла МоттЪ* сочинилЪ вЪ 1728, году *Гедила* вЪ прозѣ, и *Гедила* вЪ стихахЪ. Его *Гедила* вЪ прозѣ ни кто не могЪ читать,

и самъ въ томъ согласенъ: но въ прозѣ со всѣмъ другое. Пожалуйте отворите: я хочу господину *Деспро*, противу стиховъ, со вкусомъ сказать два слова.

Критика познала его какъ по тихимъ поступкамъ, такъ и по грубости послѣднихъ стиховъ его, и впустила на нѣсколько времяни между *Перольтомъ* и *Шапеленомъ*, кои съ пятдесятъ уже лѣтъ приступаютъ ко вратамъ *храма*, крича противъ *Виргилїя*.

Въ ту самую минуту пришелъ другой рифмотворецъ, поддерживаемый двумя малыми Сатирами; который какъ казалося, въ великой былъ на себя надеждѣ.

Я пришелъ, говорилъ онъ, (8) смѣяться, забавляться; весело прыгать, скакать, и во всю ночь возиться такъ какъ чортъ.

Что тамъ я слышу, говорила *Критика*? Ето я, сказалъ Рифмачь. Я пришелъ изъ Германии

 мании

а *Гедилъ* въ стихахъ былъ три раза на театрѣ представленъ. Онъ напечатанъ вмѣстѣ съ другими его драмматическими сочиненїями, и сочинитель постарался написать въ предувѣдомленїи, что сїя пїеса была прервана въ срединѣ наилучшаго его успѣха. Сей писатель сочинилъ много и другихъ почтенїя достойныхъ сочиненїй; нѣсколько весьма хорошихъ *Одъ*, изрядныхъ *оперъ*, и *ученыхъ рѣчей*, очень хорошо написанныхъ.

(8) Стихи г. Руссо.

манїи для свиданїя съ вами, и выбралъ къ тому весеннее время.

Ибо младые Зефиры, теплымъ своимъ дыханїемъ распустили ледъ, покрывающїй воды. (9)

Чемъ болѣе говорилъ онъ симъ языкомъ, тѣмъ меньше врата *храма* растворялись. Какъ развѣ меня почитаютъ, говорилъ онъ,

За водяную лягушку, (10) которая выходя изъ норы своей, кричитъ вмѣсто музыки, брекеке, кваке, ква, ква, ква?

Ахъ! Боже мой! вскричала *Критика*, какое страшное кваканїе! Ей сказали, что то былъ *Руссо*, у котораго Боги перемѣнили голосъ въ сїе смѣшное кваканїе, въ наказанїе за злость его. Она поспѣшно передъ нимъ затворила врата *храма*. Онъ весьма удивлялся сему поступку, и клялся за то отомстить сочиненїемъ нѣкоторой новой *Аллегорїи* противъ рода человѣческаго, къ которому всегда чувствовалъ онъ не примиримую ненависть; и по томъ вскричалъ онъ закраснѣвшись.

Укроти сїю чрезмѣрную жестокость; я пришелъ сюда искать *Марота* моего товарища. Я равно съ нимъ претерпѣлъ нѣкоторое нещастїе, Богъ Рифмъ, есть единый Богъ, который ко мнѣ благо-

(9) Стихи г. Руссо.
(10) Стихи его же.

благосклоненъ; познай меня, я всегда одинаковъ. Вотъ стихи противъ Аббата *Бигнона* (11) О ты *Критика*! о ты полезная богиня! для тебя только духъ мой всегда былъ возбуждаемъ; во всякой странѣ, и во всякое ненавистное время, я къ тебѣ только единой впредь буду имѣть прибѣжище.

Критика услыша сіи слова, поотворила не много врата *храма*, и говорила ему сими словами.

Руссо, познай лучше *критику*; я справедлива, и никогда не была подобна тому пожирающему чудовищу, которое вооружалося тѣми гнусными стрѣлами наполненными сатирическимъ ядомъ, коимъ ты изобильно упояешся. Напредъ сего *Фемиса*, наградила тебя своею злобою; и за то въ наказаніе муза твоя изгнана (12) за нѣкоторые стихи сложенной тобою *пѣсни*, и за весьма дур-

 ное

(11) *Бигнонъ*, штатскій совѣтникъ, человѣкъ отмѣннаго достоинства въ Европѣ, и защитникъ наукъ; *Руссо* сочинилъ противъ его нѣкоторые дурные стихи.

(12) *Руссо* былъ осужденъ заплатить штрафъ и на вѣчную ссылку, за нѣкоторые безчестные стихи, сочиненные имъ противу друзей его, въ сочиненіи коихъ обвинялъ онъ г. *Сорена* члена Академіи Наукъ. Любопытствующіе сохранили еще и до нынѣ сіи сочиненіи, и судъ надъ нимъ производимой; доносъ г. *Руссо* почитаютъ чрезвычайно дурно написанымъ, а возраженіе на противъ сего г.

ное сочиненїе, которое клевета тебѣ внушала; но повелѣнїемъ праведнаго *Аполлона*, злоба твоя вскорѣ была наказана; ибо онъ отнялъ у тебя ту малую способность, коею, какъ сказывалъ ты самъ, якобы онъ одарилъ тебя; онъ лишилъ тебя прїятности въ сочиненїи, и теперь уже ты, ничего больше не имѣешъ, кромѣ слабости и сумозбродства, слагать еще, противъ воли его, старинными Нѣмецкимъ слогомъ, стихи, къ которымъ онъ чувствуетъ великое омерзѣнїе.

Послѣ сей рѣчи, *Критика* позволила, чтобъ *Русо* шелъ передъ *Ламоттомъ*, въ достоинствѣ рифмотворца, но что бы *Ламоттъ* имѣлъ первенство, всякой разъ, когда касаться будетъ до разума и здраваго разсудка.

Сїи два столь различные между собою люди, не успѣли пройтить четырехъ шаговъ, какъ одинъ поблѣднелъ съ досады, а другой вострепеталъ отъ радости, увидя нѣкоего человѣка, который съ давнаго уже времени былъ въ семъ *храмѣ*.

То

Сорена, весьма разумно и краснорѣчиво. *Русо* будучи послѣ сего изгнанъ изъ Францїи, поссорился со всѣми своими защитниками, и продолжалъ безполезно клеветать всѣхъ тѣхъ, кои дѣлали честь Францїи своими сочиненїями; какъ то: г. *Фонтенелла*, *Кребиллона* *Дестуша*, *Дюбоса* и проч. . . .

То былъ мудрый *Фонтенеллъ*, который будучи окруженъ науками, изливалъ на нихъ по своему соизволенїю, чистый и новый свѣтъ нѣкоей планеты, на распростертыхъ крилахъ лѣтящей; въ ту минуту возвращался онъ къ симъ мѣстамъ гдѣ *вкусъ* имѣлъ щастливую столицу своея области. Съ *Кинольтомъ* онъ шутилъ, съ *Миреномъ* разсуждалъ, и искусною рукою брался за цыркуль, за перо, и за лиру.

Что ето! вскричалъ *Руссо*, я буду видѣть здѣсь, того человѣка, противъ котораго писалъ я столько *Епиграммъ*? Возможно ли! *добрый вкусъ* будетъ терпѣть въ *храмѣ* своемъ сочинителя *писемъ ковалера Гера, Осеннѣй страсти, Луннаго свѣта, Ручья любовника Лужайки Трагедїи, Гаспара, Ендимїона* и проч: Ахъ нѣтъ, сказала *Критика*, не онъ есть сочинитель всего онаго, а онъ сочинилъ: *О множествѣ мїровъ*, такую книгу, которая должна бы служить къ твоему наученїю; *Тетиса и Пелею* оперу, которая тщетно зависть въ тебѣ раждала; и *Исторїю Академїи Наукъ*, которую ты разумомъ своимъ постигнуть не можешъ.

Руссо пошелъ сочинять Епиграмму, а *Фонтенеллъ* взиралъ на него съ тѣмъ философическимъ сожалѣнїемъ, которое просвѣщенный и проницательный разумъ, можетъ ока-

зывать къ такому человѣку, который ничего больше не дѣлаетъ, какъ слагаетъ рифмы; и потомъ съ спокойнымъ духомъ заступилъ мѣсто между *Лукреція* и *Лейбница* (13) Я спрашивалъ, для чего былъ тамъ *Лейбницъ*? Мнѣ сказали что онъ былъ тамъ для того, что сочинилъ весьма хорошіе Латинскіе стихи, хотя онъ былъ метафизикъ и геометръ; и что *Критика*, сноситъ присудствіе его въ семъ мѣстѣ, единственно только для того, дабы симъ примѣромъ смягчить жестокій и грубый разумъ многихъ его собратій.

Между

(13) *Лейбницъ* родился въ Лейбцигѣ 23 Іюня 1646, а умеръ въ Гановерѣ 14 Ноября 1716 году: никакой ученый человѣкъ, не учинилъ толико чести Нѣмецкой землѣ. Онъ болѣе былъ свѣдущъ, и болѣе вездѣ извѣстенъ, нежели *Нептонъ*, хотя онъ и не былъ можетъ быть столь великій математикъ. Онъ присоединялъ къ глубокому знанію всѣхъ частей физики, великій вкусъ въ словесныхъ наукахъ, и сочинялъ Французскіе стихи. Онъ казался быть заблуждающимся въ метафизикѣ, но въ семъ случаѣ, поступалъ обще со всѣми тѣми, кои хотѣли издать особливые *системы*: впротчемъ онъ щастіемъ своимъ обязанъ своей славѣ, и получалъ большія пенсіи отъ Императоровъ *Германскаго* и *Россійскаго*, отъ Короля *Аглинскаго*, и отъ многихъ другихъ Государей.

Между тѣмъ *Критика*, обратясь къ любви достойному истолкователю философіи, сказала: я не буду тебѣ упрекать въ нѣкоихъ сочиненіяхъ, въ юности твоей писанныхъ, какъ дѣлаютъ тѣ завистные *Циники*; но поелику я есмь *Критика*, а ты находишся теперь у *Бога вкуса*, то вотъ что вѣщаю я тебѣ, какъ со стороны сего Бога, такъ со стороны публики, и отъ себя собственно; ибо въ теченій времени, мы всѣ трое, всегда между собою соглашаемся.

Твоя мудрая и усмѣхающаяся муза, должна бы не много меньше прилѣпляться къ художеству; не обезображивай его ложными красками, ибо его и собственный цвѣтъ довольно есть блистателенъ.

Чтожъ принадлежитъ до *Лукреція*, то онъ вдругъ покраснѣлъ, увидя своего непріятеля; но едва лишъ услышалъ его говорящаго, тотъ часъ его полюбилъ. Онъ бросился къ нему на встрѣчу, и говорилъ ему, весьма хорошими Латинскими стихами, которые здѣсь перевожу я весьма худо.

Сколь я былъ ослѣпленъ, когда думалъ видѣть самую природу: я шествовалъ во мракѣ, будучи водимъ *Епикуромъ*; я обожалъ яко Бога того гордаго смертнаго, который сражался съ небомъ, и боговъ свергалъ со престоловъ. Душа

каза-

казалася мнѣ не что иное, какъ слабая искра, которая въ смертную минуту на воздухѣ изчезаетъ. Ты меня побѣдилъ; и я уступая тебѣ, признаю, что душа безсмертна, равно какъ имя твое, мои писанїи и твои стихи также безсмертны.

Кардиналъ отвѣтствовалъ ему на сїе привѣтствїе, языкомъ *Лукрецїя*. Всѣ стихотворцы Латинскїе, находившїеся тамъ, почли его за древняго Римлянина, какъ по его виду, такъ и по слогу; но стихотворцы Французскїе, весьма досадовали, что сочиняли стихи на такомъ языкѣ, которымъ не говорятъ уже больше; и увѣряли: что, когда *Лукрецїй* родившїйся въ Римѣ, украшалъ *Епикура* на Латинскомъ языкѣ, то противникъ его родившїйся въ Парижѣ, долженъ бы съ нимъ сражаться на Французскомъ. Наконецъ послѣ многихъ таковыхъ прїятныхъ остановокъ, приближилися мы ко олтарю и подступили къ самому престолу *Бога вкуса*.

Я увидѣлъ тутъ сего *Бога*, котораго тщетно я призываю; сего прелестнаго Бога, который многимъ со всемъ не извѣстенъ, когда стараются учинить ему описанїе, и съ сумнѣнїемъ его обожаютъ; котораго *ла Фонтенъ* далъ почувствовать, а г. *Барду* еще и по нынѣ ищетъ.

Я видѣлъ его, рукою *Грацїй* украшеннаго. Сей Богъ всегда увѣнчанъ дїадемою, которую въ древнее время на Парнасѣ составилъ *Аполлонъ* изъ Лавра божественнаго *Марона*, изъ плюща и мирта *Горацїева*, и изъ розъ *Анакреоновыхъ*.

На челѣ эго царствуетъ премудрость; чувство и хитрость, блистаютъ нѣжно во очахъ его, видъ его живъ, преисполненъ разума, и онъ подобенъ тебѣ *Силвїя*; тебѣ, которую я не именую истиннымъ имянемъ, отъ страха, дабы не возбудить крика и шуму отъ многихъ красавицъ, коихъ, прелести твои, изсушили съ ревности.

Не далеко отъ него *Ролленъ* (14) задавалъ нѣкоторые уроки юношеству; и хотя онъ былъ человѣкъ штатскїй, однакожъ его всѣ слушали; сїя есть довольно рѣдкая вещь въ своемъ родѣ. По близости отъ сего мѣста, въ одномъ кабинетѣ, который

(14) *Карлъ Ролленъ*, древнїй ректоръ университета, и профессоръ Королевскїй; есть первый во всемъ училищѣ, который писалъ чисто на Французскомъ языкѣ, для обученїя юношества, и который возстановилъ ученїе Французскаго языка, столь нужное, однакожъ оставленное въ небреженїи въ школахъ. Его книга, *о пользѣ ученїя*, наполнена добрымъ вкусомъ, и здравая способность къ наученїю почти вездѣ въ ней видима. Его упрекаютъ только въ томъ, что входилъ онъ во всякїя мѣлкости. Однакожъ никогда не удалялся отъ хорошаго вкуса, кромѣ, какъ когда хотѣлъ употребить нѣкоторые шутки.

рый *Жирардонъ* и *Пюжетъ* (15) украсили своею рѣзбою, въ коемъ *Лепуссенъ* (16) хитро писалъ живопись. *Лебрюнъ* (17) съ надменностїю дѣлалъ рисунки, и *Лесюеръ* (18) сидѣлъ между ими. На

(15) *Жирардонъ*; придавалъ своимъ статуямъ болѣе прїятности, а *Пюжетъ* болѣе живности.

(16) *Лепуссенъ* родился въ *Анделисе* въ 1594 году, онъ не имѣлъ ни кого себѣ учителемъ, кромѣ природнаго своего разума и примѣра, нѣкоторыхъ картинъ Рафаеловой работы, кои по случаю въ руки ему попались. Желанїе видѣть изображенїе изящныя природы, въ древнихъ монументахъ, побудило его ѣхать въ Римъ; не взирая на дурные обстоятельства, въ коихъ чрезмѣрный недостатокъ препятствовалъ ему пуститься въ сїе путешествїе. Онъ здѣлалъ тамъ много наилучшихъ вещей своей работы, кои продавалъ не менѣе какъ по 7 таллеровъ, каждую штуку. Потомъ призванъ былъ во Францїю штатскимъ секретаремъ *Дескайеромъ*, и возстановилъ тамъ хорошїй вкусъ въ живописи; но будучи гонимъ своими завистниками, возвратился паки въ Римъ, гдѣ и умеръ съ большею славою, но съ не большимъ щастїемъ. Онъ весьма много употреблялъ краски во всѣхъ частяхъ своей живописи.

(17) *Лебрюнъ* ученикъ *Нуетонъ*, онъ ни въ чемъ не дѣлалъ погрѣшностей, кромѣ красокъ; сей живописецъ не имѣлъ толикаго вкуса при представленїи древности какъ *Пуссенъ* и *Рафаелъ*; однакожъ въ вымыслахъ не уступалъ ни мало *Рафаелу*, а живности являлось въ его живописи болѣе нежели въ *Пуссеновой*.

(18) *Евстафїи ле Сюеръ*, былъ весьма искусный живописецъ; хотя и не былъ онъ въ Италїи,

На нихъ всѣ взирали тамъ безъ роптанія, и *Богъ* вкуса обращалъ очи свои на черты вольною и надежною рукою ихъ веденныя; онъ удивляясь искуству ихъ, сожалѣлъ, что въ ихъ совершенной живописи, не смотря на прилагаемое ими старанie, недоставало краски, подражающей природѣ. При воззрѣнии его, играющie *Купидоны*, оживляли хитрые карандаши кистью, которую руки ихъ омочали въ блистающiя краски съ палитры *Рубенсовой* (19).

Сего то *Бога* призываетъ и почитаетъ всякая шайка комедiантовъ, представляющихъ на землѣ разныя свои роли; тѣ кои входятъ на каѳедру усыплять любезныхъ своихъ слушателей; и кои предаютъ сочинителей на громкое освистанie въ партерахъ.

Я весьма удивлялся, что не находилъ въ семъ святилищѣ, многихъ мужей, кои съ шесдесятъ, или съ восемдесятъ уже лѣтъ назадъ, почитались за наилучшихъ любимцевъ *Бога вкуса*. *Павильонъ*, *Бексерадъ*, *Пелиссонъ*, *Сег-*

Но все что онъ ни писалъ было наилучшаго вкуса; однакожъ и онъ также былъ еще недостаточенъ въ хорошихъ краскахъ.

Сiи три живописца суть главнѣйшie во Французскомъ училищѣ.

(19) *Рубенсъ* равенъ съ *Тицiеномъ* къ краскахъ; но далеко не дойдетъ до протчихъ Французскихъ живописцовъ въ совершенствѣ рисунковъ.

Сегресъ, (20) *Сент-Евремонъ*, *Балзакъ* и *Воатюръ*, какъ казалося мнѣ; не занимали тамъ первѣйшихъ мѣстъ. Они ихъ имѣли прежде, сказалъ мнѣ одинъ изъ моихъ водителей; то есть, что они славны были тогда, когда не достигли еще до наилучшаго совершенства въ словесныхъ наукахъ; но по томъ мало по малу, уступили мѣсто истинно великимъ мужамъ. И такъ нынѣ представляютъ уже они здѣсь нарочито посредственныхъ ученыхъ. И въ самомъ дѣлѣ; большая часть изъ нихъ, не болѣе имѣли, какъ разумъ сообразный ихъ времени, а не такой; которой бы могъ быть почтенъ превосходнымъ и отъ самыхъ позднѣйшихъ потомковъ.

Уже въ слабойъ ихъ писанiи многiя прiятности осталися помраченными; они еще и нынѣ почитаются между людьми разумными, однакожъ не вмѣщены въ число высокихъ разумовъ.

Сег-

(20) *Сегресъ*, весьма слабый стихотворецъ; Еклоговъ его совсемъ не читаютъ, хотя и выхвалялъ ихъ *Боало*; его *Енеида* писана *Шплелетопымъ* слогомъ. Есть его одна опера *Роланда* и *Ангелики*, подъ заглавiемъ *Любопь пременемъ исцѣленная*.

Заиди, Романъ чисто писанный, и всѣми со удовольствiемъ читанный; однакожъ не его сочиненiя.

Сегресъ хотѣлъ нѣкогда войтить въ сїе святилище, твердя сей стихъ *Деспроевъ*.

Колико *Сегресъ* въ Еклогѣ прельщаетъ рощи.

Но *Критика* къ его нещастїю, прочитавъ нѣсколько страницъ изъ его *Енеиды*, писанной французскими стихами, весьма грубо его назадъ отослала; а намѣсто его впустила госпожу *Де ла Фойетъ*, (21) которая выдала подъ имянемъ *Сегреса*, прекрасный Романъ *Заиду*, и *Принцессу Клевскую*.

Не прощаютъ *Пелиссону*, что между важною матерїею написалъ онъ столько шутокъ въ сочиненной имъ *исторїи Французской Академїи*, и что намѣсто забавныхъ словъ вмѣ-

I шалъ

(21) Вотъ что г. *Гюетъ* Епископъ Авраншскїй увѣдомляетъ на стр: 204 своихъ *Коммнтарїецъ*, изданныхъ въ Амстердамѣ. Госпожа *де ла Фойетъ* столь небрегла о славѣ, которую она заслужила, что сочиненную ею *Заиду* выпустила въ свѣтъ подъ именемъ *Сегреса*; и когда дѣлалъ я мои возраженїи противъ сей повѣсти, тогда нѣкоторые друзья *Сегресовы*, кои не знали точной справедливости, сожалѣли объ ономъ, почитая сїе оскорбленїемъ его памяти. Но что *Заида* сочинена не *Сегреесомъ*, тому я самъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ, и въ состоянїи то доказать многими письмами отъ госпожи *дела Фойетъ*, и настоящею рукописною тетратью *Заиды*, которую сочиняя, присылала она ко мнѣ листы изъ оной.

шалъ многія глупости. (22) Тихій, но слабый *Павильонъ* съ покорностію тамъ прибѣгаетъ къ госпожѣ *Дезгулїеръ*. Несравненный *Сент-Евремонтъ* (23) не дерзаетъ ни съ кѣмъ говорить стихами; *Балзакъ* отягчаетъ длинными и многоплодными своими рѣчами, а *Воатюръ* (24) и *Бензерадъ*, отвѣчаютъ ему острыми и шутливыми словами, отъ коихъ чрезъ минуту послѣ того, сами они отъ стыда

(22) Его *Академическая исторїя*, во многихъ мѣстахъ наполнена ничего незначущими бездѣлками, весьма слабо написанными; и читающїе сїю книгу безъ принужденїя очень удивляются, что сочинитель ея заслужилъ ею толикую славу; однакожъ въ то время съ сорокъ человѣкъ ея похваляли.

(23) Извѣстно сколь *Сент-Евремонтъ* дурной былъ стихотворецъ, комедїи же его сочинены еще хуже. Однакожъ въ свое время столько онъ былъ славенъ, что обѣщали ему 500 луизовъ, за то, что бы напечаталъ онъ свою комедїю *Сира политика*.

(24) *Воатюръ* изо всѣхъ знатныхъ писателей прошедшаго времени, наиболѣе былъ славенъ, но творенїи его весьма мало достойны были уваженїя, выключая только четырехъ или пяти малыхъ сочиненїй, писанныхъ стихами, и можетъ быть столько же писемъ. Объ немъ увѣряли, что онъ писалъ письма лутче, нежели *Плинїй*; однакожъ письма его гораздо лутче писемъ *Лепенсовыхъ* и *Бургонцовыхъ*.

да краснѣютъ. Я искалъ тамъ славнаго Графа *Бюссія*; но госпожа *Севигне*, которая отъ всѣхъ жителей *храма* была любима, мнѣ сказала: что ея любезный братъ, человѣкъ очень разумный, но весьма великій самохвалъ, никогда не могъ имѣть успѣху чтобъ подать о себѣ *Богу вкуса* таковое же доброе мнѣніе, каковое Графъ *Бюсси* имѣлъ о *Мессирѣ Рожерѣ Дерабютенѣ*.

Сей *Бюсси*, который самъ себя высоко почитаетъ чрезмѣрнымъ самолюбіемъ своимъ, бываетъ иногда скученъ; былъ изобличаемъ въ сихъ прекрасныхъ мѣстахъ, въ томъ, что съ надменностію самъ о себѣ говорилъ столь часто; но его сынъ, его любезный сынъ, *въ храмъ вкуса* всегда былъ впускаемъ; ибо онъ безъ лести и безъ злословія, со всегдашнею пріятностію, не помышляя о себѣ много, говоритъ столь же хорошо, сколько отецъ

 его

Но при семъ томъ многіе тогда сочиненіямъ его удивлялися, ибо произошелъ онъ на свѣтъ въ таковое время, въ которое начинали только люди выходить изъ невѣжества, и въ которое гонялися за разумомъ, не имѣя объ немъ ни малаго понятія Правда, что *Деспро* сравнивалъ его съ *Горацiемъ*; но *Деспро* былъ тогда очень еще молодъ, и потому охотно платилъ сію дань, славѣ *Воатюропой*, дабы противустать славѣ *Шапеленовой*, который почитался тогда, за остроумнѣйшаго во всей Европѣ.

его надменно думалЪ о своемЪ писанїи. По семЪ увидЪлЪ я пришедшаго вЪ *храмЪ*, блистательнаго Аббата *де Шолье*, который пЪлЪ, вышедЪ изЪ застола. ОнЪ дерзалЪ ласкать *Бога вкуса* сЪ откровеннымЪ и сЪ прїятнымЪ видомЪ. Его живое воображенїе распростирало вЪ прїятномЪ пьянствЪ его, изящность безЪ поправленїя, (25) которая, хотя и была нЪсколько противна благопристойности, однакожЪ одушевлялася страстїю. *ла ФаррЪ* (26) сЪ болшею нЪжностїю уклоняя свою лиру, напЪвалЪ подлЪ своей любовницы, безЪ всякой

(25) ВЪ стихотворенїи, Аббата *де Шолье* много есть противорЪчїй; нЪтЪ трехЪ пїесЪ изЪ его сочиненїй, кои бы правильно до самаго конца продолжались, однакожЪ красота чувства и воображенїя, по всЪмЪ мЪстамЪ распростирающїяся, заглаживаютЪ всЪ сїи погрЪшности. АббатЪ *де Шолье* умерЪ вЪ 1720 году, будучи близЪ 80 лЪтЪ отЪроду, сЪ великою еще бодростїю разума.

(26) МаркизЪ *де ла ФаррЪ*, сочинитель *наставленїй* изданныхЪ подЪ его имянемЪ, и нЪкоторыхЪ отрывковЪ стихотворенїя, кои тихость нрава его изЪявляютЪ, былЪ болЪе любви достойнымЪ гражданиномЪ, нежели любезнымЪ стихотворцемЪ; онЪ умерЪ вЪ 1718 году. Его стихотворенїи напечатаны присоединенными кЪ творенїю Аббата де *Шолье*, его искренняго друга; сЪ предисловїемЪ весьма пристрастнымЪ и наполненнымЪ многими погрЪшностями. ОнЪ былЪ толщины довольно примЪтной.

кой благопристойности, нѣкоторые стихи, къ коимъ утѣха и лѣность сего толстаго Селадона побуждала; а подлѣ ихъ проворный *Гамильтонъ* (27) всегда вооруженный уязвляющею стрѣлою, злословилъ весь родъ человѣческій.

Богъ вкуса весьма любилъ сихъ господъ, а особливо *де Лафарра*, который ни за что не досадовалъ, и совѣтовалъ другу своему *Шоле*, чтобъ онъ не щиталъ себя иначе, какъ первымъ изъ худыхъ стихотворцевъ, а не первымъ изъ наилутчихъ; такъ какъ сей Аббатъ тѣмъ льстилъ себя, отъ всего своего сердца.

Они вступали въ разговоры съ нѣкоторыми любвл достойнѣйшими мужами ихъ времяни; и сіи разговоры не имѣли въ себѣ ни притворнаго послѣдованія другимъ, чтобъ непрестанно ходить въ Рамбулетскій трактиръ, (28) ни раздора и мятежа, между нашими младыми безумцами случающагося.

 Тамъ

(27) Графъ *Антоній Гамильтонъ*, родился въ городѣ Каенѣ въ Нормандіи, онъ сочинялъ стихи наполненные жаромъ и неосмотрительнымъ легкомысліемъ, и былъ весьма склоненъ къ Сатирамъ.

(28) *Деспро* хаживалъ читать свои сочиненія въ Рамбулетскій трактиръ; тамъ находилъ онъ *Шапелена*, *Котена*, и другихъ нѣкоторыхъ, подобнаго вкуса, кои весьма худо его принимали.

Тамъ умѣютъ убѣгать равно и высокомѣрія, школьнаго вранья, и грубыхъ заключательныхъ рѣчей, и глупыхъ воспаленій сердца. Тамъ то съ пріятностію соединяютъ истинное знаніе съ забавными шутками, и жаръ словопрѣнія съ благопристойностію. Разумъ ихъ на сто способовъ обращается, и они умѣютъ бросать, отражать, и сносить уязвленіи стрѣлъ пріятныхъ насмѣшекъ; а остроумные и важные слова, чтобъ не здѣлаться скучными, превращаются у нихъ въ забавные и шутливые.

Тамо находился *Шапель*, котораго разумъ наиболѣе склоненъ къ невоздержной роскоши, нежели къ нѣжности; болѣе слѣдующій природному расположенію, нежели просвѣщенный науками; будучи легкимъ къ сложенію стиховъ, но не совершенъ въ слогѣ, и воленъ въ своихъ мысляхъ. Онъ говорилъ съ *Богомъ вкуса* всегда одними рифмами, и сказываютъ, что *Богъ* вѣщалъ ему нѣкогда такимъ образомъ:

Учреждай лучше страсть твою къ тѣмъ пышнымъ и надутымъ словамъ, кои у *Ришелета* весьма часто безъ вымысла употребляются, и съ лишкомъ много самыя бездѣлицы повторяются двойными рифмами.

Между сими разумными людьми, мы нашли нѣсколькихъ *Езуитовъ*. *Жансенистъ* безъ сумнѣ-

сумнѣнія скажетъ, что *Езуиты* всюды втѣсняются; но *Богъ вкуса* равно у себя принимаетъ и ихъ непріятелей. Весьма забавно видѣть въ семъ *храмѣ*, *Бурдалу* разговаривающаго съ *Паскалемъ* о великомъ искуствѣ соединять краснорѣчіе съ разсужденіемъ. *От*. . *Бугурсъ* стоялъ позади ихъ и замѣчалъ на таблицѣ всѣ погрѣшности въ языкѣ, и всѣ небреженіи и оплошности ими чинимыя.

Кардиналъ не могъ воздержаться, чтобъ не сказать отцу *Бургусу*:

Оставь сварливый порицатель, сіе глупое школьное рвеніе; будемъ здѣсь любить, даже и самыя погрѣшности мужественнаго и вольнаго ихъ краснорѣчія. Я желаю лучше заблуждать съ ними вмѣстѣ, нежели быть сумнительнымъ изобличителемъ, и вѣсить ихъ слова на вѣсахъ моихъ.

Сіе было однакожъ сказано съ наибольшею вѣжливостію, такъ что я того точно изъяснить не могу; но мы стихотворцы, часто бываемъ весьма неучтивы, при случаѣ выгоды и способности сложенія рифмъ.

Я не останавливался въ семъ *храмѣ*, при одномъ только разсмотрѣніи острыхъ разумовъ.

Плѣняющіе стихи, и исправная Проза! я не прилѣпляюсь къ однимъ только вамъ; ибо имѣть одинъ только вкусъ, очень маловажно; но васъ,

искуства и художества! я всѣхъ призываю. Музыка, танцы, архитектура, рѣзное искуство и живопись, коликое возбуждаете вы во мнѣ желанїе! Хитрые художества! вы собою утѣшаете, и изъ васъ нѣтъ ни одного, которое бы исключить было можно.

Я видѣлъ всѣхъ *Музъ*, по очереди приносящихъ къ жертвеннику *Бога вкуса*, *книги рисунки* и *планы* всякаго рода. На семъ жертвенникѣ виденъ былъ планъ прекраснаго *Луврскаго фасада*, которымъ не были одолжены *Ковалеру Бернену*, коего безполезно выписали во Францїю на великомъ иждивенїи; а онъ построенъ былъ *Перольтомъ* и *Лудовикомъ Лево*, великими но мало извѣстными художниками. Тамъ былъ также рисунокъ воротъ С. *Дениса*, которыхъ большая часть Парижскихъ жителей не болѣе знаютъ красоту, какъ и имя *Франциска Блонделя* приведшаго сїе великое зданїе ко окончанїю; тотъ удивительный *Фонтанъ*, (29) который столь мало удостоиваютъ вниманїя, и который украшенъ прекрасною рѣзбою *Іоанна Гуржона*. Церковные двери С. *Гервеса*, наилучшее искуство архитектуры, для которыхъ недостаетъ только церкви, мѣста и людей, кои бы

(29) Фонтанъ С. Инокентїя.

бы имъ удивлялись, и которыя должны бы были учинить безсмертнымъ имя *Дезбросса*, еще болѣе, нежели дворецъ *Люксенбургской*, который онъ же построилъ. Всѣ сiи монументы оставленные нами въ небреженiи, привлекаютъ часто на себя взоры *Бога вкуса*.

Потомъ показали намъ книгохранительницу сего удивленiя достойнаго *храма* которая очень была не многочисленна, и мы по справедливости не нашли тамъ:

Ни кучи любопытныхъ и вздорныхъ старыхъ рукописей, поврежденныхъ червями; ниже безполезнаго и рѣдкаго собранiя тѣхъ писателей, коихъ сочиненiй никогда не читаютъ; но *Музы* сами помѣстили тамъ по порядку, такихъ писателей, которыхъ сочиненiи всѣ читаютъ, и имѣютъ къ нимъ отмѣнное почтенiе; и коихъ высочайшее остроумiе не имѣетъ ни излишности ни недостатка въ просвѣщенiи.

Почти всѣ тамъ книги, исправлены и переписаны рукою самихъ *Музъ*. Между протчимъ видно тамъ творенiе *Рабеллесово*, по крайней мѣрѣ въ восьмую долю убавленное.

Маротъ, который вездѣ имѣлъ одинакiй слогъ, и пѣлъ всегда однимъ голосомъ и *псалмы Давидовы*, и *чудеса Аликсовы*, изъ писанiя своего не болѣе имѣлъ остатку, какъ 7, или 8 листовъ; а *Воатюра* и *Серазена*, изъ обѣихъ

сочиненій не больше, какъ 60 страницъ только оставалось.

Цѣлое сочиненіе *разсужденія Белева*, помѣщено было въ одномъ только томѣ, и то было по собственному его согласію; ибо сей разумный философъ, судя основательно о толикихъ авторахъ, и о столькихъ разлизныхъ сектахъ, часто говаривалъ, что онъ ни когда не сочинилъ бы больше одного тому въ листъ, ежели бы писалъ для одного только себя, а не для книгопродавцевъ.

Наконецъ пропустили насъ въ самую внутренность сего святилища, гдѣ всѣ таинства *Бога* были открыты. Тамо видѣлъ я то, что должно служить примѣромъ потомству. Не большое число истинно великихъ мужей, дѣлали тамъ то, чего бы никогда въ жизни своей они не учинили; они сами разсматривали и исправляли свои погрѣшности.

Любви достойный сочинитель *Телемака* убавлялъ лишніе повтореніи и безполезныя подробности въ сей нравоучительной своей повѣсти, и вычернивалъ въ заглавіи названіе *Епической поемы*, которою нѣкоторые ревностные и не скромные ее именовали; ибо

онъ

онъ искренно признавался, что *поема* не можетъ быть въ прозѣ.

И краснорѣчивый *Боссюэтъ*, хотѣлъ также вычернить нѣкоторыя откровенности, происходящія отъ его пространнаго, стремительнаго и легкаго разума, кои нѣсколько отнимаютъ пріятность и высокость слога у его *надгробныхъ рѣчей*; и весьма достойно есть примѣчанія, что онъ со всемъ тамъ не защищаетъ того, что говорилъ онъ, о мнимой премудрости древнихъ *Египтянъ*.

Великій и славный *Корнель*, который гораздо меньше нравился нашему слуху, нежели удивлялъ нашъ разумъ; сей *Корнель*, который помрачилъ душу *Августа*, *Цинны*, *Помпея* и *Корнелія*; (30) бросалъ въ огонь всю свою *Пулхерію*, *Ажезиласа* и *Сюрену*, онъ безъ сожалѣнія жертвовалъ всѣми сими нещастными чадами и слабыми плодами, въ старости лѣтъ его имъ произведенными, кои весьма были не достойны своихъ предшественниковъ.

Непорочнѣйшій, пріятнѣйшій, нѣжнѣйшій, глубоко въ сердца проницающій, безъ обмана насъ къ себѣ привлекающій, и никогда самъ себѣ не противорѣчущій *Рассинъ*, разсматривалъ изображенія *Баязета*, *Ксифареса*, *Британникуса*, и *Ипполита*; и

едга

(30) Такими точно словами самъ *Корнель*, въ *Епистолахъ* своихъ изъяснялся.

едва разпознавалъ самъ черты ихъ, ибо всѣ они имѣютъ равное достоинство. Они суть нѣжны, обходительны, тихи и скромны; любовь за стопами ихъ слѣдующая, почитаетъ ихъ за Французскихъ придворныхъ. А ты любимецъ природы, ты *ла Фонтенъ* прекрасный сочинитель! ты, который храбро слагаешъ рифмы и ихъ измѣряешъ; ты будучи столь безпеченъ въ своей одѣждѣ, чрезъ то болѣе еще являешъ въ себѣ прїятности; повѣдай намъ, какое есть твое мнѣнїе, о твоихъ несравненныхъ писанїяхъ, и просвѣти нашъ разумъ о сказкахъ твоихъ и басняхъ.

Сей *ла Фонтенъ*, сохраняя простосердечїе во всѣхъ поступкахъ своихъ, во *храмѣ вкуса* присоединялъ просвѣщенное чувство, къ той щастливой и отмѣнной природной своей склонности, въ жизни его возбуждающей; вычернивалъ совсемъ, нѣкоторые изъ своихъ *басенъ*, однакожъ весьма малое число. Онъ сокращалъ почти всѣ свои *сказки*, и изодралъ съ три четверти, того великаго собранїя по смерти его изданныхъ его творенїи, кои напечатаны тѣми издателями, которые имѣютъ свое пропитанїе, отъ глупыхъ сочиненїи, оставшихся послѣ умершихъ.

Тамо царствовалъ *Деспро*, первый ихъ наставникъ въ писательномъ искуствѣ; тотъ, который вооружалъ свой разсудокъ сатирическими стрѣлами,

ми, который подавалъ купно, и наставленїе и собою примѣръ, и установилъ строгїе Аполлоновы законы. Онъ взиралъ на чадъ своихъ суровымъ окомъ; и стыдился что былъ отцомъ печальному *двоесмыслїю*, (Equivoque) и самъ смѣялся недостаточнымъ чертамъ, изображеннымъ слабою но жестокою его кистїю, коею обезобразилъ онъ побѣдителя *Намюропа*. Онъ самъ ихъ вымарывалъ, и обратясь къ намъ говорилъ: *или умѣйте сами себя познавать, или остерегайтеся писать.*

Оный *Деспро* по особливому повелѣнїю *Бога вкуса* примирился съ *Кинольтомъ*, который есть стихотворецъ однихъ только прїятностей, а *Деспро* стихотворецъ съ здравымъ разсудкомъ.

Но строгїй *сатирикъ*, обнималъ еще съ бранью сего любви достойнаго и нѣжнаго *лирика*, который со смѣхомъ во всемъ ему прощалъ.

Я не примирюсь съ тобою, говорилъ ему *Деспро*, ежели ты не признаешся, что есть довольно глупостей, въ твоихъ прїятныхъ *операхъ*. Можетъ статся, говорилъ *Кинольтъ*, но признайся также и ты, что ты никогда не сочинялъ *Атиса* и *Армиды*.

Въ твоихъ сумнительныхъ изрядствахъ, продолжалъ онъ, будь ты справедливъ, исправенъ, и разсудителенъ, да будутъ сочиненїи твои отъ всѣхъ почитае-

читаемы, однакожъ мнѣ позволь по крайней мѣрѣ быть любви достойнымъ.

Поклонясь господину *Деспро* и обнявъ съ нѣжностію *Кинольта*, увидѣлъ я неподражаемаго *Моліера*, и осмѣлился ему сказать:

Краснорѣчивый но холодный *Терансъ*, былъ первый изъ переводчиковъ; а ты былъ также первый описатель нашихъ нравовъ, какъ во Франціи, такъ и во всей вселенной; наши глупомыслящіе мѣщане, наши гордые малые маркизы, и наши художники, чрезъ тебя пришли въ познаніе самихъ себя, и ты бы ихъ конечно исправилъ, ежели бы разумъ человѣческій, ко исправленію былъ преклоненъ.

Ахъ! говорилъ онъ, по что былъ я принужденъ писать иногда для народа! И для чего не былъ всегда властенъ въ провожденіи моего времяни! Я обрѣлъ бы къ писанію лучшія матеріи, и менѣе бы унизилъ мой разумъ до комедіантской низкости.

Такимъ-то образомъ, всѣ сіи ученые люди, показывали свое превосходство, признаваясь въ своихъ заблужденіяхъ; коимъ всѣ великіе люди, не выключая ни одного, бываютъ подвержены.

Я познавъ тогда, что *Бога вкуса* весьма трудно было удовольствовать, и что онъ не любитъ ничего не совершеннаго. Я увидѣлъ

что

что чемъ болѣе онъ какіе сочиненіи въ розницу критикуетъ, тѣмъ еще болѣе во обще они ему нравятся.

Никакой писатель, совѣтуя съ нимъ, не дѣлаетъ погрѣшностей, и когда кто нашелъ искуство ему понравиться, тотъ осуждаетъ его безъ досады, а похваляетъ съ восхищеніемъ. *Мелпомена*, блистая своими прелестями, представляла ему своихъ героевъ, и сей *Богъ* съ пролитіемъ слезъ, познавалъ ихъ нѣкоторыя погрѣшности. Нещастливъ тотъ, кто всегда, только что разсуждаетъ, а никогда не смягчается! О *Богъ вкуса*! твой божественный *храмъ*, для таковаго, такое есть жилищѣ, которому онъ никогда не можетъ быть прикосновененъ.

Когда путеводители мои назадъ возвратились, тогда *Богъ* говорилъ имъ почти въ таковомъ смыслѣ, ибо онъ не далъ мнѣ дарованія изъяснять точные слова его:

Прощайте, дражайшіе мои любимцы; вы будучи преисполнены благодѣяніями Парнасса, не терпите, что бы въ Парижѣ соперникъ мой занималъ мое мѣсто. Онъ вѣдаетъ, что предъ ваши просвѣщенные очи, *ложный вкусъ* не посмѣетъ показаться; и ежели вы когда его увидите то вамъ легко будетъ его познать; ибо онъ всегда бываетъ отягченъ многими украшеніями, прикрывая голосъ свой и лице притворными пріятностями.

Онъ

Онъ присвоиваетъ себѣ мое имя и мое знамя, однакожъ обманъ его довольно быть можетъ примѣтенъ; ибо онъ есть только *сынъ искуства*, а я *сынъ природы*.

XV.

ГОЛОСЪ ПРИХОДСКАГО ПОПА ВЪ СУДѢ.

за невольниковъ Мант-Журскихъ

Притѣсненныхъ монахами:

Членъ первый.

Въ день с. Лудовика, 1772 году, какъ вступилъ я въ правленіе моего прихода; многіе изъ моихъ прихожанъ, пришли ко мнѣ кучею и съ пролитіемъ слезъ требовали себѣ моей помощи. Я говорилъ имъ: что мой приходъ принадлежитъ монахамъ, кои даютъ мнѣ на содержаніе 400 франковъ, что называютъ они, не знаю по чему, довольнымъ пропитаніемъ; однакожъ и сіи 400 франковъ въ случаѣ нужды, я охотно раздѣлю съ моими друзьями; но ихъ стряпчій, выступя въ передъ, говорилъ мнѣ сими словами:

Мы сами готовы повергнуть къ ногамъ вашимъ оставшееся малое имѣніе, и

К тру-

трудами рукъ нашихъ, помогать вамъ въ вашихъ нуждахъ. Мы пришли сюда, просить вашей защиты, дабы освободили вы насъ отъ несправедливаго невольничества, подъ коимъ мы стонемъ, въ сихъ степяхъ, распаханныхъ нашими руками.

Какъ! что хотите вы сказать, мои дѣти! Какое невольничество? Развѣ есть невольники во Францїи?

Конечно, государь мой, продолжалъ стряпчїй; мы невольники тѣхъ самыхъ монаховъ, учинившихся нынѣ свѣтскими людьми, кои даютъ вамъ на содержанїе деньги, дабы тѣмъ лишить васъ доходу отъ вашего мѣста; и кои собираютъ плоды и отъ вашихъ трудовъ и отъ нашихъ. Сїи монахи здѣлавшись *Канониками*, учинилися надъ нами самовластными; мы ихъ невольники и имянуемся подданными ихъ рабами. Помогите намъ для имяни того Короля, который имѣлъ войну, единственно для того, что бы освободить отъ ига, невольниковъ Христїанскихъ, и котораго память мы нынѣ торжествуемъ.

Я спрашивалъ у нихъ, что значили сїи странные слова, *невольниковъ и подданныхъ рабовъ*? Напредъ сего, говорилъ онъ, наши начальники, будучи недовольными добычею,

похи-

похищаемою изъ нашихъ хижинъ, послѣ нашей смерти, повелѣвали вырывать изъ земли тѣла наши; тогда отрубали правую руку у мертвыхъ и приносили оную къ нимъ съ церемонїею, такъ какъ бы въ дополненїе того, чего не могли уже они похитить отъ нашей бѣдности, и яко страшный примѣръ, возвѣщающїй дѣтямъ, что бы никогда не касалися они до имѣнїя отцовъ своихъ, которое должно быть добычею монахамъ нашимъ обладателямъ.

Я содрогалъ отъ ужасу, а онъ продолжалъ:

Мы невольники, какъ въ имѣнїи, такъ и въ особахъ нашихъ. Ежели мы живемъ въ домѣ отцовъ и матерей нашихъ, и естьли имѣемъ съ женами нашими раздѣленные пожитки, тогда по смерти родителей нашихъ, все имѣнїе принадлежитъ монахамъ. Насъ выгоняютъ изъ отцовскаго жилища, и мы просимъ милостыню у воротъ того самого дома, въ которомъ мы родились. Не токмо что отказываютъ намъ въ сей милостыни, но начальники наши, имѣютъ право не платить ни за лѣкарство употребляемое для нашихъ родителей, ни за послѣднюю, при смерти, даваемую имъ пищу. И такъ во вре-

мя болѣзни нашей, ни одинъ купецъ не осмѣливается продать намъ въ долгъ простыню на нашу постелю, и ни одинъ мясникъ не дерзаетъ снабдѣвать насъ малымъ пропитаніемъ; аптекарь страшится давать намъ лѣкарство, которое могло бы подать намъ исцѣленіе отъ болѣзни и возвратить жизнь нашу; мы умираемъ оставленные отъ всѣхъ людей и ничего не сносимъ съ собою во гробъ кромѣ жалостнаго увѣренія, что оставимъ дѣтей своихъ въ нищетѣ и въ рабствѣ.

Ежели иностранецъ, не знающій сихъ обрядовъ, по нещастію проживетъ сверьхъ года одинъ только день въ сей варварской странѣ, тогда дѣлается и онъ равно съ нами, невольникомъ монахамъ. Хотя бы послѣ получилъ онъ великое имѣніе въ другомъ государствѣ, то и оно принадлежитъ также монахамъ; они его достаютъ и на самомъ концѣ вселенной, и сіе право, называется у нихъ *истецкимъ правомъ*.

Ежели они могутъ доказать, что дѣвка вышедшая замужъ, въ первую ночь своего брака, спала не въ домѣ отца своего, но въ домѣ у своего мужа, то послѣ сего, она не имѣетъ уже права на отцовское наслѣдство. Они выдаютъ противъ ее *увѣщательные письма*,

кои

кои всю страну сїю устрашаютъ, и часто сильно понуждаютъ робкихъ крестьянъ признавать, что новобрачная учинила великое злодѣянїе, когда первую ночь препроводила у своего супруга; тогда монахи во всемъ имѣнїи ея наслѣдствуютъ; хотя бы оное состояло въ 20, или во 100 тысячахъ, талеровъ, для нихъ все равно, ибо оно непремѣнно принадлежитъ имъ.

Мы вьючные скоты; ибо монахи отягчаютъ насъ во время жизни нашей, продаютъ нашу кожу, когда мы умремъ, и бросаютъ тѣла наши въ навозную яму.

Етому быть не возможно, любезные мои прихожане, вскричалъ я; не насмѣхайтеся надъ моею простотою; мы живемъ въ землѣ вольности; наши Короли и наши первосвященники давно уже истребили рабство; напрасно вы симъ поносите монаховъ, говоря яко бы они имѣютъ невольниковъ; на противъ того, мы имѣемъ въ нихъ отцовъ милосердїя, кои собираютъ милостыню, и преплываютъ моря, для искупленїя братїй нашихъ, которые заключены въ невольническихъ оковахъ, въ *Марокѣ*, въ *Тунисѣ* и у *Алжирцовъ*.

Такъ пусть, вскричалъ одинъ старикъ изъ сего собранія, пусть придутъ они сюда и для нашего искупленія.

Возможно ли сему статься! говорилъ я, чтобъ выдавали *увѣщательные письма*, для уличенія невольнической дѣвки, въ томъ, что спала она первую ночь брака, въ домѣ у своего мужа; симъ весьма много оскорбляется какъ законъ, такъ и порядокъ природы. *Увѣщательные письма* издаются для открытія токмо великихъ въ обществѣ злодѣяній и для изысканія злодѣевъ, подите, подите, я никакъ не могу вамъ повѣрить.

Едва окончилъ я сіи слова, какъ одна женщина называемая *Жанна Марія Мерметъ*, со слезами бросилася къ ногамъ моимъ. Увы! говорила она мнѣ, сіи добрые люди обо всемъ сказывали вамъ справедливо. Зборщикъ *Канониковъ* С. *Клавдія*, бывшій прежде *бенедиктинскаго ордена*, хотѣлъ лишить меня отцовскаго имѣнія, подъ предлогомъ, яко бы спала я въ домѣ у моего мужа первую ночь брака. Монашескій соборъ выходилъ противъ меня съ *увѣщательнымъ письмомъ*, и я доведена была до нищеты. Я зрѣла погибающихъ сихъ четырехъ младенцовъ, которыхъ я вамъ здѣсь представляю. Монахи выгнавшіе насъ

изъ

изъ нашего дому, отказали мнѣ и въ молокѣ, которое доставала я для послѣднерожденнаго моего младенца, и мы померли бы съ голоду, безъ помощи славнаго Адвоката *Кристена*, защитника утѣсненныхъ, и т. *де ла Пула* достойнаго его собрата, кои взяли меня подъ свое покровительство и изыскали недѣйствительность въ томъ бѣдственномъ *увѣщанiи*, обнародованномъ для похищенiя моего имѣнiя, равно какъ сказывали мнѣ, что таковое же обнародовано было въ Тулузѣ противъ *Калласовъ*. Безансонскiй парламентъ зжалился надъ моимъ злощастiемъ и надъ моею невинностiю; мои гонители осуждены были заплатить штрафъ, торжественнымъ и единодушнымъ опредѣленiемъ парламента, учиненнымъ 22 Iюня 1772 году.

Въ тожъ самое время, показывала она мнѣ, опредѣленiе безансонскаго парламента, которое она въ рукахъ своихъ держала. Удивленiе мое удвоилось; и тогда познаЛъ я по внутреннему моему чувству, что можно въ одно время быть пронзенну и печалiю и радостiю. Признаюсь что въ ту минуту проливалъ я слезы, прославляя парламентъ и всевышняго Бога, и обнималъ съ плачемъ любезныхъ моихъ прихожанъ, которые вмѣ-

стѣ со мною плакали. Я спрашивалъ у нихъ, за какое беззаконіе предки ихъ осуждены были на столь страшное рабство въ землѣ вольности? Но коль чрезмѣрны были, мое удивленіе, ужасъ, и прискорбіе, когда услышелъ я, что права, на коихъ монахи основывали свое насильное похищеніе, были по видимому издревле присвоены *подложниками* что довольно было одного только яснаго зрѣнія, дабы усмотрѣть сей подлогъ; и что не въ одной только сей странѣ, люди называемые *Венедиктинами*, *Бернарденами*, и *Премонтратами*, на предъ сего чинили подобные сему подложные злодѣяніи и измѣняли закону, для истребленія всѣхъ правъ природы.

Въ то время, нѣкій Адвокатъ, тотъ самый, который ходилъ въ судъ за сихъ нещастныхъ, и который спасъ бѣдную *Мермету* изъ кохтей грабленія, прибѣжавъ, далъ мнѣ одну разумную и нужную книгу и подъ заглавіемъ: *разсужденіе о Аббатствѣ с. Клавдія, его лѣтописи, обряды, приказные дѣла, насильное похищеніе, и права жителей сей земли.*

Отпустивъ моихъ прихожанъ, читалъ я съ прилѣжаніемъ сіе сочиненіе, которое всѣ наши судьи, и всѣ тѣ, кои любятъ истинну, безъ сумнѣнія читали съ пользою.

Я

Я былъ устрашенъ множествомъ подложныхъ доказательствъ и ужасною многочисленностію ложныхъ свидѣтельствъ, изысканныхъ ученымъ и благочестивымъ канцлеромъ *д' Агессо*, и прежде его *Лоноаемъ*, *Бальетомъ* и *Дюмуленомъ*.

Я узрѣлъ съ болѣзненнымъ чувствомъ оскорбленнаго благочестія, будучи таковыми баснями обманутъ, что всѣ узаконеніи Аббатства с. *Клавдія*, были не что иное, какъ куча наигнуснѣйшихъ обмановъ, вымышленныхъ, какъ говоритъ *Бальетъ*, во XII и въ XIII вѣкѣ. Я увидѣлъ, что и грамоты, императора *Карла великаго*, императора *Лудовика невидущаго*, который самъ себя нарицалъ *Королемъ Прованскимъ*, императора *Фридерика I*, императора *Карла IV*, и *Сигисмунда* его сына, были таковые же презрѣнія достойные подлоги, какъ и *позлащенное уложеніе*.

На сихъ то обманахъ, столь презрительныхъ въ глазахъ всѣхъ ученыхъ, и достойныхъ наказанія предъ очами правосудія, прежде сего монахи с. *Клавдія* основывали свои богатства, насильное похищеніе имѣнія, и рабство нещастнаго народа, надъ коимъ вышнее провидѣніе пастыремъ меня постановило.

Потомъ мучители сихъ нещастныхъ поселянъ, не перемѣнили узаконенїй своихъ предковъ, но сочинили еще подложный указъ отъ безансонскаго парламента, яко бы изданный 12 Декабря 1679 года, во время тяжбы между ихъ и г. *Боасеттомъ*, во утвержденїе сего самаго рабства. Они дерзнули не давно напечатать, будто бы оный судъ, рѣшенъ былъ въ ихъ пользу, а по суду имянно значитъ, что они были обвинены. Сей то самый судъ служитъ нынѣ къ новому ихъ изобличенїю. Они были подложниками во XII и суть нынѣ въ XVIII вѣкѣ, и безпрестанно облыгаютъ правосудїе (а).

По минутно переходя изъ удивленїя къ досадѣ, увидѣлъ я наконецъ, что весьма малое число монаховъ, не чувствительно получили успѣхъ, покорить въ рабство двенатцать тысячь со граждан ъ; двенатцать тысячь подданныхъ королевскихъ; и двенатцать тысячь человѣкъ нужныхъ государству, коимъ торжественно продавали они обладанїе надъ

(а) Смотри 115 и 117 страницы въ книгѣ подъ заглавїемъ; разсужденїе о учрежденїи Аббатства с. Клавдїя, его лѣтописи узаконенїи, и пр.

надъ тѣми самыми землями, въ которыхъ ихъ нынѣ, въ рабскомъ заключенiи содержатъ. Каждая строка изъ той книги наполняла меня ужасомъ и прискорбiемъ, и я весьма увѣренъ, что наши судiи, равно какъ и всѣ читатели при чтенiи сей книги, возымѣли бы подобные моимъ чувства.

Возможно ли! говорилъ я самъ въ себѣ, монахи продавали вольнымъ людямъ обширныя земли, которыя присвоили они себѣ подложно, и по томъ тѣхъ самыхъ людей учинили своими невольниками, употребляя во зло ихъ невѣжество, порабощая ихъ совѣсть и заставляя ихъ трепетать подъ игомъ *Инквизицiи*, въ то время, когда *Франшъ Конте* (графство Бургундское) толь неправильно названное (franche) *Франшъ* т. е. *вольнымъ*, принадлежало Гишпанiи? Ахъ лутче бы надлежало онымъ поселянамъ, покупающимъ сiи земли, налагать рабственные оковы на монаховъ. Симъ то не оспоримымъ обладателямъ принадлежало право имѣть у себя подданниковъ; ибо по справедливости, каждый монахъ долженъ быть невольникомъ, по существу своего состоянiя; по тому что онъ ничего собственнаго на землѣ не имѣетъ; его едное благо есть въ небѣ, а зем-

ля принадлежитъ тѣмъ, которые ее купили.

Членъ вторый

Востревоженному и возмущенному во глубинѣ души моея, мнилось мнѣ яко бы видѣлъ я самаго Іисуса Христа, послѣдуемаго нѣкоторыми изъ его апостоловъ. Наружный образъ его являлъ въ себѣ кротость и нищету, но при семъ томъ, питалъ онъ пять тысячь человѣкъ, въ пустынѣ нѣсколькими хлѣбами и рыбами. А въ другой пустынѣ представилося предо мною, нѣсколько монаховъ и ихъ Аббатъ, получающіе сто тысячь ливровъ годоваго доходу, которые вмѣсто прокормленія, 12 тысячь человѣкъ содержали въ оковахъ рабства.

Мнѣ казалось что Іисусъ въ одну минуту перенесся, хотя шелъ онъ и пешкомъ, изъ пустыни Генезаретской въ Аббатство с. *Клавдія*; тамо вопрошалъ онъ монаховъ: для чего были они такъ богаты, и по что содержали въ невольническихъ оковахъ 12 тысячь *Галловъ*? Одинъ изъ монаховъ (то былъ Келарь) ему отвѣчалъ: Господи! сіе для того, что мы ихъ учинили Христіанами; мы имъ отверзли небеса, и за то отняли у нихъ землю.

На сїи слова Іисусъ Христосъ возгласилъ: я не думалъ, чтобъ снисходилъ я на землю, претерпѣвалъ на ней нищету, сносилъ труды и голодъ, и поучалъ постоянно кротости и безмездїю, единственно для обогащенїя монаховъ со вредомъ человѣковъ.

Увы! Господи, сказалъ Келарь, послѣ тебя и первыхъ учениковъ твоихъ, всѣ вещи весьма перемѣнились; тогда церьковь была гонима, а нынѣ торжествующа; хотя то справедлнво, что торжествующїе въ ней, чинятся богатыми господами. Ты кажешся быть во удивленїи, что мы имѣемъ сто тысячь Ливровъ годоваго доходу и невольниковъ; но что бы ты сказалъ, когда бы узналъ, что есть здѣсь и такїе Аббатства, кои получаютъ въ двое и въ трое больше нашего доходу, не имѣя однако же лучшаго передъ нами на то права.

По сихъ словахъ, я вскричалъ: не уже ли не будетъ обузданїя на землѣ? И не уже ли всегда щастливый будетъ притѣснять нещастнаго? . . По семъ возгремѣлъ громъ, и видѣнїе изчезло.

Членъ третїй

Успокоившись послѣ сего страшнаго видѣнїя, началъ я съ наибольшимъ прилѣжанїемъ

емъ разсматривать сей славный судъ, двенатцати тысячь гражданъ съ дватцатью светскими монахами; я усмотрѣлъ, что сіи монахи не прежде были возведены на достоинство *Канониковъ*, какъ въ 1742 году, и что потомъ, многіе *Каноническіе* чины даваны были такимъ людямъ, которые не бывъ воспитаны въ монастырскомъ состояніи не могли имѣть въ себѣ ни той жестокости сердца, ни той алчности, ниже той потаенной ненависти къ роду человѣческому, кои обыкновенно въ монастыряхъ почерпаются.

Я пошелъ къ одному изъ таковыхъ господъ, по совѣтовавъ прежде о томъ съ моими прихожанами; и пришедъ къ нему говорилъ, что я могу доставить ему способъ, привести ко окончанію ихъ скучный судъ. Сеи честной господинъ, обнималъ меня дружески, и признавался мнѣ со слезами, что онъ всегда въ тайнѣ стеналъ, что принужденъ былъ производить сію тяжбу, которая имѣла, грабленіе вдовъ и сиротъ, единственнымъ своимъ предмѣтомъ. Я увѣренъ совершенно, говорилъ онъ мнѣ, что ежели есть на землѣ правосудіе, то мы непремѣнно въ судѣ обвинены будемъ. Я признаюсь также, что въ 1250 году *Іоаннъ де Шалонъ* обла-

обладатель сего округа, освободилЪ здѣшнихЪ поселянЪ отЪ всего подданства; что вЪ 1390 году *ВилгельмЪ де ла БомЪ*, АббатЪ *с. Клавдїя*, продавалЪ симЪ самымЪ поселянамЪ оставшїяся земли, надЪ которыми они суть законные обладатели; и что при концѣ XVI, и вЪ началѣ XVII вѣка, монахи *с. Клавдїя* насильно присвоили себѣ право самовластїя надЪ сими не смысленными и робкими хлѣбопашцами, не имѣя ни малѣйшаго на то права. Я вѣдаю, что таковое не правильное обладанїе ни кѣмЪ не можетЪ быть защищаемо, и что нѣтЪ ни какого упущенїя времяни, противЪ законовЪ самою природою установленныхЪ, и утвержденныхЪ справедливыми доказательствами.

Сїи монахи, на мѣстѣ которыхЪ я нахожусь нынѣ, не могутЪ сравняться сЪ тѣми законными владѣльцами другихЪ невольническихЪ округовЪ, кои напредЪ сего, отдавали земли свои хлѣбопашцамЪ, сЪ такимЪ условїемЪ, что ежели кто изЪ поселянЪ, умретЪ бездѣтенЪ, то чтобЪ земли его, паки возвращены были вЪ тотЪ домЪ, отЪ котораго оныя отданы; таковые владѣльцы были достойные почтенїя благодѣтели, а монахи, признаюсь, были не что

иное,

иное, какъ притѣснители. Тѣ владѣльцы имѣютъ на землѣ свои истинные и не оспоримые права, а монахи ни каковыхъ не имѣютъ. Монахи установили не чувствительно сїе невольничество, сказавъ при концѣ XVI. вѣка, глупымъ поселянамъ: „есели вы хотите сохранить себя отъ ереси, то будьте „нашими невольниками во имя божїе,; но нынѣшнїе поселяне учинившись просвѣщеннѣе имъ говорятъ: „нынѣ во имя божїе должны „мы быть вольными.

Я столь тронутъ былъ словами сего честнаго Каноника, что сжималъ его въ моихъ объятїяхъ съ нѣжностїю, которую возбуждала во мнѣ его добродѣтель. Я ему говорилъ: влїяйте въ душу вашихъ собратїй; ваши великодушные чувства. Ни вы, ни они не виновны въ сихъ подлогахъ, въ прошедшихъ вѣкахъ учиненныхъ. Надлежитъ, чтобъ человѣки дѣлалися справедливѣе, по мѣрѣ какъ дѣлаются въ наукахъ просвѣщеннѣе; отличите ваши добродѣтели отъ предательства и обмановъ, вашихъ предшественниковъ. Часто требуется одного только добродѣтельнаго мужа, для возвращенїя на истинный путь цѣлаго общества. Обратите къ добродѣтели вашихъ монаховъ; они отъ того возымѣютъ поль-

пользу, и избѣгнутъ той скучной тяжбы, которая ввергнетъ ихъ у всѣхъ въ ненависть, и причинитъ имъ явный стыдъ и презрѣнiе, хотя бы и въ ихъ пользу оный судъ рѣшился. Да примирятся они съ поселянами, и да оставятъ то ужасное право, налагать иго невольничества; столь не приличное священникамъ; да откажутся они отъ сего гибельнаго требованiя, для правъ истиннаго человѣколюбiя и ради прiумноженiя поземельныхъ податей, въ чемъ многiе уже владѣльцы примѣръ имъ показали.

Г. *Маркизъ де Шоазель ла Бомъ* освободилъ подданныхъ своихъ отъ всѣхъ податей; г. *де Вильфранконъ*, совѣтникъ парламента, г. Адвокатъ *де Варре*, и нѣкоторые другiе, коихъ имяна я вамъ представлю, оказали таковое же великодушiе; и главные откупщики, будучи тронуты сими добродѣтельными поступками, то же съ своей стороны учинили; они отказалися отъ многихъ принадлежащихъ имъ зборовъ, составляющихъ наизнатнѣйшую сумму. Чтожъ изъ того произошло? Они всѣ отъ онаго возъимѣли пользу. Ихъ доброе дѣло было вознаграждено, хотя и не ожидали они никакого награжденiя; ибо вольныя руки

лутче обработывали поля ихъ; поземельныя деньги съ наибольшимъ прибыткомъ умножались; продажа хлѣбу учинилася многочисленнѣе, а обращенiе въ деньгахъ изобильнѣе; и такъ сладостная жизнь водворилася въ тѣ жилища, въ коихъ обитала прежде унылая мертвенность.

Что я говорю! Король Сардинскiй, учинилъ свободными всѣхъ невольниковъ Савойскихъ, и сiя самая *Савоiя*, которой единое имя, въ разсужденiи ея нищеты, прежде въ пословицу употреблялось, здѣлалася послѣ того наицвѣтущею.

Представте сiи великiе примѣры вашимъ собратiямъ; обогатите ихъ собственнымъ же ихъ великодушiемъ. Предложите болѣе всего ихъ стряпчему, сiе честное установленiе; онъ вѣдаетъ, сколь дурное право имѣютъ они къ своему защищенiю, и стряпчiе иногда имѣютъ благородные мысли; для нихъ достопочтеннѣе быть посредниками истинны, нежели защищать тяжбу не справедливую.

Каноникъ будучи возхищенъ моимъ предложенiемъ, побѣжалъ поспѣшно къ своимъ собратiямъ. Тѣ кои были не монахи, слушали его со умягченными сердцами, а монахи

хи съ досадою слушать его отказались, и онъ возвратился ко мнѣ со стенаніемъ. Ахъ! говорилъ онъ мнѣ, есть одно только въ свѣтѣ не укротимое и не преклонное чувство, и оное находится въ монахахъ.

И такъ непремѣнно должно производить тяжбу! Надобно, чтобъ сіи монахи, вмѣсто того, чтобъ другихъ наставлять въ добродѣтели, сами чинили соблазнъ; и надлежитъ, чтобъ въ судебныхъ мѣстахъ безпрестанно гремѣли суды монаховъ! Но какой же есть сей судъ? Съ одной стороны, видны три тысячи полезныхъ семей, составляющихъ по крайней мѣрѣ двенатцать тысячъ душъ, просящихъ со слезами, держа права свои въ рукахъ, о возвращеніи имъ вольности, за которую они деньги заплатили; о обладаніи ихъ степей и ихъ логовищъ, которые имъ также были проданы, во увѣреніе чего предлагали они данныя имъ росписки, и наконецъ о тѣхъ правахъ, кои не могутъ быть опровержены, во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ въ свѣтѣ.

Съ другой же стороны, представляются дватцать человѣкъ, со всемъ безполезныхъ, которые въ свое доказательство, ничего болѣе не говорятъ, какъ только то, что сіи

три тысячи семей, суть наши невольники, по тому что, напредъ сего въ горахъ сихъ, имѣли мы *подложниковъ*, худоискусныхъ и не справедливыхъ.

И такъ, ежели нашъ законъ, который съ начала не признавалъ со всѣмъ монаховъ, и который при первомъ ихъ постановленіи, запретилъ имъ имѣть на землѣ всякое стяжаніе, предписавъ имъ правила, христіанской любви и неимущества: ежели сей законъ, который во время жизни нашей, вопіетъ къ небу за обиженныхъ и утѣсненныхъ, молчитъ нынѣ въ горахъ и въ пучинахъ Мант-журскихъ, то, о истинна святая! о ты сестра сего закона! даждь услышать твой высочайшій гласъ, и возстанови твои священнѣйшіе уставы, когда Евангеліе забыто, и когда природа въ ногахъ попранна!

XVI.

Путешествiи Скарментадовы

самимъ имъ писанные

Я родился въ 1600 году, въ городѣ Кандiи, гдѣ отецъ мой былъ Губернаторомъ; и помню, какъ одинъ посредственный стихотворецъ, который былъ не посредственно грубъ, имянемъ *Иро*, сочинилъ самые негодные стихи въ мою похвалу, въ которыхъ производилъ мой родъ по прямой линiи отъ *Миноса*; но когда отецъ мой здѣлался нещастливъ, тогда сочинилъ онъ другiе стихи, въ коихъ происхожденiе мое не болѣе производилось какъ отъ *Пизифаи* и отъ ея любовника; сей *Иро* былъ весьма злобный человѣкъ, и во всемъ островѣ наидосаднѣйшiй плутъ.

Въ пятнатцать лѣтъ отъ моего рожденiя, отецъ мой послалъ меня обучаться въ Римъ. Я прiѣхалъ туда, въ надеждѣ научиться всѣмъ справедливостямъ, ибо до того времяни научали меня со всемъ тому противному, слѣдуя обычаю сей нижней части свѣта, отъ самаго Китая даже до горъ Ал-

пійскихъ. Господинъ *Профондо*, которому я былъ порученъ, былъ человѣкъ весьма чудный, и самый ужаснѣйшій мудрецъ во всемъ свѣтѣ. Онъ хотѣлъ меня обучать правиламъ *Аристотелевымъ*, и былъ намѣренъ помѣстить въ число своихъ любимцевъ; однакожъ по щастію я отъ того избавился. Я видѣлъ церемоніальные ходы, бѣсовскіе заклинаніи и нѣкоторые грабленіи; говорили, однакожъ весьма ложно, будто бы госпожа *Олимпіа*, наиразумнѣйшая особа, продавала много такихъ вещей, которыхъ продавать было не должно. Я былъ тогда въ такихъ лѣтахъ, въ коихъ все сіе казалося мнѣ очень забавнымъ. Одна молодая госпожа, весьма тихаго нрава, имянемъ *Фатело*, возиамѣрилась меня полюбить; она была въ милости у преподобнаго отца *Поагнардинія*, и у честнаго отца *Аконцтія*, кои были монахи того ордена, котораго нынѣ уже нѣтъ больше. Она оказавъ мнѣ свои благосклонности, произвела тѣмъ между ими по прежнему доброе согласіе; однакожъ въ тожъ самое время, я подверженъ былъ опасности быть отрѣщеннымъ отъ церькви, и отравленнымъ ядомъ; и такъ избѣгая сего, я оттудова уѣхалъ, весьма будучи доволенъ архитектурою церькви с. *Петра*.

Я

Я поѣхалъ во Францїю, въ то время, когда *Лудовикъ* названный *Справедливымъ*, тамъ царствовалъ. Первѣе всего меня спросили: хочу ли я при моемъ завтрикѣ съѣсть маленькой кусокъ тѣла Маршала *д' Анкра*, коего подлый народъ изжарилъ и продавалъ за весьма дешевую цѣну, тѣмъ кто захочетъ его покушать.

Сїе государство безпрестанно подвержено было междуусобїямъ, иногда за мѣсто въ совѣтѣ, а иногда за двѣ страницы какого спорнаго сочиненїя; и уже близъ шестидесяти лѣтъ, сей огонь, то горящїй скрытно, то сильно раздаваемый, всю сїю прекрасную страну приводилъ во опустошенїе. Таковы то были вольности Французской церькви. Увы! говорилъ я самъ себѣ, Французы по природѣ тихи и снисходительны; кто же моiъ затмить сїю природную ихъ склонность? Они шутливы и веселы, а такъ безчеловѣчно празднуютъ день *с. Варѳоломея*! Щастливо будетъ то время, въ которое они, толькочто будутъ шутить и насмѣхаться?

Оттудова проѣхалъ я въ Англїю; тамо таковыя же ссоры возбуждали тѣ же самыя жестокости. Набожные Католики вознамѣрились для пользы церькви, подорвать

 поро-

порохомъ Короля, Королевскую фамилїю, и весь парламентъ, дабы отъ сихъ еретиковъ избавить Англїю. Мнѣ показывали мѣсто, гдѣ блаженной памяти Королева *Марїя*, дочь *Генриха* VIII приказала сжечь болѣе пяти сотъ своихъ подданныхъ. Одинъ Ирландскїй священникъ увѣрялъ меня, что сїе здѣлано было самое похвальное дѣло; во перьвыхъ по тому, что тѣ, которыхъ сожгли, были Агличане, а во вторыхъ, что они не кропилися никогда святою водою и не вѣровали въ с. *Патрицїя*. Онъ очень удивлялся что Королева *Марїя* не была еще помѣщена въ число праведныхъ, однакожъ надѣялся, что она вскорѣ помѣщена будетъ, какъ скоро Кардиналъ племянникъ ея удосужится.

По томъ поѣхалъ я въ Голландїю, гдѣ уповалъ найтить болѣе тишины и спокойствїя у сего мокротнаго народа. Я прїѣхалъ въ *Гагу* въ самое то время, когда рубили голову одному почтенному старику; то была плешивая голова перьваго министра *Барнвельта*, который великїе оказалъ республикѣ услуги. Пришедши въ жалость отъ сего позорища, я спрашивалъ: какая была его вина? Не измѣнилъ ли онъ государству? Онъ сдѣлалъ еще того хуже, отвѣтствовалъ мнѣ преди-

предикантъ, покрытый черною епанчею; сей человѣкъ думаетъ, будто можно спастись равно какъ добрыми дѣлами, такъ и вѣрою. Вы сами можете почувствовать, продолжалъ онъ, что ежели таковыя мысли между нами вкоренятся, то республика не можетъ простоять долго, и что по томъ, должно будетъ употребить строгїе законы, дабы прекратить столь соблазнительные заблужденїи. Послѣ сего одинъ Голландскїй политикъ, говорилъ мнѣ воздыхая: Ахъ! государь мой, сїе блаженное время не всегда будетъ продолжаться; нашъ народъ бываетъ ревностенъ только по случаю, а по природѣ склоненъ онъ къ гнусному правилу о дозволенїи свободнаго отправленїя всякой вѣры; наступитъ когда нибудь тотъ день, въ который чрезъ сїе совершится наша погибель, я трепещу о семъ воспоминая. Чтожъ принадлежитъ до меня, то я прежде нежели отъ таковой умѣренности и потворства, наступитъ когда либо сїе бѣдственное время, оставилъ поспѣшно такую землю, въ которой строгость не была умягчаема ни какимъ снисхожденїемъ, и отправился моремъ въ Гишпанїю.

Гишпанскїй дворъ былъ тогда въ *Севилїи*, когда военные корабли нагруженные зо-

лотомъ и серебромъ туда приѣхали, и такъ по всюду видно было изобилїе и радость, въ наипрекраснѣйшее годовое время. На концѣ прекрасной аллеи, усажденной померанцовыми и лимонными деревами, усмотрѣлъ я нѣкоторый родъ Амвона, окруженный ступенями покрытыми богатыми парчами. Король и королева, принцы и принцесы, сидѣли подъ великолѣпнымъ балдахиномъ; и на противъ сей свѣтлѣйшей фамилїи, поставленъ былъ другой богатѣе и возвышеннѣе того тронъ; я сказалъ одному изъ путешествующихъ со мною товарищей, что ежели сей тронъ поставленъ не для Бога, то я не знаю на что другое оный употребленъ быть можетъ. Я думалъ что намъ представятъ или карусель, или бой буйволовъ, однако вмѣсто того увидѣли мы, взошедшаго на сей тронъ великаго *Инквизитора*, который оттудова осѣнялъ какъ Короля такъ и народъ.

Послѣ того шло великое множество монаховъ, по два въ рядъ; на иныхъ было платье бѣлое, а на другихъ черное и сѣрое; иные были обуты, другїе босикомъ, иные съ бородами, иные безъ бородъ, иные въ вострококечныхъ монашескихъ нахлабучкахъ, а

другїе

другїе безъ нахлабучекъ; по томъ шествовалъ палачь, а за нимъ по среди *Алгвазиловъ* и знатныхъ *инквизиции* вельможъ, шло около сорока нещастныхъ, покрытыхъ мѣшками, на коихъ намалеваны были дїаволы и огненные пламены; изъ сихъ нещастныхъ, нѣкоторые были жиды, которые не хотѣли отрещись отъ Моисеева закону, а протчїе были Христїане, которые или женаты были на кумахъ, или не молилися *Атохской* богородицѣ, или не хотѣли подѣлиться своими деньгами съ братїями *С. Іеронима.* При сей церемонїи съ набожностїю пѣли нѣкоторые стихи, и потомъ сожгли въ маломъ огнѣ всѣхъ сихъ нещастныхъ преступниковъ, что казалося къ великому служило подкрѣпленїю всей Королевской фамилїи.

Въ тотъ же самый вечеръ, какъ хотѣлъ я ложиться спать, пришли ко мнѣ двое посланныхъ отъ *Инквизицїй*, съ приставами святаго *Германскаго* суда: они обняли меня дружески и повели не говоря ни одного слова въ весьма прохладную тюрьму, въ которой стояло Господне распятїе и вмѣсто постели цѣновка. Я пробылъ тамъ шесть недѣль, по прошествїи коихъ, преподобный отецъ *Инквизиторъ* прислалъ меня просить, чтобъ я пришелъ

шелъ съ нимъ поговорить; я исполнилъ его требованіе, онъ принялъ меня очень учтиво, и подержавъ нѣсколько времяни съ отеческою ласкою въ своихъ объятіяхъ, мнѣ сказалъ: что онъ искренне досадуетъ, что я былъ въ такомъ худомъ жилищѣ; но какъ сіе было по той причинѣ, что всѣ покои въ томъ домѣ были заняты, то надѣется, что впредь я буду жить тамъ гораздо спокойнѣе. Потомъ дружееки меня спросилъ: знаю ли я, за что я былъ посаженъ въ тюрму? Я отвѣтствовалъ сему честному отцу, что то конечно было за мои грѣхи? Да за какіе же грѣхи, сказалъ онъ, говори со мною искреннѣе. Я сколько ни домышлялся, однакожъ никакъ не могъ вспомнить, какое было мое преступленіе; но онъ милостиво мнѣ о томъ припомнилъ.

Я признался въ моихъ нескромныхъ словахъ, и былъ освобожденъ, получа строгое наставленіе, и заплатя тритцать тысячь реаловъ штрафу. Послѣ сего водили меня на поклонъ къ великому *Инквизитору*; онъ будучи человѣкъ довольно учтивый, спрашивалъ меня какъ мнѣ малое празднество ихъ показалось? И я ему отвѣтствовалъ, что оно было очень прекрасно. Пришедъ отъ него

понуж-

понуждалъ я моихъ товарищей, оставить скорѣе сїю прелестную землю. Они довольно имѣли времяни, между тѣмъ какъ я сидѣлъ въ тюрьмѣ, узнать о многихъ важныхъ дѣлахъ, учиненныхъ Гишпанцами, касательно до вѣры. Они читали сочиненїе славнаго Епископа Шїапскаго, въ которомъ означено, что десять миллїоновъ невѣрныхъ въ Америкѣ, было, или задавлено, или сожжено, или потоплено, для обращенїя въ Христїанскую вѣру. Я думалъ, что сей Епископъ, число можетъ быть увеличилъ; но когда бы сїя жертва простиралась и до пяти только миллїоновъ, то и то бы было довольно удивительно.

Отъ сего нещастнаго приключенїя, желанїе къ путешествїю во мнѣ не истребилось; я захотѣлъ еще побывать въ Турецїи, и такъ мы туда отправились. Я твердое принялъ намѣренїе не разсуждать никогда ничего о праздникахъ, которые я увижу. Турки говорилъ я моимъ товарищамъ, есть народъ некрещеный, слѣдственно они должны быть еще жесточае, нежели честные отцы *Инквизиторы*. И такъ для сего, будемъ всегда молчать между Магометанцами.

Прибывъ въ Константинополь, я чрезвычайно удивился, увидя тамъ болѣе Христїанскихъ

акскихъ церьквей, нежели въ Кандіи; такъ же видѣлъ я можество монаховъ, которымъ дозволено было свободно молиться по своему закону, и проклинать Магомеда, инымъ на Греческомъ языкѣ, инымъ на Латинскомъ, а другимъ на Армянскомъ. Сколь благоразумны Турки! вскричалъ я, они терпятъ у себя всякіе вѣры, а Греческіе и Римскіе Христіане, на противъ того, въ Константинополѣ суть не примиримые между собою непріятели; они сами будучи невольниками, другъ друга гнали и притѣсняли; они такъ какъ собаки, грызущіися по улицамъ, которыхъ надобно бить палками, дабы прекратить между ими ссору: Великій *Визирь* защищалъ тогда Грековъ, Греческій Патріархъ донесъ ему на меня, что я ужиналъ у перьвосвященника Римскаго, за что въ присудствіи полнаго Дивана, осужденъ я былъ претерпѣть сто ударовъ по пятамъ тростью, или естьли захочу, то могу отъ сего откупиться пятью стами чекиновъ. На другой послѣ того день, великій *Визирь* былъ удавленъ, и чрезъ сутки на мѣсто его пожалованный другій *Визирь*, державъ сторону Римлянъ, и котораго уже мѣсяцъ послѣ того спустя удавили, осудилъ меня на то же самое наказаніе,

казаніе, за то что ужиналъ я у Патріарха Греческаго. И такъ по причинѣ сихъ нещастнѣйшихъ приключеній, я поневолѣ былъ принужденъ не ходить ни въ Греческую ни въ Римскую церькви. Для утѣшенія себя послѣ сего нещастія, взялъ я къ себѣ любовницу прекрасную Турчанку, которая была весьма нѣжна и ласкова на единѣ въ любовномъ обхожденіи, и чрезвычайно набожна въ мечетѣ; въ одну ночь, во время жаркаго любовнаго восторгу, обнявъ меня крѣпко, она вскричала: *Алла, Алла, Алла,* сіи слова суть священные у Турковъ; но я подумавъ, что они горячую любовь изъявляли, закричалъ самъ также съ великою нѣжностію: *Алла, Алла, Алла.* Ахъ! сказала она, слава милосердому Богу, ты Турокъ! Я ей отвѣчалъ, что благодарю небу, что оно подало мнѣ силу Турка, доказать ей знаки моей горячности, и почитаю себя тѣмъ щастливымъ. По утру Турецкій *Иманъ* пришелъ меня обрѣзать, но какъ я нѣсколько въ томъ попротивился, то *Кадій* нашей части города, будучи человѣкъ довольно усердный къ вѣрѣ, предложилъ мнѣ весьма учтиво, что онъ вознамѣрился меня живаго посадить на колъ; по щастію я спасся отъ обрѣзанія и отъ кола, заплатою тысячи чекиновъ, и поспѣшно

спѣшно послѣ того уѣхалъ въ Персїю, вознамѣрясь не ходить никогда въ Турецїи ни въ Греческїя ни въ Римскїя церкви, и не кричать *Алла, Алла, Алла*, при любовномъ свиданїи.

По прїѣздѣ моемъ въ Испаганъ, меня спросили, чернаго ли я держусь барана, или бѣлаго? Я отвѣтствовалъ, что для меня все было равно, лишь бы только онъ былъ мякокъ. Надобно знать, что тогда Персїане раздѣлены были на двѣ разныя партїи, и спорили между собою о почтенїи бѣлаго и чернаго барана. Изъ моего отвѣта подумали, что я насмѣхаюсь обѣимъ партїамъ, и такъ потому при самомъ вступленїи моемъ въ городъ, я уже находился въ великой опасности; мнѣ и тутъ стоило великаго числа чекиновъ, дабы освободиться отъ изслѣдованїя о баранахъ.

Оттудова поѣхалъ я въ Китайскую имперїю, съ однимъ переводчикомъ, который меня увѣрялъ, что въ сей землѣ всѣ жили весело и свободно; Татары учинилися тамъ обладателями, предавши все огню и кровопролитїю; и честные отцы *Езуиты* съ одной стороны, а честные отцы *Доминиканцы* съ другой, говорили, что всѣхъ души, безъ всякаго труда, обращали они къ Богу. Никогда не видано было столь ревностныхъ обращателей.

телей, ибо они по очереди другъ друга гнали и притѣсняли. Они сочиняли въ Римѣ книги, наполненныя ругательствомъ и клеветою; болѣе же всего, была между ими ужасная ссора о томъ, какимъ образомъ надлежитъ дѣлать поклоны: *Езуиты* хотѣли, чтобъ Китайцы кланялись отцамъ и матерямъ своимъ по обычаю Китайскому, а *Доминиканцы* требовали, чтобъ они кланялись по обыкновенію Римскому. По нещастію *Езуиты* почли меня *Доминиканцемъ*, и донесли Его Татарскому Величеству, что я шпіонъ присланный отъ Папы. Вышній совѣтъ повелелъ одному перьвому *Мандарину*, а онъ приказалъ *сержанту* а *сержантъ* велѣлъ четыремъ Китайскимъ солдатамъ, меня задержать и связать съ церемоніею; по учиненіи ста сорока колѣнопреклоненій, приведенъ я былъ предъ Его Величество. Онъ у меня спрашивалъ: точно ли я шпіонъ Папскій, и правда ли то, что сей владѣтель хотѣлъ притти самъ своею особою свергнуть его со престола? Я ему отвѣчалъ, что Папа есть священная особа имѣющая семдесятъ лѣтъ отъ роду; что онъ живетъ за сорокъ тысячь миль отъ его Татаро-Китайскаго Величества, что у него находится около двухъ тысячь

солдатъ, которые вокругъ дворца его стоятъ на часахъ съ зонтикомъ, что онъ никого съ престола не свергаетъ, и что Его Величество можетъ почивать спокойно безъ всякаго опасенія, сіе приключеніе однакожъ всѣхъ менѣе было для меня бѣдственно, ибо отослали только меня въ Макао, откудова отправился я моремъ въ Европу.

Корабль, на которомъ я ѣхалъ, останавливался для починки близъ Голконды; въ сіе время я захотѣлъ видѣть дворъ великаго *Оренгзеба*, о которомъ во всемъ свѣтѣ великіе чудеса говорили; онъ былъ тогда въ Деліи, и я имѣлъ удовольствіе его увидѣть въ день великолѣпной церемоніи, съ которою принималъ онъ небесный подарокъ присланный къ нему отъ мекскаго *Шерифа*; подарокъ сей состоялъ въ вѣникѣ, коимъ вымѣтали святый храмъ въ Меккѣ, называемый *Коаба бетъ Алла*; онъ почитается у нихъ за знакъ божественнаго вѣника, очищающаго всѣ скверности душевныя. *Оренгзебъ*, казалося, не имѣлъ въ семъ вѣникѣ никакой нужды, понеже онъ былъ человѣкъ самый благочестивый, между всѣми Индустанцами; хотя то правда, что онъ удавилъ своихъ братьевъ, отравилъ ядомъ своего отца, и съ двацать

Ранасовъ, и столько же *Опрасовъ*, жестоко отъ него замучены; однакожъ объ ономъ никто не упоминалъ ни слова, а говорили только о его набожности. Его ни съ кемъ не сравнивали, какъ съ его священнѣйшимъ Величествомъ свѣтлѣйшимъ Императоромъ Марокскимъ, *Мулѣемъ Измаиломъ*, который каждую пятницу рубилъ головы, послѣ молитвы.

Тутъ не сказалъ я ни одного слова, ибо путешествіи довольно уже меня научили; я чувствовалъ что мнѣ не довлѣетъ быть судіею, между столь великими государями. Одинъ молодой Французъ, который жилъ со мною вмѣстѣ, преступилъ, (я самъ въ томъ признаюсь) почтеніе къ Императорамъ *Индѣйскому* и *Марокскому*; онъ дерзнулъ съ наглою нескромностію сказать: что въ Европѣ государи весьма благочестивы и милосердо управляютъ своими государствами; они ходятъ также и въ церкви, однакожъ никогда не убиваютъ своихъ отцовъ и братьевъ и не рубятъ по напрасну головы своимъ подданнымъ. Сіи нечестивыя рѣчи переводчикъ нашъ перевелъ на Индустанскій языкъ; но я увѣдомившись о семъ нечаянно, приказалъ поспѣшно навьючить моихъ верблюдовъ, и вмѣстѣ

съ симъ Французомъ оттудова уѣхалъ. Послѣ того я услышелъ, что въ ту же самую ночь какъ мы уѣхали, посланные отъ *Оренгъ Зеба*, приходили взять насъ подъ караулъ, но какъ въ домѣ нашли одного только переводчика, то онъ былъ взятъ и на площади казненъ; всѣ придворные не лестно признавались, что смерть его была весьма справедлива.

Послѣ сего оставалося мнѣ только видѣть Африку, дабы послѣ возвратясь въ свое отечество наслаждаться тамъ сладостнѣйшею и прiятнѣйшею жизнiю; и въ самомъ дѣлѣ я ее видѣлъ, ибо корабль, на которомъ я ѣхалъ, полоненъ былъ Арапами морскими разбойниками. Нашъ шкиперъ приносилъ имъ свои жалобы, и спрашивалъ у нихъ о причинѣ, для чего они столь нагло нарушаютъ народные права? Арапскiй капитанъ ему отвѣчалъ: у васъ носъ долгой, а у насъ плоской; у васъ волосы прямые, а у насъ курчеватые; вы бѣлы, а мы черны; и такъ потому, слѣдуя священнѣйшимъ законамъ естества, мы должны быть всегда не примиримыми врагами. Вы покупаете насъ на ярманкахъ у бреговъ Гвинейскихъ, такъ какъ вьючныхъ скотовъ, потомъ заставляете насъ работать

ботать не знаю какую то сколь трудную столь и смѣшную работу; и награждая насъ палочными ударами, приказываете выкапывать изъ горъ нѣкакой желтой песокъ, который самъ по себѣ ни къ чему не годится, и не дороже стоитъ хорошей Египетской луковицы; равнымъ образомъ, когда и вы намъ попадаетесь, и когда мы будучи васъ сильнѣе, беремъ васъ къ себѣ въ плѣнъ, то заставляемъ васъ пахать наши пашни, а естьли вы хотя не много поупрямитесь, то отрѣзываемъ вамъ носъ и уши.

На сїю столь разумную рѣчь, отвѣчать намъ было нѣчего; я пахалъ безъ всякаго упорства пашню у одной старой Арапки, желая сохранить въ цѣлости носъ и уши; а по прошествїи года прислали за меня выкупъ. И такимъ образомъ, посмотрѣвъ все что есть хорошаго и удивительнаго въ свѣтѣ, вознамѣрился я до самой смерти жить въ моемъ отечествѣ; скоро по прибытїи моемъ туда, я женился, здѣлался рогоносцемъ, и увидѣлъ, что сїе состоянїе есть самое спокойнѣйшее и прїятнѣйшее въ жизни.

XVII.

Путешествіе въ Небо.

Уже тому около года, какъ 18 Февраля, когда солнце вступило въ знакъ рыбы, я былъ перенесенъ въ небо, (о чемъ вѣдаютъ всѣ мои пріятели). Не кобыла Магометова называемая *Боракъ*, и не огненная колесница были моимъ сѣдалищемъ; я не былъ туда перенесенъ ни на слонѣ *Саммонокодома* Сіамца, ни на конѣ *с. Георгія*, покровителя Англіи, ниже на свинье *с. Антонія*, а признаюсь чистосердечно, что я и самъ не знаю, какъ случилось сіе мое путешествіе.

Всѣ безъ сумнѣнія повѣрятъ, что я былъ ослѣпленъ пустою мечтою, но ни кто конечно не повѣритъ, что я видѣлъ тамъ судимыхъ всѣхъ умершихъ, и что судіями ихъ были тѣ великіе мужи, кои въ жизни своей оказывали людямъ многіе благодѣянии; какъ то: *Конфуцій*, *Ликургъ*, *Солонъ*, *Сократъ*, *Цицеронъ*, *Титъ*, *Траянъ*, *Антоній*, *Епиктетъ*, *Монтаній*, *Харонъ*, *Ламотъ ле Вайеръ*, *Дету*, *Пибракъ*, *Канцлеръ Делоспиталь*, *Генрихъ IV*, *Сул-*

Суллій, *Локкъ*, *Фенолонъ*, *Дагессо*, *Мунтескю*, *Гелвецій*; однимъ словомъ, всѣ тѣ великіе люди, которые обучая и исполняя добродѣтели угодныя Богу, казалося, единые имѣли право, опредѣлять казнь преступникамъ.

Я не скажу, на какихъ престолахъ они сидѣли, ниже того, сколько милліоновъ небесныхъ силъ повержено было предъ престоломъ превѣчнаго Архитектора всѣхъ шаровъ, ниже сколь великое множество жителей сихъ безчисленныхъ шаровъ, явилися передъ судіями, а увѣдомлю только здѣсь, о нѣкоторыхъ самыхъ болѣзненныхъ обстоятельствахъ, отъ которыхъ былъ я пораженъ удивленіемъ.

Я примѣтилъ, что каждый умершій, который давалъ отчетъ въ добрыхъ дѣлахъ, своихъ имѣлъ подлѣ себя всѣхъ свидѣтелей тѣмъ дѣламъ своимъ. На примѣръ: когда Кардиналъ *де Лорренъ*, превозносился, что нѣкоторые его мнѣніи приняты были на Трентскомъ соборѣ, и въ награжденіе за свою божественную науку, требовалъ себѣ вѣчной жизни, тогда вдругъ явилися около его съ двадцать дѣвицъ и госпожъ придворныхъ, у которыхъ у всѣхъ на лбахъ, означено было число свиданія ихъ съ Кардиналомъ; потомъ показалися всѣ тѣ, кои вмѣстѣ съ нимъ были

въ тайномъ заговорѣ, и всѣ сообщники развращенныхъ его предпріятій, со всѣхъ сторонъ его окружали.

На противъ Кардинала *де Лоррена* стоялъ *Іоаннъ Шовенъ*, который грубою своею рѣчью изъяснялся, что онъ пинкомъ толкнулъ Папежскаго идола, послѣ какъ другіе уже его повергли. Я писалъ, говорилъ онъ, противъ живописнаго и рѣзнаго искуства; и доказалъ ясно, что всѣ хорошіе искуства и художества ни къ чему не годились, и что со всемъ діявольское дѣло танцовать минуетъ; отгоните скорѣй Кардинала *де Ларрена*, и поставьте меня на его мѣстѣ, подлѣ престола.

Какъ онъ сіе говорилъ, то вдругъ явился подлѣ его горящіи костеръ, ужасное страшилище, имѣющее нашѣе Гишпанскій ошейникъ половино созженный, показывалося изъ пламяни съ ужаснымъ воплемъ: чудовище! кричало оно, гнусное чудовище! трепещи! познай во мнѣ того *Сервена*, котораго ты замучилъ страшными муками, за то, что я спорилъ съ тобою, что три Ипостаси могутъ составлять едино существо. Тогда всѣ судіи повелѣли Кардинала *де Лоррена* свергнуть въ бездну, а *Кольвина* наказать еще того жесточае.

По-

Потомъ увидѣлъ я безчисленное множество умершихъ, которые говорили: *я вѣрилъ*; а на челахъ ихъ было начертано, *я дѣлалъ*; и они всѣ были осуждены.

Послѣ того Езуитъ *Телїеръ* выступалъ гордо, державъ въ рукѣ *Буллу* unigenisus; но во кругъ его вдругъ явилася куча двухъ тысячь писемъ и грамотъ подложныхъ; стоявшїй подлѣ его *Жансенистъ* письма сїи зажегъ, и *Телїеръ* вмѣстѣ съ ними згорѣлъ, однакожъ и *Женсенистъ*, который не меньше сего *Езуита* дѣлалъ таковыя же подложныя грамоты, претерпѣлъ ту же самую участь.

Наконецъ, съ правой и съ лѣвой стороны, увидѣлъ я идущихъ *Факировъ*, *Талапонцевъ*, *Бонзовъ*, *бѣлыхъ*, *черныхъ*, *и сѣрыхъ монаховъ*, которые всѣ воображали себѣ, что для угожденїя вышнему существу, надлежало или пѣть, или самихъ себя сѣчь, или ходить со всемъ нагими. Тутъ услышалъ я страшный гласъ, который у нихъ вопрошалъ: Какое благодѣянїе зделали вы людямъ? По семъ гласѣ послѣдовало глубокое молчанїе, ни кто не смѣлъ ничего отвѣтствовать; и они всѣ отведены были въ домы безумныхъ, которые были самые огромнѣйшїе зданїи, каковые только вообразить себѣ можно.

Изъ нихъ одинъ кричалъ: *Ксаковымъ* превращенїямъ надлежитъ вѣрить, другой утверждалъ, что надобно вѣрить превращенїямъ *Саммонокодомовымъ*; иной говорилъ *Бахусъ* остановилъ солнце и луну, а иной твердилъ боги воскресили *Пелопа*, вотъ *Булла* in coena domini, говорилъ потомъ одинъ новопришедшїй; но судейскїй приставъ имъ кричалъ: „ступайте въ безумные домы, въ „безумные домы.„

Когда сей судъ совсемъ уже былъ окончанъ, тогда читанъ былъ громогласно сей рѣшительный приговоръ.

По волѣ Превѣчнаго Создателя, защитника, мздовоздаятеля, мстителя, отпустителя грѣховъ, и пр: и пр: Да будетъ извѣстно всѣмъ обитателямъ ста тысячь миллїонъ миллїоновъ мїровъ, кои благоугодно было намъ устроить, что мы не судимъ ни кого изъ вышеписанныхъ обитателей, по ихъ пустымъ и суетнымъ мнѣнїямъ, но единственнно по дѣламъ ихъ. Ибо таково есть наше правосудїе.

Признаюсь, что въ первый еще разъ въ жизни моей услышелъ я таковый указъ. Ибо

всѣ

всѣ тѣ, которые читывалъ я на той малой песчинкѣ, гдѣ я родился, всегда кончатся сими словами:

Ибо такъ намъ благоугодно.

XVIII.

СОВА

И другіе птицы

Орелъ нѣкогда царствовалъ надъ птицами во всей землѣ *Орнифской*; то правда, что онъ не имѣлъ ни какихъ другихъ правъ, кромѣ когтей своихъ и носа, однакожъ наконецъ удовольствуясь пищею и удовлетворивъ всѣмъ своимъ желаніямъ, онъ велъ себя такъ кротко, чего не дѣлала ни какая другая хищная птица.

При старости его, напали на него жадные коршуны, прилѣтевшіе съ западу, опустошать орлово владѣніе. Тогда вдругъ появилася сова, родившаяся въ самомъ дренномъ лѣсѣ, которая долгое время носила на себѣ названіе *лѣшева*; она будучи довольно хитра совокупилася съ лѣтучими мышами, и въ то самое время, когда коршуны нападали на орла, сія сова и все ея войско, подъ имянемъ миротворителей, вступили въ то владѣніе въ которомъ происходила ссора.

Орелъ

Орелъ и коршуны по долговремянномъ сраженіи отдалися наконецъ на судъ совѣ, которая умѣла подольститься къ обѣимъ партіямъ.

Она уговорила орла и коршуновъ, чтобъ дали они опилить себѣ не много когтей и обрѣзать конецъ носа, дабы тѣмъ въ лучшемъ между собою жить согласіи. Прежде того, сова всегда говаривала другимъ птицамъ: *повинуйтеся орлу*, потомъ говорила: *покорствуйте коршунамъ*; а послѣ вскорѣ стала говорить: *будьте послушны одной только мнѣ.* Бѣдныя птицы не знали кого слушать; ибо со всѣхъ сторонъ были они щипаны орломъ, коршуномъ, совою, и летучими мышами. Qui habet aures audiat.

XIX.

XIX.

СМѢСЬ

I.

Бріоше былъ отецъ *Арликину*, не родной его отецъ, но только по воспитанію. Отецъ *Бріошеевъ* былъ *Гвиломъ Горжу*, который былъ сынъ *Жилесовъ*, а *Жилесъ* былъ сынъ *Толстаго Ренеса*, который имѣлъ свое происхожденіе отъ Князя *Дураковъ* и отъ матери глупой; такъ объ немъ сочинитель Ярмоначнаго календаря пишетъ.

Господинъ *Совершенъ*, (а) писатель не менѣе достойный вѣроятія, почитаетъ отцемъ *Бріошею волочажнаго лѣкаря*, и что у сего *лѣкаря* отцемъ былъ *толстый Вильгельмъ*, а у *толстаго Вильгельма*, *Иванъ Калбисъ*; однакожъ и онъ также поколѣніе ихъ производитъ отъ Князя *дураковъ*. И такъ ежели оба сіи писатели одинъ другому противорѣчатъ, то сіе есть точное доказательство справедливости сего описанія, для отца *Даніила*, который

(а) Parfait

который сводитъ ихъ съ удивительнымъ остроумїемъ, и тѣмъ опровергаетъ всѣ сумнѣнїи въ исторїй.

II.

Какъ оканчивалъ я сїю перьвую статью изъ тетратей *Мерри Гиссинга*, сидя въ моемъ кабинетѣ, у котораго было окно на улицу с. *Антонїя*; то увидѣлъ проходящихъ мимо, аптекарскихъ надзирателей, кои вели захваченныхъ *Езуитовъ* съ заповѣдными лѣкарствами и съ Венецїанскою ярью, которые они въ улицѣ с. *Антонїя* тихонько продавали. Мой сосѣдъ господинъ *Гюссонъ*, умная голова, вошедъ ко мнѣ говорилъ; вы смѣетесь, другъ мой, видя *Езуитовъ* въ такомъ презрѣнїи, вы радуетесь слыша, что они уличены въ смертоубїйствѣ въ Португалїи, и въ возмущенїи въ Парагеѣ; публичный гласъ вопїющїй противъ ихъ во Францїи; ненависть, которую всѣ имъ оказываютъ, и усугубленїе сраму и безчестїя, коими они нынѣ покрыты, какъ кажется, чрезмѣрно васъ утѣшаетъ; однакожъ вѣдайте, что ежели они со всемъ погибнутъ, такъ какъ всѣ честные люди того желаютъ, то для васъ никакой изъ того не будетъ пользы, ибо вы будете претерпѣвать такое же безпокойство

отъ

отъ злоумышленія *Жансенистовъ*. Они суть самые жестокіе сумазброды, имѣющіе въ себѣ мѣдную душу; они хуже тѣхъ *Презбитеріанцевъ*, кои опровергли престолъ *Карла I*. Подумайте, что таковые бѣснующіе, опаснѣе нежели плуты и мошенники. Бѣснующаго никогда не можно привести къ разсудку, а плуты и мошенники, входятъ иногда въ разсудокъ.

Я долго противъ г. *Гюссона* спорилъ, и наконецъ ему сказалъ: государь мой, успокойтесь; можетъ быть и *Жансенисты* будутъ нѣкогда также хитры какъ *Езуиты*; я всячески старался его успокоить, но онъ имѣетъ голову желѣзную, въ которой ни когда не возможно перемѣнить мнѣнія.

III.

Бріоше видя, что *Арликинъ* и съ переди и съ зади былъ горбатъ, хотѣлъ его обучить читать и писать. *Арликинъ* чрезъ два года нарочито научился складамъ, но никогда не могъ научиться владѣть перомъ. Одинъ изъ описателей его жизни увѣдомляетъ, что онъ хотѣлъ нѣкогда попробовать написать свое имя, но написалъ такъ, что ни кто не могъ прочитать.

Бріоше

Бріоше былъ очень бѣденъ, и какъ онъ, такъ и жена его не имѣли чемъ воспитывать *Арликина*, а еще менѣе чемъ научить его какому художеству. *Арликинъ* нѣкогда имъ сказалъ: „батюшка и матушка, хотя я и горбатъ, однакожъ имѣю хорошую память; три „или четыре изъ моихъ друзей и я, можемъ „завести кукольные комедіи; я чрезъ то буду получать нѣсколько денегъ; люди всегда бывали охотники до кукольныхъ комедій; правда хотя иногда и опасно заводить „ихъ вновь, однакожъ довольно прибыльно.

Господинъ и госпожа *Бріоше*, удивлялись хорошей догадкѣ своего питомца, шайка ихъ наконецъ собралась и пошла учредить свои театры на Швейцарскомъ рынкѣ, близъ Аппеизельской дороги, по которой ѣздятъ въ Миланъ.

Въ сей то точно деревнѣ *Орвіетанскіе Шарлатаны* имѣли свою лавку, гдѣ продавали они свой *Орвіетанъ*, или лѣкарство отъ яду. Они примѣтили, что подлые люди нечувствительно начали часто посѣщать кукольные театры, и что они продавали въ половину меньше, свои мыла и мази отъ обжоги. Они обвиняли *Арликина* во многихъ дурныхъ поступкахъ, и въ судѣ приносили на

 него

него жалобы. Въ челобитной ихъ было написано, что сей *Арликинъ* былъ самый опаснѣйшіи пьяница, и будто бы въ одинъ день, далъ онъ сто пинковъ въ брюхо, при всемъ народѣ на рынкѣ, крестьянамъ продающимъ яблоки.

Увѣряли также, что онъ обидилъ одного купца торгующаго Индѣискими пѣтухами; и наконецъ донесли на него, что онъ былъ колдунъ. Господинъ *Совершенъ* въ исторіи своей о театрѣ пишетъ; будто бы онъ поглощенъ былъ жабою; но отецъ *Данїилъ* думаетъ, или по крайней мѣрѣ говоритъ о томъ со всемъ иначе. Ни кому не извѣстно куда дѣвался *Брїоше*, ибо какъ онъ назывался отцомъ *Арликину* по одному только воспитанію, то писатель сей исторіи не разсудилъ за благо насъ объ немъ увѣдомить.

IV.

Покойный Господинъ *дю Марсе* увѣрялъ, что наиглавнѣйшее есть злоупотребленіе во Франціи продажа чиновъ. Государство весьма тѣмъ нещастливо, говорилъ онъ, что человѣкъ рожденный съ достоинствами, но не имѣя достатку, не можетъ ни до какихъ чиновъ достигнуть. Чрезъ сіе, колико природныхъ

родныхъ дарованій остаются помраченными, и сколько глупцовъ и безумцевъ занимаютъ мѣста знатные! Какая мерзская политика могла затмить разборчивость въ сихъ природныхъ личныхъ дарованіяхъ! *Г. дю Марсе* не помышляя прежде о семъ, просилъ о собственномъ своемъ награжденіи, ибо онъ по нещастію доведенъ былъ до такого состоянія, что принужденъ былъ обучать учениковъ Латинскому языку, а ежели бы онъ былъ употребленъ въ какіе важные дѣла, то могъ бы оказать великіе услуги государству. Я знаю таковыхъ марателей бумаги, которые могли бы обогатить провинцію, ежели бы были на мѣстѣ тѣхъ, кои ея грабили и расхищали; но по нещастію, для полученія того мѣста, должно быть или сыномъ или племянникомъ какого знатнаго вельможи, который бы оставилъ по себѣ въ наслѣдство столько денегъ, на кои можно бы было купить чинъ, знатную должность, выгодное мѣсто, или такъ называемое достоинство.

Дю Марсе увѣрялъ также, что *Мантаньи Харонъ*, *Картезій*, *Гассенди*, и *Бель*, никогда не осудили бы на галеры учениковъ, утверждавшихъ, свои споры противъ философіи *Аристотелевой*, не предали бы сожженію священника

Урбена Грандіера, и священника *Гофредія*, и не учинили бы и пр. и пр.

V.

Не въ давнемъ времяни *Шевалье Рожинантъ* дворянинъ Феррарскій, вышедъ изъ своего двора, не успѣлъ еще вступить на средину улицы, какъ увидѣлъ съ разныхъ сторонъ идущихъ человѣкъ съ двенатцать со всемъ противныхъ между собою законовъ; *г. Сакрито*, который шелъ съ нимъ вмѣстѣ, ему сказалъ: уйдемъ отсюда поскорѣе, теперь наступилъ часъ собранія на биржѣ, сіи разнозаконные люди безъ сумнѣнія другъ друга перерѣжутъ, слѣдуя древнему обычаю, понеже всѣ они различно другъ съ другомъ мыслятъ; а насъ подлый народъ убѣетъ здѣсь до смерти, сочтя за подданныхъ Папы.

Но сколь въ великое пришли они удивленіе, когда увидѣли, что всѣ сіи добрые люди, шедши съ своими комисарами сходилися ко одному мѣсту, кланялися другъ другу учтиво, и схватясь дружески рука съ рукою, пошли всѣ вмѣстѣ на биржу. Въ тотъ день по ихъ щету было на биржѣ пятдесятъ три разныхъ вѣръ и законовъ, щитая въ томъ числѣ Армянъ и Жансенистовъ. Пятдесятъ

десятъ три милліона употребили они на торгъ денегъ, съ великою тишиною и спокойствіемъ; и Феррарецъ удивляясь сему, возвратился въ свое отечество, гдѣ нашелъ у себя болѣе ничего незначущихъ бумагъ нежели векселей.

Каждый день подобные сему позорища случаются въ Лондонѣ, въ Гамбургѣ, въ Данцигѣ, и въ самой Венеціи и пр.; но я видѣлъ гораздо лучше сего примѣръ въ Константинополѣ.

Уже пять лѣтъ тому назадъ, какъ имѣлъ я честь присудствовать при постановленіи Греческаго Патріарха, Султаномъ *Ахметомъ* III, (спаси Богъ его душу;) онъ самъ подалъ сему Христіанскому Перьвосвященнику кольцо и трость, или посохъ, здѣланный на подобіе костыля; по томъ былъ Христіанскій крестный ходъ въ улицѣ *Клеомбульской*; два Янычара шествовали въ переди сего хода; я тамъ удостоился публично пріобщиться въ Патріаршеской церьквѣ, и ежели бы захотѣлъ, то могъ бы получить чинъ *Каноника*.

Признаюсь, что по возвращеніи моемъ въ Марселію, я весьма удивился, не видя тамъ ни одной Турецкой мечети. О семъ моемъ удивленіи объявилъ я главному Марсельскому

судьѣ и господину Епископу; и говорилъ: что сїе было весьма не учтиво, ибо ежели Христїане имѣютъ церкви свои у Магометанцовъ, то по крайней мѣрѣ по снисхожденїю къ Туркамъ, можн, бы было построить для нихъ въ Марселїи хотя нѣсколько небольшихъ придѣловъ. Они оба мнѣ обѣщали, писать о томъ ко двору, однакожъ и до сихъ поръ онаго еще не исполнено, по причинѣ узаконенїя и учрежденїя Unigenitus.

О братїи мои, мои *Езуиты*! вы не могли терпѣть ни какой другой, кромѣ вашей вѣры, за то теперь и къ вамъ не имѣютъ никакого снисхожденїя, и васъ ни кто не терпитъ. Однакожъ утѣштесь; другїе на мѣсто васъ по своей очереди, учинятся такими же гонителями, и ихъ также по очереди презрятъ и возненавидятъ.

VI.

Нѣсколько тому дней, какъ расказывалъ я о семъ господину *Букакусу*, очень жаркаго сложенїя *Лангедокцу* и весьма ревностному Кальвинисту. Боже мой! съ досадою онъ вскричалъ, развѣ и съ нами во Францїи поступаютъ также какъ съ Турками? Намъ запрещаютъ строить здѣсь церькви, и не позволяютъ

воляютъ имѣть свои молитвенные храмы! Что принадлежитъ до Турецкихъ мечетей, сказалъ я, то Турки насъ о томъ еще не просили, и я осмѣливаюсь льстить себя, что они конечно получатъ на сіе дозволеніе, ежели только попросятъ, по тому что они съ нами въ добромъ союзѣ; но о вашихъ храмахъ я очень сумнѣваюсь, чтобъ дозволено было ихъ строить, не взирая на всѣ учтивости, которыя мы другъ другу оказываемъ притворно; а причина тому та, что вы нѣсколько намъ непріятели. Какъ! мы вамъ непріятели! вскричалъ *г. Букакусъ*; мы! будучи Королю столь усерднѣйшими рабами! Вы очень усердны, говорилъ я, и столь усердны, что возбудили девять междоусобій, выключая кровопролитныхъ побоищъ, при горахъ Цевѣнскихъ. Однакожъ, отвѣтствовалъ онъ, ежели мы возбуждали междоусобныя войны, то сіе было по причинѣ той, что вы на площади насъ жарили, а намъ ни малой не было охоты быть жаренымъ, и у святова не достанетъ терпѣнія сносить такіе безчеловѣчіи; пусть оставятъ насъ въ покоѣ, и я вамъ божусь, что мы будемъ самые вѣрнѣйшіе подданные.

Для васъ то и дѣлаютъ, говорилъ я ему; на васъ смотрятъ сквозь пальцы, вамъ дозволяютъ отправлять вашъ торгъ, и вы имѣете довольно честную вольность. Очень забавная вольность! сказалъ г. *Букакусъ*; мы не успѣемъ отъ четырехъ только и до пяти тысячь собраться въ одно мѣсто, что бы пѣть четыречастные наши псалмы, какъ въ тужъ самую минуту, приходитъ цѣлый драгунскій полкъ, и насъ всѣхъ по домамъ разгоняетъ; такъ ли должно жить въ свободѣ? И можно ли сіе назвать вольностію?

Нѣтъ ни одной во всемъ свѣтѣ земли, говорилъ я ему, гдѣ можно бы было собираться такими большими толпами, безъ особливаго государева повелѣнія; всѣ таковые сходбища противны законамъ. Служите Богу по вашему обычаю въ домахъ вашихъ, и не оглушайте никого вашимъ вытьемъ, что называете вы *музыкою*. Развѣ вы думаете, что дѣлаете вы угодное Богу, когда воспѣваете его заповѣди на голосъ любовныхъ пѣсенъ, и когда говорите вмѣстѣ съ Жидами о сосѣдственныхъ народахъ.

Блаженъ, кто долженъ васъ на вѣки истребить!
Кто вырвавши у васъ младенцовъ отъ грудей,
Такъ какъ невѣрныхъ, всѣхъ захочетъ ихъ побить!

Тре-

Требуетъ ли Богъ, что бы побивали юныхъ младенцовъ? Не безчеловѣчно ли таковое варварство? А сверхъ того, угодны ли Богу ващи негодные стихи и дурное пѣнiе.

И наконецъ, какъ самимъ вамъ извѣстно, что во всемъ нашемъ государствѣ господствуетъ одна Римская вѣра; то въ разсужденiи сего, ежели не позволено вамъ собираться такими толпами въ Англiи, то для чего хотите вы пользоваться сею вольностiю во Францiи? Дѣлайте что вамъ угодно въ вашихъ домахъ, и я могу васъ увѣрить, со стороны г. здѣшняго губернатора, и г. Полицеймейстера, что въ таковомъ случаѣ, ежели вы будете разумны, то навсегда оставятъ васъ въ покоѣ. Единое токмо неразумiе причиняетъ нынѣ, и будетъ прячинять впредъ сiи гоненiи. Мнѣ весьма не прiятно, что ваши браки, раждающiися ваши дѣти, и право касающееся до вашего наслѣдства, претерпѣваютъ здѣсь нѣкоторые притѣсненiи; не справедливо пускать вамъ кровь, и давать слабительное, для того что предки ваши одержимы были болѣзненными припадками; но чтожъ дѣлать? Сей свѣтъ есть великiй театръ, на которомъ одни глупцы на другихъ налагаютъ рабственные оковы.

VII.

Товарищи *Арликиновы*, будучи доведены до крайности, питаться милостивымъ подаянїемъ, что довольно приличествовало природному ихъ состоянїю; совокупилися съ нѣкоторыми Цыганами, и бродили изъ одной деревни въ другую; наконецъ пришли они въ небольшой городъ, и жили въ одномъ домѣ въ четвертомъ жильѣ, гдѣ начали составлять лѣкарства, и продажею ихъ питалися нѣсколько времяни; они вылѣчили отъ коросты постельную собачку одной знатной госпожи; все сосѣди называли сїе великимъ чудомъ, однакожъ не смотря на все ихъ искуство, шайка ихъ не составила себѣ тѣмъ великаго щастїя.

Они жаловались на свою бѣдность и неимущесшво, какъ въ нѣкїй день услышали стукъ у себя на потолокѣ, такъ какъ бы какая телѣжка ѣздила по полу; они взошедъ на пятое жилье увидѣли тамъ одного небольшаго человѣка, который представлялъ кукольные комедїи; онъ назывался г. *Благодѣнъ*, и имѣлъ совершенное въ представлении семъ искуство.

Не

Не можно было разумѣть ни одного слова, что онъ говорилъ при семъ представлении, однакожъ глупые его выраженіи и смѣшные кривленіи для сихъ комедій весьма были приличны, и онъ очень не худо выпускалъ своихъ куколъ; одинъ изъ товарищей *Арликинской* шайки, будучи также довольно искусенъ въ сихъ глупыхъ и смѣшныхъ выраженіяхъ, говорилъ ему такимъ образомъ:

Мы видимъ, что вы опредѣлены судьбою, возобновить наши кукольные комедіи, по тому что мы читали въ одной книгѣ, сіи точные слова, nelle chi li po rate icsus res fait en bi, которые ежели переворотить на выворотъ, значатъ: *Благодѣнъ воскреситъ Арликина*. Нашъ *Арликинъ* былъ поглощенъ жабою, а мы видимъ здѣсь его шляпу, его горбъ, и точную его выступку и ухватки. Вы все то дѣлаете, съ помощію проволоки, и я думаю, что вамъ не трудно будетъ приклеить ему точно такіе же усы, какіе нашъ *Арликинъ* нашивалъ; ежели же мы вмѣстѣ съ вами соединимся, то надобно думать, что будемъ получать великую прибыль.

Г. Благодѣнъ съ охотою принялъ сіе предложеніе; они спрашивали у него, чего онъ требуетъ отъ нихъ за труды свои? Я требую,

гово-

говорилъ онъ, много чести и много денегъ. Мы ничего онаго не имѣемъ, сказалъ Ораторъ *Арликинской* шайки, однакожъ со временемъ до всего достигнуть можно. И такъ *г. Благодѣнъ* соединился съ Цыганами, и всѣ вмѣстѣ отправилися въ Миланъ, дабы учредить тамъ свой театръ подъ покровительствомъ госпожи *Кармелитты*. Тамъ объявили они всенародно, что тотъ же самый *Арликинъ*, который былъ поглощенъ жабою въ одной деревнѣ Аппензельской округи, предстанетъ на театрѣ Миланскомъ, и будетъ танцовать съ госпожею *Жигонею*; всѣ продаватели *Орвїетану* довольно сему сопротивлялись, но *г. Благодѣнъ*, будучи также искусенъ въ составленiи *Орвїетану*, увѣрялъ, что его былъ наилучшiй. Онъ много его продавалъ женщинамъ, плѣнившимся до глупости *Арликиномъ*, и учинился столько богатъ, что здѣлался начальникомъ надо всею оною шайкою.

Какъ скоро *г. Благодѣнъ* получилъ чего желалъ, (и чего всѣ на свѣтѣ люди желаютъ) то есть, честь и богатство, то здѣлался весьма неблагодарнымъ противъ госпожи *Кармелитты*. Онъ купилъ себѣ огромный домъ, напротивъ дому своей благодѣтельницы, за которой деньги заплатили зрители его комедiй;

медій; онъ уже не хаживалъ больше въ домъ къ госпожѣ *Кармелиттѣ*, а на противъ того хотѣлъ, чтобъ она пришла къ нему завтрикать, но какъ въ одинъ день она удостоила его своимъ посѣщеніемъ, то онъ заперъ передъ нею двери, и не впустилъ ее въ свои покои, и пр:

VIII.

Не выразумѣвъ ничего изъ послѣдующей главы *Меррнгюссиновой*, пошелъ я къ пріятелю моему г. *Гюссону*, спросить у него о семъ истолкованія. Онъ мнѣ сказалъ, что тутъ была самая не понятная Аллегорія объ отцѣ *Лавалеттѣ*, который былъ купецъ банкрутъ Американской; однакожъ примолвилъ онъ при томъ, что уже давно не вмѣшивается онъ въ бездѣлки, и не ходитъ никогда въ кукольные комедіи что въ томъ день играли на театрѣ трагедію *Поліевкта*, и онъ хотѣлъ ее видѣть, куда и я за нимъ послѣдовалъ.

Г. Гюссонъ, во время перьваго дѣйствія сей трагедіи, безпрестанно качалъ головою; по окончаніи сего дѣйствія, я спрашивалъ у него о причинѣ онаго. Признаюсь, говорилъ онъ, что я очень досадую на сего *Поліевкта*

и на сего наглаго *Неарка*, за то что дѣлали они такія нелѣпости. . . . . Сказавъ мнѣ такимъ образомъ мнѣніе свое о первомъ дѣйствіи, при второмъ вдругъ началъ онъ смѣяться, когда увидѣлъ, что *Поліевктъ* отдавалъ жену свою ея любовнику, и она ему показалась нѣсколько мѣщановатою, когда говорила своему любовнику, что она идетъ въ свою комнату, вмѣсто того чтобъ итти съ нимъ въ церьковь.

Однакоже удивлялся онъ тому явленію, въ которомъ она просила своего любовника, о помощи ея мужу.

Здѣсь представляется, говорилъ онъ, сей Армянскій начальникъ, самымъ гнуснѣйшимъ и подлѣйшимъ человѣкомъ; и самъ отецъ *Паулинъ* признается, что онъ наполненъ бездѣльническими и плутовскими чувствами.

Прокуроръ суднаго приказа не въ состояніи былъ ни мыслить ни изъясняться иначе. Есть такіе добродушные люди, которые на все сіе съ безпечностію смотрятъ; но я не изъ числа оныхъ; я напротивъ того думаю, что ежели таковыя нелѣпости могутъ помѣщены быть во Французской трагедіи, то надлежитъ зжечь Греческаго *Едипла*.

Г. *Гюссонъ* человѣкъ самый грубый и несговорчивой; я говорилъ все что могъ къ его успокоенїю, однакожъ ни чемъ не могъ его успокоить; онъ упорно стоялъ въ своемъ мнѣнїи, а я утверждалъ свое.

IX.

Мы оставили г. *Благодѣна* весьма богатаго, невѣжливаго и неблагодарнаго. Онъ искуствомъ своимъ столько прославился, что признанъ былъ отъ всѣхъ самымъ хитрѣйшимъ комедїантомъ кукольныхъ комедїй. Какъ скоро получилъ онъ сїе достоинство, то возилъ своего *Арликина* по всѣмъ городамъ, и объявилъ всенародно, чтобъ всѣ съ учтивостїю его называли господиномъ *Арликиномъ*, а безъ того онъ ни какой комедїи представлять не будетъ. Отъ сего самаго произошло, что при всѣхъ представленїяхъ кукольной комедїи, *Арликинъ* не отвѣтствуетъ ни когда своему куму, прежде нежели кумъ назоветъ его господиномъ *Арликиномъ*. Мало по малу *Арликинъ* здѣлался столь важнымъ, что не представляли уже по томъ ни какого позорища, не заплативъ ему пошлины, подобно какъ провинцїальныя оперы платятъ пошлину оперѣ Парижской.

Вь нѣкоторый день, одинъ изъ его служителей, который всегда стаивалъ у входа, для принимания билетовъ, и отворялъ ложи, не получивши отъ *Благодѣна* полнаго своего жалованія, противъ его взбунтовалъ, и завелъ у себя другія кукольныя комедіи, въ коихъ опровергалися всѣ танцы госпожи *Жигоны*, и всѣ хитрыя ухватки *Благодѣна*. Онъ убавилъ болѣе 50 вещей, изъ коихъ составлялся *Орвіетанъ*, а составлялъ его у себя только изъ пяти или изъ шести лѣкарствъ, и продавалъ гораздо дешевлѣ. Онъ похитилъ безчисленное множество хитростей у *Благодѣна*, за что произошла между ими ужасная ссора, и они долго дрались у дверей кукольнаго театра, на лугу ярмонки.

X.

Господинъ *Гюссонъ* говорилъ со мною вчерась о своихъ путешествіяхъ. И въ самомъ дѣлѣ, онъ жилъ много лѣтъ въ купеческихъ городахъ въ Ливантѣ, потомъ ѣздилъ въ Персію, долго жилъ въ Индіи, и проѣхалъ всю Европу. Я примѣтилъ, говорилъ онъ мнѣ, что есть ужасное множество Жидовъ, которые ожидаютъ еще пришествія Мессіи, и лучше захотятъ живые сѣсть на колъ, нежели

ли согласиться, что уже было его пришествіе. Я видѣлъ также многихъ Турковъ, весьма въ томъ увѣренныхъ, что Магомедъ половину луны запряталъ къ себѣ въ рукавъ. Во всѣхъ концахъ земли нѣкоторые народы слѣпо вѣрятъ вещамъ со всемъ нелѣпымъ. Однако ежели бы самый премудрѣйшій философъ долженъ былъ раздѣлить хотя одинъ рубль съ самымъ глупѣйшимъ изъ сихъ нещастныхъ, въ коихъ разумъ человѣческій находится въ толь ужасномъ помраченіи, то дѣйствительно, ежели бы хотя одну копѣйку можно было изъ того раздѣлу получить лишнюю, то глупецъ имѣлъ бы довольно хитрости обмануть философа. Возможно ли! что въ самыхъ полезныхъ и важныхъ вещахъ сіи нещастные слѣпотствуютъ подобно кротамъ, а въ маловажныхъ, касающихся до гнуснаго ихъ прибытка, бываютъ они хитрѣе рыси? Для чего тотъ же самый Жидъ, который безъ зазрѣнія совѣсти можетъ обмануть, обокрасть, и задушить человѣка въ пятницу, не захочетъ украсть ни одной полушки въ день суботный? Сіе несогласіе въ человѣческомъ родѣ, достойно того, чтобъ хорошенько объ немъ помыслить.

Не отъ того ли сїе происходитъ, говорилъ я, что люди суевѣрны по привычкѣ, а хитры въ обманахъ по природной склонности? Я о семъ подумаю, сказалъ онъ; твое мнѣнїе показалось мнѣ довольно справедливымъ.

XI.

Арликинъ послѣ сего бѣдственнаго приключенїя претерпѣлъ многїе нещастїи. Агличане, будучи по природѣ суровы и глубокомысленны, предпочли ему *Шакеспеара*, который игрою своею приобрѣлъ великую славу, и ежели бы не вошло во употребленїе комической оперы, то театръ его былъ бы первый изо всѣхъ театровъ Онъ имѣлъ великїе ссоры съ *Арликиномъ*, и еще не извѣстно кто изъ нихъ одержитъ побѣду. Однакожъ. . . . . .

XII.

Однакожъ государь мой, говорилъ я господину *Гюссону*, какъ возможно быть вдругъ столь смѣшну и столь безчеловѣчну? Какъ! Въ одной исторїи единаго народа, находится вмѣстѣ и безчеловѣчное празднованїе С. Варѳоломея, и сказки де ла Фонтеновы и пр. Или то дѣиствїе Климата? Или дѣиствїе народныхъ узаконенїи?

Родъ

Родъ человѣческій, отвѣтствовалъ г. *Гюссонъ*, ко всему способенъ. *Неронъ* проливалъ тогда слезы, когда должно было ему подписывать приговоръ о смертной казни преступнику, а съ холоднокровіемъ умертвилъ мать свою. Обезьяны дѣлаютъ чрезвычайно смѣшные и забавные движеніи, а сами задушаютъ дѣтей своихъ; нѣтъ ничего кротчае и тише гончей собаки, однакожъ она рветъ и терзаетъ зайца, и обагряетъ свое рыло въ крови его.

Вы должны бы, говорилъ я ему, сочинить намъ хорошую книгу, въ которой изъяснили бы всѣ сіи несогласіи и противорѣчіи. Сія книга уже есть, сказалъ онъ, посмотрите только на флюгоръ, онъ иногда вертится отъ самаго тихаго дуновенія Зефира, а иногда отъ сильнаго западнаго вѣтра. Вотъ точное изображеніе человѣка.

XIII.

Кажется, что нѣтъ ничего сроднѣе, какъ любить свою двоюродную сестру. Можно также иногда любить и свою племянницу; однакожъ во Франціи сія любовь стоитъ 18 тысячь ливровъ, которые должно заплатить въ Римъ, чтобъ позволено было же-

ниться на двоюродной сестрѣ, и 80 тысячъ франковъ, чтобъ съ племянницею совокупиться законнымъ бракомъ.

Я полагаю по сороку племянницъ каждый годъ, вышедшихъ замужъ за своихъ дядей, и по двѣстѣ двоюродныхъ братьевъ женившихся на сестрахъ своихъ; то за сіе разрѣшеніе 6 милліоновъ 800 тысячъ ливровъ, каждый годъ, выходитъ вонъ изъ государства. Присоедините еще къ тому, около 600 тысячъ франковъ, ежегодныхъ податей Папѣ, съ земель во Франціи, которые Король Французской подданнымъ своимъ жалуетъ, послѣ умершихъ родственниковъ въ наслѣдство; прибавте еще другіе мѣлкіе расходы, то и выходитъ около 8 милліоновъ 400 тысячъ ливровъ, которые мы ежегодно святому отцу съ щедростію платимъ. Сумму сію, можетъ быть, еще бы можно было увеличить; я думаю, всѣ со мною согласятся, что ежели во Франціи будетъ много двоюродныхъ сестеръ и племянницъ пригожихъ, и естьли послѣ умершихъ много будетъ таковыхъ жалованныхъ земляныхъ наслѣдствъ, то сумма сія легко можетъ удвоиться. Сіе иго довольно тягостно, когда сверьхъ того должно строить корабли, содержать

держать войска, и платить еще другіе подати.

Мнѣ удивительно, что въ толикомъ множествѣ книгъ, коихъ автора съ двадцать лѣтъ управляли государствомъ, ни одинъ изъ нихъ не помыслилъ исправить сіи вредные злоупотребленіи. Я спрашивалъ у одного Сарбонскаго учителя который былъ мнѣ пріятель, въ которомъ мѣстѣ священнаго писанія показано, что Франція должна платить Риму такую больщую сумму денегъ? Однакожъ онъ того ни гдѣ найтить не могъ. . . . .

XIV.

Одинъ мой родственникъ, будучи уже не молодыхъ лѣтъ, и служа Королю 42 года, удалился жить въ вышній Ельзасъ, гдѣ имѣя не больщую деревню, обработывалъ онъ землю, состоящую подъ вѣденіемъ Епископства Порантрюскаго. Въ одинъ день приказывалъ онъ вспахивать послѣдніе свои пашни, ибо осеннее время уже наступало, и для того надлежало поспѣшать работой, но работники его, отказались отъ сей работы, представляя тому причиной, что въ тотъ день былъ праздникъ *С. Варвары*, которой

 болѣе

более всѣхъ празднуется въ Порантрюѣ. Ахъ! друзья мои, говорилъ имъ мой родственникъ; въ честь *С. Варварѣ* вы были сего дня у обѣдни; вы воздали *С. Варварѣ* ей принадлежащее, а теперь воздайте мнѣ то, чемъ вы должны мнѣ; то есть вспашите мои пашни, вмѣсто того чтобъ итти въ кабакъ; *С. Варвара* требуетъ ли, чтобъ въ честь ей напивались пьяными, а у меня на сей годъ не достанетъ хлѣба. Прикащикъ его ему сказалъ: государь мой, вы сами видите, что меня бы прокляли, ежели бы я въ такой святой день сталъ работать; *С. Варвара* великая праведница! Она концемъ пальца своего начер ала крестъ на марморномъ столпѣ; нѣтъ, нѣтъ, я не буду работать въ день *С. Варвары.*

Родственникъ мой, послалъ нанять другихъ земледѣльцовъ Лютеранскаго закона, и пашня его немедлѣнно была вспахана. Епископъ Парантрюскій отрѣшилъ его за то отъ церкви; мой родственникъ называлъ сіе злоупотребленіемъ, и слѣдствіе объ ономъ, еще и по нынѣ не кончано. По справедливости, ни кто столько не вѣритъ, какъ мой родственникъ, что должно чтить святыхъ, однакожъ при всемъ томъ, онъ увѣряетъ, что надлежитъ также пахать землю.

Я полагаю во Францїи около пяти миллїоновъ ремесленниковъ и разныхъ художниковъ, изъ коихъ каждой выработываетъ, трудясь одинъ для другаго, по 20 копѣекъ на день, но которыхъ принуждаютъ по набожности не работать ничего, тритцать дней въ каждый годъ, не щитая при томъ дней воскресныхъ; то по сему и выходитъ, что на ста пятидесяти миллїоновъ нѣтъ между нами во обращенїи денегъ, и ста пятидесяти миллїоновъ сїи ремесленники и художники лишаются своихъ выработныхъ денегъ, и не дѣлаютъ пользы обществу своею работою. Коль великое преимущество должны передъ нами имѣть сосѣднїе государства, которые не празднуютъ дня *с. Варвары*, и не имѣютъ у себя Епископа Порантрюскаго? Мнѣ отвѣтствовали на сїе возраженїе, что въ празничные дни, отворенные кабаки, приносятъ откупщикамъ великую прибыль. Родственникъ мой и самъ на то былъ согласенъ, однакожъ говорилъ: что прибыль сїя очень не велика, и что, ежели бы можно было работать послѣ обѣдни, то также можно бы было ходить въ кабакъ послѣ работы. Онъ утверждалъ, что сїе дѣло болѣе касалось до гражданскаго правленїя, нежели до Епископа,

скопа, и стоялъ въ томъ твердо, что гораздо лучше пахать землю, нежели упиваться до безумія; однакожъ я страшусь, чтобъ по суду обвиненъ онъ не былъ.

XV.

Нѣсколько тому лѣтъ, какъ проѣзжая чрезъ Бургондію, вмѣстѣ съ *Г. Еврардомъ*, увидѣли мы огромный каменный домъ, который отъ части строеніемъ приходилъ уже ко окончанію. Я спрашивалъ: какому Принцу принадлежитъ оный? Одинъ каменщикъ мнѣ отвѣчалъ, что то былъ домъ господина Аббата, города Цито; что подрядчикъ подрядился его строить, за одинъ милліонъ 700 тысячь ливровъ, однако надобно думать, что онъ будетъ стоить гораздо больше.

Я благодарилъ Бога, что онъ служителя своего довелъ до такого состоянія, что онъ могъ созидать столь великолѣпные зданіи, и истрачивать столько денегъ. Вы шутите, сказалъ мнѣ *Г. Еврардъ*, не гнусно ли, что праздность вознаграждается двумя стами пятьюдесятью тысячами годоваго доходу, а трудолюбіе и неусыпное бдѣніе деревенскаго священника наказуется са-

самымъ посредственнымъ содержанїемъ, состоящимъ изо ста только таллеровъ? Сїе неравенство, не самая ли есть гнуснѣйшая въ свѣтѣ несправедливость? Какая будетъ изъ того польза государству, когда монахъ будетъ жить въ огромномъ и великолѣпномъ домѣ, стоющемъ двухъ миллїоновъ? Двадцать семей бѣдныхъ офицеровъ, ежели бы раздѣлили по себѣ сїи два миллїона, то каждая изъ нихъ, имѣла бы довольнѣйшее пропитанїе и воспитывала бы Королю новыхъ воиновъ, достойныхъ быть офицерами; простые монахи, которые нынѣ безполезно подчинены одному, самими же ими избранному, такому же монаху, могли бы быть членами полезными государству, вмѣсто того, что они подобно червямъ, со всѣхъ сторонъ его подтачиваютъ.

На сїе отвѣтствовалъ я, *Г. Еврарду*, вы очень поспѣшно и далеко забираетесь; то, что вы говорите, безъ сумнѣнїя случиться можетъ, однакожъ не прежде какъ черезъ двѣсти, или чрезъ триста лѣтъ, возмите терпѣнїе. Для етого то самаго, говорилъ онъ, что сїе не прежде какъ чрезъ два, или чрезъ три вѣка исполнится, я и теряю со всемъ

терпѣливость; мнѣ уже скучно смотрѣть на всѣ злоупотребленіи, которые я вижу; мнѣ кажется что я здѣсь хожу по пустынѣ Ливійской, гдѣ естьли не растерзываютъ насъ свирѣпые львы, то кровь изъ насъ высасываютъ несѣкомые и гады.

Я имѣлъ, продолжалъ онъ, сестру, столь слабаго сложенія, что она не согласилась бы быть *Женсенистской* и изъ доброй воли, а не только по принужденію; но изрядный обрядъ исповѣдныхъ билетовъ съ отчаянія довелъ ее до гроба. Братъ мой имѣлъ одно судное дѣло, отъ котораго зависило все его благополучіе, и кое по первой прозбѣ его, должно бы рѣшиться въ его пользу, однакожъ не знаю какъ то случилось, что судьи покривили правосудіемъ, и братъ мой со всемъ раззорился; у меня есть одинъ старый дядя, покрытый весь ранами; онъ нѣкогда домашніе свои уборы и посуду перевозилъ изъ одной провинціи въ другую; проворные комисары за неисполненіе нѣкоего обряда, все сіе на дорогѣ захватили, и дядя мой будучи не въ состояніи заплатить положенный штрафъ, въ тюрьмѣ жизнь свою окончилъ.

Г. Еврардъ, цѣлыхъ два часа, расказывалъ мнѣ о многихъ подобныхъ сему приключеніяхъ;

яхъ; а наконецъ я ему сказалъ: Ахъ! господинъ *Еврардъ*, я самъ претерпѣлъ болѣе, нежели вы; люди во всѣхъ концахъ свѣта сотворены таковыми; мы думаемъ, что злоупотребленіи у насъ только у однихъ господствуютъ; мы оба съ вами, подобны *Астольфу* и *Жоконду*, которые думали прежде, что у нихъ только у однихъ были жены невѣрны; но какъ начали путешествовать, то увидѣли, что вездѣ есть мужья имъ подобные. То правда, сказалъ *Г. Еврардъ*, однакожъ по крайней мѣрѣ, они имѣли то удовольствіе, что сами вездѣ платили тѣмъ же, чемъ другие по милости своей въ домахъ ихъ награждали.

Постарайтесь, сказалъ я ему, здѣлаться только на три года Директоромъ въ . . . или въ . . . или въ . . . Тогда и вы съ лихвою за себя отомстить можете.

Г. Еврардъ и въ самомъ дѣлѣ послѣдовалъ моему совѣту; онъ здѣлался нынѣ во Франціи такимъ человѣкомъ, который обкрадываетъ Короля, раззоряетъ государство, и притѣсняетъ частныхъ людей, самымъ непритворнымъ и благороднѣйшимъ образомъ; онъ ѣстъ сладко, и судитъ весьма надменно о новомъ заведеніи.

)o(

◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆

XX.

КОРОЛЕВСКІЙ НАБАТЪ.

Для потревоженія Европейскихъ Государей.

Вся Европа вострепетала при убійствѣ Короля Польскаго; поразившіе его удары, всѣхъ сердца пронзили. Но какая держава устремилась за него отмстить? Предъ иконою Богоматери, сіи убійцы присягали и цѣловали Евангеліе, которое въ рукахъ своихъ держалъ Доминиканецъ, чтобъ умертвить наилучшаго Государя, каковаго никогда не бывало въ Польшѣ: и до сихъ поръ никто больше, какъ только едина РОССІЙСКАЯ ИМПЕРАТРИЦА отмщаетъ за честь и за права престола. Еще и нынѣ, ко стыду всѣхъ Христіанъ, находятся Турецкіе гарнизоны въ городахъ Польскихъ, и ежели бы не производили истинныхъ чудесъ Россійскіе войски, то Оттоманы вступили бы и въ самую Варшаву.

Импера-

Императоръ Римскій зная совершенно исторію и будучи рожденъ для дѣлъ, достойныхъ прославленія во оной, вѣдаетъ довольно, что сіи Турки два раза осаждали Вѣну, и брали въ плѣнъ болѣе трехъ сотъ тысячь Венгерцовъ.

Безчеловѣчные мучители Константинопольскіе, обагряясь, столь часто, кровію братій своихъ и Визирей, поступаютъ со всѣми Европейскими Государями, такъ какъ въ древнее время, Римляне поступали съ малыми владѣтелями Кападокійскими и Іудейскими; они принимаютъ нашихъ пословъ, равно какъ консуловъ купеческихъ.

Г. Портеръ, будучи недавно полномочнымъ посломъ въ Константинополѣ, даетъ намъ знать, что все уваженіе нашимъ министрамъ, состоитъ въ нѣкоторыхъ только самыхъ малыхъ дозволенныхъ свободностяхъ, съ которыхъ вручаютъ имъ одни только списки, неимѣющіе въ себѣ ни малой дѣйствительности, и въ нѣкіихъ преимуществахъ введенныхъ въ обычай; но и въ тѣхъ часто имъ отказываютъ.

Онъ такъ же насъ увѣдомляетъ, что великій Визирь *Жеинъ Али Паша*, не давно хотѣлъ опредѣлить, чтобъ всѣ Европейскіе послы жили на островѣ *Принцовъ*. Ког-

Когда случится какому послу, быть на Аудіенціи у великаго Визиря, тогда сей варвар растянувшись на софѣ, сажает его на маломъ табуретѣ, и сказавъ ему слова четыре, назадъ отъ себя отсылаетъ; два придверника берутъ его подъ руку, не допускаютъ оборачиваться задомъ, и заставляютъ безпрестанно уклоняться предъ ихъ господиномъ; а предстоящіе тутъ служители ему насмѣхаются и подсвистываютъ. По крайней мѣрѣ, не въ давнемъ времяни обрядъ сей совершенно былъ наблюдаемъ.

Ежели же посолъ захочетъ быть допущенъ на безполезную Аудіенцію къ Султану, тогда заставляютъ его, два часа дожидаться, иногда на дозжѣ и на снѣгу, на маленькомъ треугольномъ дворикѣ, подъ однимъ деревомъ, подлѣ коего находится старая и гнилая лавка, на которую повара его Величества садятся. И такъ бываетъ онъ провождаемъ изъ одного уничтоженія въ другое, притворяясь, будто безчестія сего онъ не примѣчаетъ, и увѣряетъ своихъ путеводителей, что пріемъ его былъ со всякою честію.

Извѣстно, какія наглости часто въ Турціи претерпѣвали Венеціанскіе *Баилы*. Дворъ Фран-

Французскій, не долженЪ еще позабыть, что вЪ блистательное время *Лудовика* XIV, вЪ 1658 году, великій *Визирь МагметЪ Купроглифъ*, во время Аудіенціи, велѢлЪ ударить кулакомЪ по щекѢ, господина *Делагей Вантелета*, сына Французскаго посланника, который вЪ тогдашнее время, и самЪ уже былЪ тамЪ посломЪ и посредникомЪ между Турецкою державою и Венеціанскою республикою. Тогда у сего министра вышибли зубЪ, и его заключили вЪ темницу; а за что Порта употребила противЪ него таковую жестокость? За то, что онЪ не хотѢлЪ истолковать письма, которое писалЪ онЪ цыфрами, кЪ одному вельможѢ, или Проведитору Венеціанскому.

КакЪ сія Оттоманская Порта поступаетЪ сЪ министрами той державы, сЪ которою войну начинать хочетЪ? Она томЪ часЪ сажаетЪ ихЪ вЪ тюрьму; такимЪ образомЪ *Мустафа* нынѢшній СултанЪ, велѢлЪ запереть вЪ замокЪ *семи башенЪ* Полномочнаго Посланника Россійскаго. Сіе наглое оскорбленіе, нанесенное всѢмЪ государямЪ вЪ особѢ сего министра, получило довольное за себя отмщеніе, многими побѢдами графа *Румянцова*; Россійскими флотами, выплывшими изЪ нѢдрЪ

СѢвер-

Сѣвернаго моря, подъ предводительствомъ графовъ *Орловыхъ*, которые сожгли и превратили въ пепелъ Оттоманскіе флоты, предъ самымъ почти Константинополемъ; и завоеванїемъ четырехъ провинцїй, которыя Князья *Голицынъ* и *Долгоруковъ*, и многїе другїе славные генералы отняли у Имперїи Оттоманской.

Таковыя собранныя вкупѣ многія побѣды, вопїютъ велегласно протчимъ странамъ Европы: *Подражайте вы намъ и тѣмъ тиранство Турецкое истребится.*

По истиннѣ, ежели бы Римская Императрица *Марїя Терезїя*, захотѣла поручить свои войски, своему достойному сыну, то кто бы могъ ему воспрепятствовать, въ одну компанїю, овладѣть всею *Боснїею* и всею *Болгарїею*? Въ то время, какъ побѣдоносная ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II. армїя прошла бы до самаго Константинополя.

Колико разъ, графъ *Марсилли*, которому столь свѣдомо было Турецкое правленіе, намъ говорилъ, что легко бы можно было повергнуть на землю, сего великаго Колосса, который силенъ не отъ чего больше, какъ токмо отъ нашего другъ съ другомъ несогласія; и я тоже самое вмѣстѣ съ нимъ подтверж-

тверждаю; что мы сами въ томъ виноваты, ежели Европа за себя отмстить не можетъ.

Страшатся того, чтобъ Австрiйскiй домъ не усилился, и чтобъ Императоръ Римскiй не завладѣлъ Римомъ? Но лучше ли то будетъ, когда Турки имъ завладѣютъ? Давно уже намѣренiе ихъ къ тому стремится, и они могутъ когда нибудь произвести то въ дѣйство, ежели дадутъ имъ время отдохнуть и поправить свои убытки.

Еще болѣе того страшатся Россiи. Но чемъ сiя Имперiя могла бы быть опаснѣе Турецкой? И по что страшиться злополучiй отдаленныхъ и неизвѣстныхъ, когда можно отъ себя отвратить ближайшiе и настоящiе?

Возможно ли! Тоскану, отдали брату Императорскому; Пармезанскую область, сыну Короля Гишпанскаго; а у Папы отняли Беневанъ и Авиньонъ; однакожъ никто на то не возроптал; а страшатся отнять Европейскiе владѣнiи у непримиримаго врага всей Европы! Не смѣютъ ли Венецiане отобрать къ себѣ паки Кандiю; устрашатся ли возвратить Родосъ его Ковалерамъ, и восстрепещутъ ли изгнать изъ Грецiи Турка!

Въ будущее время потомки наши не возмогутъ понять: какъ имѣя столь способный

случай мы имъ не воспользовались. И ежели бы тотъ славный Пiастъ *Iоаннъ Собiески*, тотъ побѣдитель Турковъ, возвратился опять въ здѣшнiй свѣтъ, то чтобы онъ сказалъ, увидя своихъ соотечественниковъ соединившихся съ Турками противъ его преемника!

Глупые крестовые походы, продолжались въ прежнее время болѣе ста лѣтъ; а нынѣ мудрое соединенiе двухъ или трехъ Государей кажется не возможнымъ! Тогда многiе миллiоны людей, шли охотно на погибель въ Сирiю и въ Египетъ, а нынѣ трепещутъ и страшатся допустить взять Константинополь, когда и самъ Египетъ протягаетъ къ намъ руки! и сiе нещастное нерадѣнiе называется у насъ политикою! Истинная политика кажется должна быть та, чтобы изгнать наискорѣе общаго всѣхъ непрiятеля. Ежели въ предбудущее время потщится онъ васъ вооружить одного противъ другаго, то безъ сумнѣнiя вы не пропустите случая между собою перерѣзаться.

XXI.

XXI.

О САМОУБІЙСТВѢ.

ИЛИ

О убіеніи самаго себя.

сочиненное въ 1729 году.

Филиппъ *Морданъ*, родной братъ славнаго графа *Петерборуга*, столь извѣстнаго при всѣхъ дворахъ Европейскихъ, и похваляющагося быть первымъ человѣкомъ во всей вселенной; который видалъ болѣе всѣхъ, почталіоновъ и Королей; сей *Филиппъ Морданъ*, говорю я, былъ молодой человѣкъ 27 лѣтъ отъ роду, пригожъ собою, статенъ, богатъ, рожденный отъ блистательной крови, могущій достигнуть великой знатности, а всего еще лучше, любимый страстно своею любовницею. Сей *Морданъ*, почувствовалъ отвращеніе къ жизни, заплатилъ свои долги, написалъ къ друзьямъ своимъ прощательные письма, и

сочинилъ при томъ еще стихи, изъ коихъ послѣднимъ переводъ здѣсь предлагается.

Полезенъ ядъ тому, кому несносна здѣсь мука
Но по мнѣнью моему
Вмѣсто яда лишъ ему
Потребенъ пистолетъ, и неустрашимость духа.

Онъ точно поступилъ по сему своему мнѣнію, и выстрѣломъ пистолетнымъ поспѣшилъ прекратить жизнь свою, не объявя ни какой другой тому причины, какъ только; что душа его скучилася быть въ тѣлѣ, и что ежели кто не доволенъ своимъ домомъ, то непремѣнно надлежитъ изъ него выттиг Казалося, что онъ очень охотно хотѣлъ умереть, по тому что наскучилъ своимъ благополучіемъ.

Ришардъ Шмидтъ представилъ также свѣту чудное изъ себя позорище, однакожъ весьма отличнымъ отъ сего образомъ. Сей *Ришардъ Шмидтъ* наскучилъ быть совершенно нещастнымъ: онъ прежде былъ богатъ, а наконецъ здѣлался со всемъ убогимъ; былъ прежде очень здоровъ, а послѣ одержимъ былъ многими болѣзнями; онъ имѣлъ у себя жену, которой ничего не могъ болѣе удѣлить, кромѣ своего убожества; младенецъ въ колыбѣлѣ, единое только оставалося у

него

него имущество. И такъ оный *Ришардъ Шмидтъ*, и жена его *Брижетта Шмидтъ*, съ общаго согласія, обнявши другъ друга съ нѣжностію, и облобызавъ въ послѣдніе своего младенца, прежде всего лишили жизни сію невинную тварь, а по томъ удавились сами на столбикахъ своей кровати. Я ни гдѣ не находилъ ужаснѣе сего зрѣлища, что бы кто съ таковымъ холоднокровіемъ лишилъ себя жизни; и письмо, которое сіи нещастные передъ смертію своею писали къ г. *Бриндлею*, двоюродному своему брату, столь же странно и удивительно какъ и смерть ихъ.

„Мы думаемъ, писали они, что Богъ „отпуститъ грѣхи наши, и пр. Мы лишили „себя жизни, по тому что были нещастны, „не ожидая ни откудова себѣ помощи; и „нашему единородному сыну воздали тѣмъ „услугу, что и его вмѣстѣ съ собою умер„твили, страшась, чтобъ оставшись послѣ „насъ, не учинился онъ также какъ мы не„щастенъ, и проч„

Весьма достойно примѣчанія, что сіи люди изъ отеческой любви, лишивъ жизни своего сына, писали письмо къ одному своему пріятелю, въ которомъ препоручали ему свою

 кош-

кошку и собаку. Безъ сумнѣнія они думали, что легче было учинить въ свѣтѣ благополучными кошку и собаку, нежели младенца, и по тому не хотѣли тѣмъ быть въ тягость своему пріятелю.

Всѣ сіи печальные повѣствованіи, коими Аглинскіе газеты наполнены, заставляли думать всю Европу, что охотнѣе сами себя убивали въ Англіи, нежели въ другомъ какомъ государствѣ. Однакожъ я не знаю нѣтъ ли столько же сихъ глупцовъ и въ Парижѣ, какъ въ Лондонѣ. Можетъ быть, ежели бы во Французскихъ газетахъ вели подробное изчисленіе тѣмъ, которые по безумію своему захотѣли сами себя лишить жизни, и съ неустрашимостію то исполнили, то къ нещастію въ семъ случаѣ Французы Агличанамъ конечно бы не уступили; но Французскіе газеты скромнѣе Аглинскихъ: приключеніи частныхъ людей никогда не подвергаются переговорамъ публики, въ сихъ журналахъ одобренныхъ самимъ правительствомъ. Но я осмѣливаюсь съ увѣреніемъ сказать, что никогда не должно будетъ страшиться, чтобъ сія глупость самихъ себя убивать, учинилася когда либо заразительною болѣзнію; ибо сама природа предположила сему злу великія пре-

препоны; надежда и страхъ, суть сильнѣйшія пружины, коими она почти всегда удерживаетъ руку нещастнаго, готовящагося поразить себя смертоноснымъ ударомъ

Тщетно насъ увѣряютъ, будто были нѣкогда таковыя области, въ которыхъ учрежденъ былъ особливый совѣтъ, для позволенія гражданамъ убивать самихъ себя, когда имѣли они къ тому законныя и справедливыя причины; но я на противъ сего отвѣчаю, что или сіе со всемъ не справедливо, или начальники тѣхъ областей весьма мало другихъ дѣлъ имѣли.

Вотъ только что можетъ привести насъ во удивленіе, и что думаю заслуживаетъ важнаго изслѣдованія. Древніе Римскіе Герои почти всѣ сами себя лишали жизни, когда случалось имъ проиграть баталію въ междоусобныхъ сраженіяхъ, но я не вижу ни во время бывшихъ тайныхъ заговоровъ, ни въ Италіанскихъ и Аглинскихъ возмущеніяхъ, что бы кто ни будь изъ начальниковъ вознамѣрился умереть отъ собственной руки своей. То правда, что сіи начальники были Христіане, и что есть великое различіе въ здравости разсудка, между воиномъ Христіанскимъ и Языческимъ Героемъ; однакожъ для чего сіи люди, которыхъ

Христіанство удерживало отъ убіенія самихъ себя, ни чемъ не бывали удержаны, когда хотѣли они отравить ядомъ, или другимъ какимъ либо образомъ умертвить на ешафотахъ побѣжденныхъ своихъ непріятелей и пр.? Законъ Христіанскій не запрещаетъ ли чинить таковые убійства, еще болѣе нежели убіеніе самаго себя?

По что же *Катонъ*, *Брутусъ*, *Кассій*, *Антоній*, *Отонъ*, и многіе другіе, съ такимъ безстрашіемъ сами себя умертвили, а наши нѣкоторые начальники, на противъ того допустили себя повѣсить, или хотѣли влачить нещастную свою старость въ темницѣ? Нѣкіе ученые люди говорятъ, что сіи древніе воины не имѣли *истинной неустрашимости*; что *Катонъ* умертвивъ себя, доказалъ тѣмъ свою *трусость*, и что болѣе бы онъ оказалъ великости души, ежели бы съ гнусностію ползалъ передъ *Цесаремъ*; однакожъ сіе только хорошо изображать въ одѣ, или въ реторической фигурѣ. Весьма то справедливо, что сіе происходило не отъ робости, что съ толикимъ спокойствіемъ, доставили они себѣ сію кровопролитную смерть собственною своею рукою; и что должно имѣть довольно силы преодолѣть такимъ образомъ наисильнѣйшіе побуж-

побужденіи природы; и что на конецъ сіе ихъ самоубійство доказываетъ болѣе ихъ ярость, нежели слабость духа; когда больной придетъ въ безуміе, то не должно тогда говорить, что въ немъ нѣтъ силы, а надлежитъ лучше сказать, что сила въ немъ такая, какая бываетъ въ безумномъ человѣкѣ.

Законъ Языческій запрещалъ *Самоубійство* равно какъ и Христіанскій: у нихъ даже опредѣлялося мѣсто въ адѣ, для тѣхъ, которые сами себя умертвили.

Невѣжда здѣсь лежитъ, кой дерзкою рукой
Хотѣлъ пріобрѣсти чрезъ смерть себѣ покой;
Не въ силахъ что онъ былъ, слабъ бывши и нещастенъ,
Напасти снѣсть, что Богъ наслать ему былъ властенъ
Увы! онъ все желалъ въ блистаніи здѣсь жить,
И горьку въ свѣтѣ часть сто разъ перемѣнить;
А нынѣ плачетъ онъ, что съ жизнію разстался,
И умертвивъ себя, на вѣки мертвъ остался
Престрашный Ахеронъ, приведши его къ аду,
Поставилъ межъ его и жизнію преграду.

Таковъ былъ законъ Язычниковъ, однакожъ не взирая на мученіи, обѣщанные имъ въ будущемъ вѣкѣ, они почитали себѣ за честь,

честь, оставлять здѣшній свѣтъ и самихъ себя убивать; толико суть не согласны человѣческіе нравы. Между нами поединокъ не почитается ли по нещастію и нынѣ за весьма честное дѣло, хотя онъ также запрещенъ какъ здравымъ разсудкомъ, такъ вѣрою и всѣми законами? Ежели *Катонъ* и *Цесарь*; *Антоній* и *Августъ*; не билися между собою на поединкахъ, то изъ сего не можно заключить, чтобъ они не были столь же храбры какъ наши Французы; и ежели Герцогъ де *Монтморенцій*, маршалъ де *Мориллакъ*, *Дету*, С. *Марсъ*, и многіе другіе, хотѣли лучше быть влеченными въ колесницѣ на мучительную казнь, яко воры и разбойники, нежели подобно *Катону* и *Брутусу*, умертвить себя своею рукою; то и сіе также было не отъ того, чтобъ не имѣли они столько же неустрашимости, какъ сіи Римляне, и чтобъ не заключали въ себѣ столько же того, что имянуютъ честію; но истинная тому была причина та, что въ тогдашнее время не было во употребленіи въ Парижѣ убивать себя въ подобныхъ случаяхъ, а было то во употребленіи въ Римѣ.

Женщины на брегахъ Малабарскихъ, бросаются живыя на горящій костеръ, на которомъ

ромъ сожигаются тѣла умершихъ ихъ супруговъ: и такъ по сему не уже ли онѣ имѣютъ въ себѣ болѣе неустрашимости, нежели *Корнелій*? Конечно нѣтъ, но въ сей странѣ такой обычай, что женщины съ тѣлами мужей своихъ живыхъ себя сожигаютъ.

Обычай! Ты судьбой нашей повелѣваешъ,
Ты смертныхъ жизнiю и смертью управляешъ,

XXII.

ЧЕЛОБИТНАЯ
КО ВСѢМЪ СУДЬЯМЪ
Французскаго Королевства.

Сочиненная тремя стряпчими изъ парламента 1769 года

Наиполезнѣйшая часть человѣческаго рода, та которая васъ питаетъ, вопіетъ изъ нѣдръ своего убожества къ своимъ защитникамъ.

Вамъ извѣстны наши труды, кои вырываютъ у насъ столь часто хлѣбъ, который приготовляемъ мы для самихъ нашихъ притѣснителей. Алканіе къ грабежу, причиняющее намъ нещастіе, также вамъ не безъизвѣстно. Вы покушались болѣе одного раза, облегчить иго насъ отягчающее, и мы за то молимъ за васъ Бога, и желаемъ вамъ всякаго блага, хотя безпрестанно произносимъ вопль и проливаемъ слезы.

Мы

Мы платимъ всякіе государственные поборы безъ роптанія; положенные на насъ подати, пошлины, подушные, двойную дватцатную деньгу; и даемъ стоящимъ у насъ солдатамъ всякую нужную имъ посуду, и ихъ кормимъ; однимъ словомъ, всякаго рода подати и пошлину, со всего того, что служитъ къ нашему бѣдному одѣянію, и наконецъ, десятинный зборъ нашимъ попамъ, со всего, чемъ земля труды наши вознаграждаетъ, а они ни мало въ наше бѣдное состояніе не входятъ, (*) и такъ при концѣ года, весь плодъ нашихъ трудовъ, со всемъ для насъ изчезаетъ. Ежели же когда, хотя одну минуту получимъ мы на отдохновеніе, тогда таскаютъ насъ на самыя тяжкія работы, за двѣ или за три мили отъ нашего жилища, и тогда какъ мы, такъ равно наши жены, наши дѣти, и наши рабочіе скоты, бываемъ отъ сихъ тягостныхъ трудовъ изнурены, а иногда отъ усталости на дорогѣ и умираемъ. Пусть хотя бы уже понуждали насъ къ сему жестокому бремяни, во время нашей празд-

(*) Во всѣхъ областяхъ, Россійской Имперіи, простирающейся около милліона и двухъ сотъ тысячь миль въ квадратѣ, и почти во всѣхъ земляхъ протестанскихъ, попы содержатся на казенномъ содержаніи.

ности, а то часто таскают насъ въ такія минуты, когда жнитво и собираніе хлѣба къ себѣ насъ призываютъ. Насъ принуждаютъ оставлять наше жнитво, и погублять нашъ хлѣбъ насущный, для того, чтобъ итти украшать большія дороги, въ шестьдесятъ футовъ шириною, хотя бы и двадцати футовъ для оной было довольно. (§) Сіи великолѣпныя и безполезныя дороги, отнимаютъ у государства большую часть лучшей его земли, которую наши руки со успѣхомъ бы удобряли.

У насъ отнимаютъ наши поля, наши виноградные сады и наши луга, и понуждаютъ превращать ихъ въ увеселительныя дороги; насъ отрываютъ отъ сохи и заставляютъ трудиться для собственнаго нашего раззоренія; а единственная награда за сей трудъ, состоитъ только въ томъ, чтобъ мы видѣли по наслѣдственнымъ нашимъ землямъ проѣзжающія кареты нашего Провинціальнаго Исправника, Епископа, Аббата, Откупщика, и другихъ знатныхъ вельможъ, кои топчутъ ногами

(§) Большія дороги у Римлянъ были только въ пятнадцать футовъ шириною, кои по нынѣ еще цѣлы, и находятся въ томъ же положеніи.

ногами лошадей своихъ, ту землю, которая напредъ сего служила къ нашему пропитанію.

Однакожъ всѣ сіи злощастіи, толико насъ отягчающіе, не суть нынѣ предмѣтомъ нашей жалобы; доколѣ доставать будетъ нашихъ силъ, мы трудиться будемъ; ибо надлежитъ или умереть, или принять сіе намѣреніе.

Нынѣ мы ни о чемъ васъ болѣе не просимъ какъ только, о дозволеніи намъ роботать, какъ для собственнаго нашего, такъ и для вашего питанія; въ перьвое великопостное воскресеніе, и въ другіе праздники.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

О ПОСТѢ.

Всѣ наши дни, суть дни трудовъ и изнуренія; хлѣбопашство требуетъ нашего поту, равно и въ великопостное воскресенье, какъ и въ другія времяна года. Мы во весь годъ постимся; не извѣстно ли всѣмъ, что мы почти никогда не ѣдимъ мяса: увы! уже то

доказано, что ежели бы всѣ до одного, ѣли во весь годъ мясо, то не достало бы его и по четыре Фунта на мѣсяцъ для каждаго. Не многiе изъ насъ имѣютъ и то утѣшенiе, что бы ѣсть мясной бульонъ, во время болѣзни своей. Насъ увѣряютъ, что въ постъ, былъ бы для насъ великiй грѣхъ, съѣсть хотя одинъ кусокъ гнилой и заплѣснѣвѣлой ветчины съ нашимъ черным решетнымъ хлѣбомъ. При томъ извѣстно намъ и то, что прежде сего, въ нѣкоторыхъ провинцiяхъ, судьи осуждали на смертную казнь тѣхъ, кои будучи изнуряемы несноснымъ голодомъ, съѣли въ постъ одинъ только кусокъ лошадинаго мяса, или другой какой мертвячины, брошенной въ яму (*) въ то время, какъ въ Парижѣ славной откупщикъ содержалъ на подставахъ почтовыхъ лошадей, которыя каждый день при-

(*) Списокъ съ рѣшительнаго приговора, безъ подтвержденiя вышняго суда, учиненнаго главнымъ судьею, монаховъ С. *Клавдiя*, 28 Iюля 1629 года.

Мы разсматривая свое производство суда, и мнѣнiе докторовъ правъ, признаемъ реченнаго Вильгельма, простаго дворянина, справедливо обвиненнымъ, и уличеннымъ, въ томъ, что 31 числа прошедшаго мѣсяца Марта, въ день суботнiй въ постъ, онъ похитилъ нѣсколько кусковъ мертвой лошадины

привозили къ нему свѣжую морскую рыбу, изъ Дїеппа. Онъ слѣдуя закону, рачительно сохранялъ постъ, и торжествовалъ съѣдая съ своими объѣдальщиками въ каждый день на двѣсти таллеровъ рыбы; а мы ежели съѣдимъ за двѣ только полушки сквернаго и не вкуснаго мяса, то насъ за то ведутъ на висѣлицу, и сверхъ того, угрожаютъ еще намъ осужденїемъ на вѣчную муку.

Но нынѣ сїи ужасные времяна уже перемѣнились; однакожъ всегда, весьма намъ трудно прїобрѣсть наше спасенїе. Мы не имѣемъ у себя ничего, кромѣ ржанаго, или каштановаго, или ячменнаго хлѣба; яицъ отъ нашихъ куръ, и сыру здѣланнаго изъ молока

 на-

брошенной въ яму, на лугу близъ сего города и 1 числа Апрѣля имъ ѣлъ; за что, въ наказанїе за учиненное имъ прегрѣшенїе, мы его осуждаемъ на отсѣченїе головы на Ешафотѣ постановленномъ на площади близъ рынка, и пр.

По семъ слѣдуетъ обстоятельное описанїе производства дѣлъ, въ судѣ, касающемся до приговора о смертной казни.

N B Судьи мѣщанскаго приказа, не могли безъ подтвержденїя вышняго суда, рѣшить никакого дѣла, которое стоило свыше пяти сотъ ливровъ; а проливать человѣческую кровь, властны были и безъ подтвержденїя сего суда.

нашихъ коровъ и нашихъ козъ. И самыя рыбы изъ рѣкъ и изъ озеръ весьма дороги, для убогихъ и неимущихъ жителей деревенскихъ; ибо они не имѣюшъ права въ ловленіи оной рыбы; а вся она отвозится въ большіе города, и продается тамъ за такую цѣну, за которую намъ ни какъ купить ее не возможно.

Во многихъ нашихъ провинціяхъ запрещено ѣсть яицы, а въ другихъ и сыру также ѣсть не позволено. Говорятъ, что зависитъ отъ

Главный судья сей земли, называемый *Богетъ*, похваляется въ своей книгѣ о Еретикахъ, напечатанной въ Ліонѣ въ 1607 году, что онъ сожегъ, 700 Еретиковъ. Онъ у ѣряетъ во оной книгѣ, на 39 страницѣ, что и *Магометъ* былъ также Еретикъ, и что онъ имѣлъ при себѣ быка и голубя, въ которыхъ образъ діаволы превращены были.

Историки никогда насъ не увѣдомляли о сихъ гнусныхъ, страшныхъ и мучительныхъ казняхъ. Они только лишъ говорятъ о придворныхъ ухищреніяхъ и о пронырствахъ, коихъ большая часть изъ нихъ сами ни какъ не понимали; а позабываютъ о всемъ томъ, что принадлежитъ до человѣколюбія: они не вѣдаютъ до какого степени мы были варварами и мучителями, и что еще и по нынѣ не со всемъ въ насъ истребилось сіе мерское и не нашстное варварство, которое столь много унижало насъ предъ дикими народами.

отъ совершенной власти Епископа, запретить намъ ѣсть и яицы и молошное кушанье; такъ что мы осуждены, или грѣшить (какъ говорятъ) смертно, или помирать съ голоду, по своенравію единаго человѣка, отдаленнаго отъ насъ за десять или за двенатцать миль, котораго мы никогда не видали, и во весь вѣкъ нашъ не увидимъ; для его наше убожество трудится и работаетъ, а онъ наслаждаяся чрезмѣрно великимъ доходомъ, живетъ въ спокойствѣ и изобиліи; въ постъ пріобрѣтаетъ онъ свое спасеніе, кушая самыхъ лучшихъ морскихъ рыбъ, и пивши бургонское вино; да и еще того лестнѣйшимъ, какъ сказываютъ, наслаждается онъ блаженствомъ, то есть, имѣетъ власть и могущество надъ всѣми въ здѣшнемъ свѣтѣ.

И такъ скажите намъ теперь разумные судіи: питаніе народа, не должно ли точно зависѣть отъ градоначальства, и надобно ли чтобы оно зависило отъ посредственной власти единаго человѣка, который не имѣетъ и не можетъ никогда имѣть ни какого права надъ благоучрежденнымъ правленіемъ государства?

Мы вѣримъ, что Епископъ имѣетъ право предписывать намъ подъ угроженіемъ

 смерт-

смертнаго грѣха, воздержанie отъ пищи, во время святаго поста, и въ другie времяна, назначенные церковiю. Тогда по соборному преданiю святыхъ отецъ, употребленie мяса запрещается, равно и богатымъ такъ какъ мы не употребляемъ его во весь годъ, по нашему убожеству. Но чтобъ могъ еще быть кто ни будь посредникъ, въ заповѣданiяхъ церкви, то сего мы никакъ постигнуть не можемъ; и чтобъ одинъ человѣкъ, по своему своенравiю, могъ лишать насъ въ постъ, и самой послѣдней бѣдной нашей пищи, оное кажется намъ, такъ какъ бы хотѣли у насъ отнимать нашу жизнь, запрещая намъ употреблять и самую убогую пищу. И такъ для сего мы нынѣ нещастную нашу жизнь повергаемъ подъ ваше покровительство.

Вамъ единымъ обремененнымъ должностiю всеобщаго благоустройства въ здѣшнемъ государствѣ, надлежитъ разсмотрѣть, что законъ нужды, есть первый изъ всѣхъ законовъ, и что Пастыри нашихъ душъ, не могутъ имѣть никакой власти, изнурять голодомъ тѣла своихъ овецъ, запрещая намъ ѣсть и яицы отъ нашихъ куръ, и худые сыры, руками нашими здѣланные; безъ сей требуемой нами у васъ защиты, судьба и самыхъ

гну-

вкуснѣйшихъ нашихъ скотовъ была бы гораздо предпочтительнѣе нашей. Конечно мы постимся, однакожъ вамъ единымъ, надлежитъ войтить въ разсмотрѣніе той бѣдной и убогой пищи, которую пашни наши намъ доставляютъ. Помощники Генеральныхъ Прокуроровъ и всѣ нижніе судіи вѣдаютъ, что мы ничего кромѣ яицъ и сыра у себя не имѣемъ, и что одни только богачи, имѣютъ въ Мартѣ мѣсяцѣ наилучшіе плоды въ своихъ оранжереяхъ, и рыбу въ садкахъ своихъ.

Мы согласны во весь вѣкъ нашъ поститься, однакоже не хотимъ помирать съ голоду. Церковь предписываетъ намъ воздержность отъ пищи, а не голодъ. Намъ говорятъ, что сіи законы предаются намъ изъ Италіи: что сія Италія должна владычествовать надъ Франціею, и что наши Епископы, не могутъ быть иначе Епископами, какъ по дозволенію нѣкоего человѣка живущаго въ Италіи; сіе то самое и превосходитъ слабое наше понятіе, и въ семъ то случаѣ прибѣгаемъ мы къ вашему просвѣщенію. Однакожъ то совершенно намъ извѣстно, что въ полуденныхъ странахъ Италіи родятся разные вкусные плоды, служащіе во время поста для пищи; а въ нашемъ толико отъ всѣхъ выхваляемомъ Климатѣ, въ сіе время

 при-

природа для нашего питанія оныхъ не производитъ; мы слышимъ воспѣванïе и прославненïе весны, людьми живущими въ городѣ, но въ нашихъ сѣверныхъ провинцïяхъ, извѣстна намъ весна по одному только ея названïю.

И такъ по сему надлежитъ вамъ судить: не требуетъ ли сïе различïе въ земляхъ, равномѣрнаго различïя и въ законахъ, и что сей предмѣтъ долженъ дѣйствительно зависѣть отъ гражданскаго а не отъ духовнаго правленïя, въ которомъ вы главнѣйшïе начальники.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Приступимъ теперь къ нашимъ работамъ въ праздничные дни.

Мы васъ просили о дозволенïи намъ продолжать нашу жизнь, а теперь просимъ дозволенïя работать. Святая Церковь повелѣваетъ намъ присудствовать при божественной службѣ, какъ въ воскресный день, такъ и въ другïе праздники; и мы сïе тщательно исполняемъ, и рачительно слѣдуемъ ея уставамъ. Мы оное почитаемъ для себя священ-

священнѣйшею должностїю. Но сїя самая церковь, да посудитъ сама, не лучше ли послѣ служенїя Богу, служить человѣкамъ, нежели тратить наше время въ праздности, и лишаться разума и силъ, упиваясь въ кобакѣ.

Однакожъ, не церковь узаконила брать успокоенїе въ день воскресный, а насъ увѣряютъ, что Императоръ *Константинъ* перьвыи, изданнымъ своимъ указомъ въ 331 году, повелѣлъ, чтобы день солнца, который послѣ у насъ названъ воскресенїемъ, посвященъ былъ успокоенїю; однакожъ тѣмъ же самымъ указомъ, позволилъ онъ трудиться въ землепѣлїи.

Отъ чего же произошло, что сїе полезное учрежденїе нынѣ со всемъ перемѣнилось? По что въ толикое множество установленныхъ праздниковъ, повелѣваетъ оно пребывать цѣлые дни въ праздности и въ безумномъ пьянствѣ; тогда земля противу насъ вопїетъ, и обвиняетъ наши руки, что онѣ не тщатся ее обработывать? Возможно ли! въ большихъ городахъ въ *Стретеньевъ* день и во дни, *Захарїя и Елисаветы*, *С. Матвея*, *С. Симона*, *С. Іуды*, и *С. Іоанна Крестителя*, позволено ходить толпою въ комическую оперу, и слушать тамъ шуточныя и любовныя рѣчи, кои не инымъ чемъ удаляются отъ скверно-

 словїя,

словія, какъ только нѣкоторымъ соблюденіемъ умѣренности и нѣжности въ выраженіи! а намъ питателямъ всего человѣческаго рода, не позволяется во оные дни производить нашу работу, самимъ Богомъ узаконенную! игры и забавы во всѣхъ домахъ позволены, а пахані е земли и сѣяніе хлѣба, въ деревняхъ за великой грѣхъ почитаютъ.

Намъ на сіе отвѣтствуютъ, что нашъ приходскій священникъ, можетъ намъ позволить исполнять сію святую и божественную работу, когда ему за благо разсудится. Ахъ! разумные судіи! всегда ли долженъ быть посредникъ! увы! ежели сей священникъ богатъ, и презираетъ бѣдными подарками убогихъ своихъ прихожанъ; и естьли при томъ имѣетъ онъ еще съ ними нѣкую тяжбу, что весьма часто случается, то тогда, получить оное дозволеніе, во весь годъ ни какой не можно имѣть надежды.

Надлежитъ, чтобъ земледѣліе было или зломъ или добромъ. И такъ ежели оно почитается за зло, то никакая власть не можетъ имѣть права его дозволить; ежели же почитаютъ его добромъ, то также никакая власть запретить его не можетъ. Но можетъ быть скажутъ, что оно есть дѣло

доброе,

доброе, когда исполняется въ день такого святаго, котораго не празднуютъ; а погрѣшительно въ день того святаго, котораго празднуютъ и торжествуютъ. Однакожъ мы различія сего со всемъ не разумѣемъ. Мы просимъ васъ просто, разсмотрѣть, что сіе земледѣліе должно зависѣть, отъ духовнаго правленія или отъ гражданскаго; и свѣтскимъ ли судіямъ, живущимъ въ открытомъ свѣтѣ, надлежитъ входить въ изслѣдованіе, когда земледѣліе находится въ толикомъ небреженіи, и когда хлѣбъ требуетъ скорѣйшей и рачительнѣйшей нашей прилѣжности въ работѣ; или сіе разсмотрѣніе принадлежитъ Епископу, заключенному въ своей кельѣ?

Вы служители Господни! наставляйте людей благочестію; а вы судіи, ободряйте работу, которая есть защита и охраненіе добродѣтели. Двантцать излишнихъ въ государствѣ праздниковъ, повергаютъ работныхъ людей въ праздность и въ невоздержную жизнь; въ сіи двантцать дней, десять милліоновъ работниковъ, могущихъ на каждый день сработать на десять копеекъ, теряютъ какъ у себя, такъ и у всего государства прибыли на каждый годъ около десяти

милліоновъ, нашихъ Французскихъ таллеровъ. Сія печальная истинна уже доказана, и великое предъ нами преимущество Протестанскихъ народовъ, довольно насъ въ томъ увѣряетъ. Она была чувствуема въ Римѣ, гдѣ земля не можетъ пропитать всѣхъ своихъ жителей. Тамъ убавили праздниковъ; однакожъ польза отъ того была посредственна, ибо тамъ для земледѣлія не достаетъ рукъ, по тому что въ семъ государствѣ находится гораздо болѣе поповъ, нежели хлѣбопашцевъ; тамъ каждый достигаетъ до своего щастія, говоря, что онъ лучше хочетъ на землѣ быть учителемъ, нежели земледѣльцемъ; и такимъ образомъ почти никто ее не удобряетъ. Австрійскія владѣніи получили гораздо болѣе пользы отъ умаленія праздниковъ. И такъ да будутъ они почитаемы въ одномъ только днѣ воскресномъ, и пусть успокоеніе отъ трудовъ, въ сей святый день будетъ позволено, однакожъ надлежитъ, чтобъ то было не принужденно. Какой законъ можетъ принуждать ничего не дѣлать, и пребывать въ праздности? Какъ возможно! чтобъ наказывать человѣка за то, что послѣ служенія и моленія Богу, онъ дѣлаетъ услугу подобнымъ себѣ человѣкамъ.

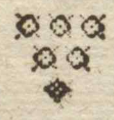
Ежели

Ежели по нашему невѣденїю, мы здѣсь сказали нѣчто противное законамъ, то отпустите нашему невѣжеству, которое проистекаетъ отъ всегдашней и необходимой нашей бѣдности. Но соблаговолите однакожъ разсмотрѣть: что хотя законодательная духовная власть едина учредила воскресный день; но не одной ей надлежитъ входить въ наблюдении благочиния и порядка, какъ въ сей день, такъ и во всѣ другїе праздники.

Наконецъ, пусть церковь подаетъ намъ свои благочестивые совѣты; но Государь пусть оными управляетъ; а истолкователи законовъ, предстоящїе близъ Монаршаго престола, должны испрашивать и имѣть попеченїе о законахъ, полезныхъ для всего человѣческаго рода. Ибо по истиннѣ, Государь долженъ пещись равно о всѣхъ своихъ подданныхъ.

Мы не требуемъ никакого убавленїя изъ истинныхъ правъ церкви, сохрани насъ отъ того Боже! но униженно просимъ о правахъ гражданской власти, для благосостоянїя всего Французскаго народа, въ коемъ дѣйствительно есть болѣе десяти миллїоновъ нещастныхъ тварей, кои въ жизни своей пре-

претерпѣваютъ крайній недостатокъ; и скрываютъ свое убожество; между тѣмъ какъ нѣсколько тысячь блистательныхъ Вельможъ, притворно представляютъ себя благополучными, и являясь съ надменною пышностію предъ иностранными, имъ говорятъ: *Судите по насъ о Франціи.*

XXIII.

XXIII.

ВОПЛЬ НАРОДНЫЙ.

Гишпанія, которая была спокойнымъ жилищемъ Езуитамъ, *Французскій Парламентъ*, который съ самаго установленія сихъ монаховъ всегда законно противу ихъ вооружался; *Португаллія*, которая съ лишкомъ много претерпѣла бѣдствій отъ ихъ вредоносныхъ правилъ; *Неаполь*, *Сицилія*, *Парма* и *Мальта*, которымъ также они были извѣстны; всѣ вы наконецъ очистили отъ нихъ ваши земли; не для того чтобы не было между ими людей добродѣтельныхъ и полезныхъ, но для того что во обще, разумъ сихъ чернецовъ, былъ противенъ пользѣ всѣхъ народовъ, и для того что дѣйствительно они составляли войско нѣкоего иностраннаго владѣльца.

Въ семъ то видѣ, просвѣщенный разумъ почти всѣхъ державъ Католическихъ, налагаетъ нынѣ законное обузданіе на своеволіе монаховъ, кои прежде почитали себя никакимъ законамъ не подвластными. Сія благополучная перемѣна, которая почиталась со всемъ

не

не возможною въ прошедшие вѣки, хотя очень легко можно было ее исполнить, принята была нынѣ съ радостнымъ восклицанiемъ, отъ всѣхъ народовъ. Нынѣ люди здѣлавшись просвѣщеннѣе, учинилися чрезъ то разумнѣе и менѣе нещастны Сiя перемѣна, произвела бы проклятiе, отлученiе отъ церкви, и междуусобiи, во времяна варварскiе; а въ нынѣшнiй просвѣщенный вѣкъ, слышны были повсюду радостные восклицанiи.

Тѣ самые народы, кои благословляютъ своихъ Государей и ихъ премудрое правленiе, что начали они сiе столь великое и важное дѣло, надѣются, что оно не останется уже недовершеннымъ. Но когда изгнали *Езуитовъ*, за то что они были главнѣйшимъ орудiемъ, всѣхъ требованiй двора Римскаго, то какъ было бы возможно оставить въ своемъ дѣйствiи сiи требованiи? Какъ можно! чтобъ наказывали тѣхъ, кои служатъ имъ нѣкоторою токмо подпорою, а съ терпѣнiемъ бы еще и понынѣ сносили великiе притѣсненiи отъ тѣхъ, которые требованiи оные исполняютъ?

О ежегодныхъ податяхъ Папѣ.

Отъ чего сіе произходитъ, что *Франція Гишпанія* и *Италія* платятъ еще и понынѣ ежегодные подати Епископу Римскому? Государи жалуютъ въ Епископское достоинство, а церковъ сообщаетъ имъ даръ святаго духа. Сіи два дара, по истиннѣ не имѣютъ ничего между собою общаго. Государи установили сіе духовное мѣсто, которое пользуется нѣкоторымъ доходомъ; или лучше сказать, они наслѣдуютъ сіе право, отъ тѣхъ самыхъ Государей, кои оное учредили. И такъ, таковое жалованіе, зависитъ непосредственно отъ короны, ибо единственно по милости Государя, а не Епископа иностраннаго, Епископъ становится Епископомъ. Не Папа сообщаетъ ему даръ святаго духа, а онъ получаетъ оный отъ посвещенія и рукоположенія нѣкоторыхъ другихъ той же земли Епископовъ. Слѣдственно, естьли долженъ онъ платить Папѣ нѣкоторую сумму денегъ за свое посвященіе, то воономъ есть оскорбленіе государственному правленію; а буде сіи деньги платитъ онъ за полученіе святаго духа, то оное можно почесть продажею святыхъ вещей; нѣтъ никакого въ томъ посредства.

средства. Хотѣли только прикрыть нѣкоторымъ видомъ, сей торгъ, оскорбляющій какъ законъ такъ и государство, но никогда не могли ему придать справедливости.

Говорятъ, что сіе право уполномочено чрезъ договоръ, учиненный между Королемъ *Францискомъ* I, и Папою *Леономъ* X. Но возможно ли! когда въ то время имѣли они одинъ въ другомъ нужду, или естьли тогдашніе ихъ пользы, тѣсно ихъ другъ съ другомъ соединяли, то должно ли, что бы нынѣ Государство отъ того столь великій вредъ и притѣсненіи претерпѣвало? Надлежитъ ли платить вѣчно то, чего платить со всемъ не слѣдуетъ, и должно ли быть невольникомъ въ 18 вѣкѣ, для того что въ 16, были люди глупые и не просвѣщенные?

О разрѣшеніяхъ.

Платятъ весьма дорого Риму за разрѣшеніе жениться на двоюродной сестрѣ и на племянницѣ. Естьли таковые браки прогнѣвляютъ Бога, то какая власть на землѣ, могла бы имѣть право ихъ позволить? И когда Богу оное противно, то къ чему служитъ и разрѣшеніе! Ежели же сіе разрѣшеніе

необхо-

необходимо нужно; то по что *Шампанецъ* и *Пикардецъ* должны его требовать, и платить за него деньги Первосвященнику Италіанскому? Сіи *Шампанцы* и *Пикардцы* не имѣютъ ли своихъ собственныхъ судебныхъ мѣстъ, кои могутъ разсматривать ихъ брачные договоры, и своихъ Священниковъ, которые по таковымъ брачнымъ договорамъ, исполняютъ таинство бракосочетанія.

Не постыдное ли то рабство, которое со всемъ противно, какъ правамъ человѣческимъ, такъ достоинству короны, священному закону, и самой природѣ, чтобъ платить иностранцу за позволеніе жениться въ своемъ отечествѣ?

Сіе гнусное мучительство, довело наконецъ до того, что всѣ почитаютъ, будто бы одинъ только Папа имѣетъ право дать дозволеніе за деньги, крестному сыну жениться на своей крестной матери. Но что такое значитъ крестная мать? Она не что иное, какъ женщина со всемъ безполезная при крещеніи мальчика: тутъ нуженъ одинъ только крестной отецъ, а она послѣдуя только ему, отрицается, или отвѣчаетъ за младенца, что онъ будетъ Христіаниномъ. И такъ единственно для того, что она отвѣчала

за него, что онъ будетъ сохранять священные правила Христіанства, почитается за преступленіе исполнить съ нею брачные тайны, Христіанскимъ закономъ позволенные. Одинъ только Папа имѣетъ власть премѣнить сіе преступленіе въ дѣло дозволительное и священное, посредствомъ заплаченной ему суммы денегъ.

Сіе мнимое преступленіе не менѣе также почиталося важнымъ и между кумомъ съ кумою; они отрицались при крещеніи младенца рожденнаго въ *Бавіерѣ*, въ томъ что онъ будетъ Христіаниномъ, то для того и не могутъ никогда сочетаться бракомъ, естьли Первосвященникъ Римскій не получитъ отъ нихъ великой суммы денегъ въ заплату за разрѣшеніе! Такимъ то образомъ поступаютъ съ бѣдными человѣками! да они того и достойны, по тому, что таковое безчеловѣчіе сносятъ терпѣливо.

О БУЛЛѢ (*) IN COENA DOMINI.

Буллу in coena domini, не менѣе можно почесть наистраннѣйшимъ и достопамятнѣйшимъ

(*) Булла, Папской указъ, или узаконительная грамота Папы.

тимъ знакомъ безумнаго самовластїя, которое съ давняго времяни присвоилъ себѣ дворъ Римскїй. Буллы, *Григорїя* VII, *Инокентїя* IV, *Григорїя* IX и *Вонифантїя* VIII, были безъ сомнѣнїя бѣдственнѣе и вредительнѣе для человѣковъ, по тому что тогда всѣ пребывали въ великомъ невѣжествѣ; но Булла in coena domini, тѣмъ болѣе примѣчанїя достойна, что она была выдана въ такїе времяна, когда люди начинали уже выходить изъ того мрачнаго невѣжества, въ которомъ вся Европа чрезъ столь долгїе вѣки пребывала. Вся Англїя и половина Рима возмутясь въ 16 вѣкѣ противъ несносныхъ притѣсненїй Римскихъ, казалося, тѣмъ возвѣщали сему двору, чтобы онъ умѣрилъ свое самовластїе. Однакожъ не взирая ни на благопристойность, ни на божественные и человѣческїе права, Епископъ Римскїй *Пїй* V не умедлилъ издать сїю Буллу, которую торжественно провозглашаютъ въ Римѣ, каждый годъ въ четвертокъ на страстной недѣлѣ, съ наивеличайшею и печальною церемонїею. Въ сей день предаютъ проклятїю всѣхъ властей, всѣхъ Епископовъ, и всѣхъ тѣхъ наконецъ, кои призываютъ къ будущему Собору; всѣхъ корабельныхъ начальниковъ, кои ѣздятъ по

 морю

морю у бреговъ земель духовныхъ; всѣхъ тѣхъ, которые остановляютъ промышленниковъ, доставляющихъ для Папы мясо; всѣхъ Государей, ихъ Канцлеровъ, ихъ Парламенты, или вышніе судилища, которые вспомоществуютъ къ собиранію податей съ духовенства, подъ какимъ бы то правленіемъ ни было; и всѣ Правительства, а особливо тѣ Парламенты, кои противятся принятію поученія отъ Трентскаго собора. Одинъ только Папа, можетъ простить, приличившихся въ сихъ важныхъ преступленіяхъ: имъ надлежитъ приходить въ Римъ просить себѣ прощенія у великихъ намѣстниковъ Папскихъ, кои долженствуютъ ихъ ударять своими посохами. Такимъ образомъ всѣ Парламентскіе во Франціи члены, должны странствовать въ Римъ, чтобъ быть тамъ сѣченными прутьями въ церквѣ св. *Петра*: да для чего же и не такъ? и великій *Генрихъ* IV получилъ таковое наказаніе, отъ Прокурора, по спинамъ *Оссатскаго* и *Перронскаго* Кардиналовъ.

О судіяхъ опредѣляемыхъ Римомъ.

Попъ, во Французскихъ провинціяхъ, бываетъ судимъ по всей формѣ духовныхъ законовъ,

коновъ въ Консисторіи у своего Епископа; по томъ призываютъ его къ Архїепископу, а оттудова къ Примасу. Кажется сего было бы и довольно. Надлежитъ ли еще четвертое судилище, для конечнаго его раззоренія? и должно ли что бы Римъ, избиралъ еще другихъ для него судей? Сїе называется призывать его ко Апостоламъ. Но мы ни въ какомъ писаніи не видимъ, что бы Апостолы, когда рѣшили дѣла въ Iерусалимѣ, по переносу къ нимъ изъ судебныхъ мѣстъ отъ *Галлатовъ*.

Какїе могутъ быть причины, всѣхъ сихъ требованїй?

Притѣсненіи Римскаго двора, весьма суть велики и раззорительны, а требованіи его очень многочисленны. Но на чемъ они основаны? и по что Епископъ Римскїй поставляетъ себя властителемъ надъ церковію, и главнымъ начальникомъ надъ всѣми законами и надъ Государями? Не для того ли что онъ называется Папа? Но подобнымъ сему названіемъ, всякїй священникъ именуется Попъ въ Греческой церквѣ, которая есть мать церкви Рим-

ской, и которая никогда не согласовалася на таковые притѣснении, каковые оная дочь ея церковь Римская употребляетъ. Или не для того ли что Іисусъ Христосъ точно сказалъ сими словами ученикамъ своимъ: *Тако будутъ послѣдніи первіи, и первіи послѣдніи*? Или не для того ли, что онъ же сказалъ: *иже аще хощетъ въ васъ вящшій быти, да будетъ вамъ слуга; и иже аще хощетъ въ васъ быти первый, буди вамъ рабъ.*

Или можетъ быть для того, что Папы называютъ себя наслѣдниками святаго Апостола *Петра*? Однакожъ то доказано, что *св: Петръ* никогда не имѣлъ ни какого начальства надъ другими Апостолами, своими собратіями; да и то также не менѣе доказательно, что *св. Петръ* ни когда не бывалъ въ Римѣ; ибо ежели бы онъ когда былъ въ семъ городѣ, то въ дѣяніи Апостольскомъ о томъ было бы сказано; да и первая церковь построенная въ Римѣ, была бы создана въ честь *св. Петру*, а не *св. Іоанну*, и тогда сія церковь С. *Іоанна*, не почиталася бы еще и по нынѣ Римлянами за первую восточную церьковь.

. . . .

. . . .

Воз-

Возможноли! чтобъ на таковыхъ ложныхъ увѣреніяхъ, человѣческое неразуміе, основывало во времяна варварскіе и не просвѣщенные, наичрезвычайнѣйшую власть съ обидою и притѣсненіемъ земныхъ обитателей. И оная власть почитается еще справедливою и священною.

Тѣ, кои хотѣли придать нѣкую тѣнь сраведливости, симъ непостижимымъ притѣсненіямъ, увѣряли, что Римъ будучи столицею міра гражданскаго, долженъ быть также столицею міра Христіанскаго. И такъ въ разсужденіи сего, ежели бы Императоръ *Карлъ* великій, здѣлалъ столицу своей Имперіи въ *Вожирардѣ*; естьли бы потомки его на всегда сіе установленіе сохранили непоколебимымъ, и ежели бы наконецъ въ *Вожирардѣ* былъ Епископъ, то сей Архіерей безъ сомнѣнія долженъ бы быть начальникомъ какъ надъ Императорами, такъ и надъ всѣми царями и надъ церковію.

Да ежели бы С *Петръ* и былъ въ Римѣ, то по чему же Епископъ сего города, долженъ имѣть преимущество надъ другими Епископами. Римъ никогда не бывалъ начальнымъ мѣстомъ Христіанства, а былъ то Іерусалимъ; и такъ по тому первенство при-

надлежитъ естественно Епископу Іерусалимскому; такъ какъ по всѣмъ правамъ, сокровища принадлежатъ тѣмъ, на чьей землѣ ихъ находятъ.

О злоупотребленіяхъ и обманахъ употребляемыхъ для уполномочія несправедливости и незаконной власти.

Съ ужасомъ и съ содроганіемъ взираютъ на сію великую кучу обмановъ, коихъ сплетеніе установило наконецъ Папежское самовластіе, которое столь многимъ государствамъ наноситъ несносные притѣсненіи. Я не говорю здѣсь ни о ложно вымышленныхъ узаконеніяхъ Апостольскихъ, ни о несправедливыхъ изданіяхъ худыхъ стиховъ, приписанныхъ нѣкіимъ *Сивилламъ*, ни о подложныхъ письмахъ отъ С. *Павла* къ *Сенекѣ*, ни о ложныхъ предубѣжденіяхъ Папы *Климента*, ниже о всѣхъ многочисленныхъ подлогахъ и обманахъ, кои въ прежніе времяна почиталися священными и благочестивыми. Я говорю только о томъ подареніи *Константиновомъ*, которое случилося въ девятомъ вѣкѣ, и на

на которое всѣ принуждены были согласиться, подъ опасенiемъ вѣчнаго проклятiя и отлученiя отъ церкви; я говорю здѣсь о тѣхъ гнусныхъ и нелѣпыхъ преданiяхъ, кои чрезъ столь долгое время пребывали основанiемъ церковному праву, и которые повредили правосудiе во всей Европѣ; я говорю о томъ уступленiи, чрезъ которое *Карлъ* великiй уступилъ Епископу Римскому Сардинiю и Сицилiю, которыми сей Государь ни когда не обладалъ. Каждый годъ прибавлялося по малой частицѣ къ сей желѣзной цепи, коею честолюбiе, облекшись въ одежду священнаго закона, связывало народъ глупый и непросвѣщенный; не можно пройтить ни одной страницы въ Исторiи, на которой бы не находилося слѣдовъ того презрѣнiя и безчеловѣчiя, съ каковыми Римъ поступалъ съ родомъ человѣческимъ, не удостоивая его и того, что бы для онаго обмана, придать хотя нѣкоторый видъ справедливости.

О независимости Государей.

Самовластiе и независимость, кажется одно другому весьма суть противны; каждая

Монархїя и каждая Республика имѣетъ одного только Бога надъ собою властителемъ; таково есть какъ естественное такъ и владѣтельное право. Двѣ только вещи могутъ Государя лишить самовластїя; или сила дерзскаго похитителя или его собственное неразумїе; *Готы* овладѣли Гишпанїею силою, *Татары* такимъ же образомъ покорили Индїю; и *Iоаннъ безземельный* (Iean sans terre) отдалъ Англїю Папѣ. Однакожъ можно бы было паки возвратить себѣ естественное право, когда бы имѣли смѣлость; и можно бы также взять обратно свое владѣнїе изъ рукъ Папы, когда бы возъимѣли здравый разсудокъ.

О государствахъ жалованныхъ Папою.

Ежели кто читалъ Исторїю, тому безъ сомнѣнїя извѣстно, что Папы раздавали, или думали, что они могутъ раздавать по своей волѣ, всѣ государства въ Европѣ, не выключая ни одного, отъ самыхъ ледяныхъ горъ Норвежскихъ до залива Гибралтарскаго; а тѣ, кои не читали Исторїи, конечно оному не повѣрятъ; ибо съ одной стороны столь без-

безмѣрная дерзость, а съ другой чрезвычайнѣйшее уничтоженіе, покажутся имъ совсемъ непонятными.

Гильдебрандъ, или *Шильдебрантъ* (монахъ Клунискій, бывшій Папою, подъ имянемъ *Григорія VII*) есть первый, который при концѣ Тысящелѣтія, развратилъ до таковаго градуса Христіанство. Онъ дерзалъ призывать къ себѣ Императора *Генриха IV*, повелѣвая ему явиться передъ него въ 1076 году; и въ томъ же году обнародовалъ противъ сего Императора указъ, отрѣшающій его отъ престола, въ которомъ было написано: „*Я ему запрещаю управлять Тевтоничес*„*кимъ Королевствомъ и разрѣшаю всѣхъ поддан*„*ныхъ его отъ учиненной ему присяги въ вѣр*„*ности*

Въ послѣдующій годъ возсталъ противъ его Немѣцкій Владѣтель; и онъ принудилъ его притти къ себѣ просить прощенія, босыми ногами и одѣтаго въ волосяницу.

Въ 1088 году тотъ же самый *Шильдебрантъ*, чрезъ свою злоупотребительную власть, отдалъ Имперію во владѣніе *Родольфу* Герцогу Швабскому.

Урбаній II, такъ же какъ и *Григорій VII*, монахъ Клунійскій, по тѣмъ же стопамъ слѣдовалъ.

Паскаль

Паскаль II, поступилъ еще того далѣе; онъ вооружилъ сына *Генриха IV.* противу отца своего, и побудилъ его здѣлать отцеубiйство.

Наконецъ сей великiй Императоръ въ 1106 году умеръ, лишенный престола, и доведенный до крайней бѣдности. Тѣло его погребено было прежде въ *Лiежѣ*, но какъ онъ былъ отлученъ отъ церкви, то собственный сынъ его, *Генрихъ V*, приказалъ оное изъ земли выкопать, и положить въ Спирѣ въ одномъ погребѣ

И такъ послѣ сего ужаснѣйшаго примѣра, кажется уже безполезно описывать здѣсь всѣ безчисленные злоумышленiи, которые Папы употребляли противу столькихъ Императоровъ, и всѣ бѣдствiи дома Швабскаго.

Папы не дозволяли никогда читать священнаго писанiя; они довольнымъ для всего народа почитали только то, что себя называли *Викарiями* или Намѣстниками божiими; и по сему названiю присвояли себѣ право, повелѣвать всѣми царствами земными. Сiе дѣйствительно походитъ на то, какъ дiаволъ предлагалъ Iисусу Христу, на горѣ, куда какъ сказано въ писанiи, онъ его перенесъ.

О другихъ доказательствахъ того права, которое Папы себѣ присвоили чтобъ повелѣвать всѣми государствами.

Есть со сто Буллъ, изданныхъ отъ Епископовъ Римскихъ, въ которыхъ дѣйствительно увѣряютъ, яко бы всѣ царства не иначе отдаются во владѣніе, какъ по дозволенію папскаго престола. Обратимся теперь къ Буллѣ *Адріана IV*, сообщенной къ Королю Аглинскому *Генриху II*, въ которой было написано: „*Никто не сомнѣвается, да и вы въ „томъ довольно увѣрены, что каждое Христіан„ское владѣніе, есть наслѣдіе С. Апостола Петра, „и что какъ Ирландія, такъ и всѣ острова вос„пріявшіе законъ Христіанскій, принадлежатъ „Римской церкве. Мы увѣдомились, что вы на„мѣрены покорить себѣ сей островъ, съ тѣмъ „чтобъ съ каждаго тамъ дома, платить подать „С. Петру; и такъ въ разсужденіи сего, мы вамъ „оное съ охотою дозволяемъ и пр.* . . . .

Нѣтъ почти ни одного государства въ Европѣ, въ которомъ бы подобные сей Буллы, не проливали великихъ ручьевъ крови. Поговоримъ только здѣсь о тѣхъ Папахъ, кои отрѣшили отъ церкви и предали про-

клятію

клятїю Королей Французскихъ: *Роберта*, *Филиппа I*, *Филиппа Августа*, и *Лудовика VIII* отца *Лудовика святаго*, преданнаго проклятїю простымъ Папежскимъ посланникомъ, который въ знакъ своего покаянїя, согласился платить Папѣ десятую часть изъ своего двулѣтняго доходу; и сверьхъ того, босыми ногами и въ одной рубашкѣ, предстать при дверяхъ храма Парижской Богоматери, державъ въ рукѣ пукъ прутьевъ, дабы быть ими сѣченному чрезъ канонниковъ; и сїе покаянїе во всей формѣ, какъ сказываютъ, служители его, вмѣсто своего государя, исполнили совершенно. *Филиппъ благообразный* преданъ былъ дїаволу, чрезъ *Вонифантїя VIII*, и все Королевство его отлучено было отъ церкви и отдано во владѣнїе *Алберту* Австрїиско-му; а наконецъ и добродѣтельный Король *Лудовикъ XII*, также былъ отлученъ отъ церкви *Iюлїемъ II* и Францїя паки предана была проклятїю, симъ старымъ и бѣшенымъ воиномъ Епископомъ Римскимъ.

Таковы были несносныя раны, изъ коихъ Папы, производители многихъ во Францїи заговоровъ и притѣсненїй, съ тритцать лѣтъ непрестанно кровь сосали. Съ того времяни какъ Францисканецъ *Сикстъ V*, дерзостно на-

звалъ

звалъ *Генриха IV*, *незаконно и гнусно происходящимъ отъ дому Бурбонскаго*, и объявилъ его ко владѣнію ни одной наслѣдственной земли со всемъ неспособнымъ, надлежитъ о семъ известить нашихъ современниковъ, и просить ихъ, дабы они то предали своимъ потомкамъ, что сіи только единые правила, вонзали кинжалъ въ сердце наиславнѣйшимъ нашимъ Героямъ, и наилучшимъ Государямъ. Должно, съ пролитіемъ слезъ о нещастной судьбинѣ сего великаго мужа, повторить, что съ великимъ трудомъ могли тогда упросить, *Климента VIII*, дабы онъ далъ ему разрѣшеніе, въ которомъ онъ не имѣлъ ни каковой пользы; и воспрепятствовать, чтобь сей Папа, не включалъ въ сіе разрѣшеніе того, что, *онъ полною своего властію возвращаетъ Генриху IV Французское Королевство.*

Нѣкоторые болѣе имовѣрные нежели въ разумѣ просвѣщенные особы, хотятъ насъ утѣшить, увѣряя, что таковые мерзости, никогда уже болѣе не воспослѣдуютъ. Увы! кто вамъ о томъ сказалъ? Человѣческое неразуміе со всемъ ли истребилось? Не вѣдаете ли вы, что оно въ состояніи здѣлать? Я согласенъ, что многіе честные люди довольно суть просвѣщенны, и правила установлен-

новленные Парламентомъ, непрестанно какъ во устахъ нашихъ, такъ и въ сердцахъ твердятся; но простой народъ, не таковъ же ли и нынѣ, каковъ былъ въ правленіе *Генриха* III и *Генриха IV*? Не управляется ли онъ также и нынѣ монахами? и не въ триста ли разъ, по крайней мѣрѣ, онъ многочисленнѣе, нежели тѣ, кои получаютъ лучшее и разумное воспитаніе? и не можно ли его наконецъ назвать кучею пороха, къ которому нужно только приложить огонь, отъ чего онъ въ одну минуту вспыхнетъ?

Доколѣ будутъ довольствоваться симъ лѣкарствомъ, которое на самое токмо малое время облегчаетъ оную скорбь наиужаснѣйшую, и съ давнихъ уже лѣтъ застарѣвшую? и доколѣ будутъ почитать себя въ совершенномъ облегченіи, единственно только по тому, что наши мученіи на нѣсколько прекратились? довлѣетъ судіямъ и другимъ людямъ, участвующимъ въ бремени правленія, возрѣть прилѣжнымъ окомъ, какую препону они могутъ постановить сему бурливому стремленію, которое чрезъ столько вѣковъ, земли наши опустошало? Каждый отецъ семьи, непремѣнно долженъ разсмотрѣть сіи великіе справедливости, впечатлѣть ихъ

въ

вѣ разумѣ дѣтей своихѣ, и воспитать такихѣ потомковѣ, которые бы не знали никакихѣ другихѣ законовѣ, кромѣ тѣхѣ, кои будутѣ изданы вѣ ихѣ отечествѣ.

Еще и по нынѣ употребляютѣ между нами бѣдственное названіе *двухѣ начальствѣ*; но Іисусѣ Христосѣ никогда онаго не употреблялѣ; оно также не употреблялося ни у какого начальника церкви, и всегда было не извѣстно церквѣ Греческой; Епископѣ же Греческій, былѣ нѣкогда лишенѣ своего достоинства, собраніемѣ цѣлаго Синода, за то только что употреблялѣ сіе возмутительное имя.

Нѣтѣ никакого кромѣ одного токмо начальства, которое присвояется Государю. Церковь подаетѣ свои совѣты и дѣлаетѣ увѣщаніи, а правительство насылаетѣ указы. По истиннѣ нѣтѣ кромѣ одного начальства. Дворѣ Римскій возмнилѣ, яко бы сіе начальство принадлежитѣ одному только ему; однакожѣ какое правленіе не свергаетѣ сѣ себя нынѣ ига сего гнуснаго притѣсненія? Такѣ по что же названіе сего начальства по нынѣ еще господствуетѣ, когда дѣйствующая его сила опровержена? и по что оставлять подѣ пепломѣ огонь, который паки возгорѣться когда нибудь можетѣ? Не доволь-

но ли и такъ на землѣ бѣдствіи для нещастнаго рода человѣческаго и безъ того чтобъ претерпѣвать еще не справедливое прѣніе между поученіемъ церковнымъ, и властію Государей?

Мы не входимъ здѣсь въ сіи важные изслѣдованіи, приличествуютъ ли временные достоинства священникамъ церкви Іисусовой, который столь часто и имянно повелѣвалъ имъ отъ оныхъ отрекаться? Мы не взираемъ и на то, что въ безначальственные времяна должны ли были Епископы Римскій и Нѣмецкій, будучи простыми Аббатами, присвоять себѣ начальственные права? Сей предмѣтъ со всемъ до насъ непринадлежитъ, а касается единственно до гражданскаго правленія; мы чтимъ тѣхъ особъ, кои отъ Бога почтены вышнею властію; Боже насъ отъ того избави, чтобъ хотѣли мы нарушать спокойствіе государственное и повреждать предѣлы съ давняго времяни установленные! но хотимъ только поддержать неоспоримые права какъ Государей, такъ всего правительства, и всѣхъ сограждан нашихъ, и льстимъ себя надеждою, что сіи права, на коихъ основывается общественное блаженство, пребудутъ вѣчно непоколебимыми.

XXIV.

XXIV.

ОДА.
О
СУЕВѢРІИ.

)o(

Наперстница истинны, прекрасная и премудрая Емилія; твоя основательная философія научила тебя постигать о Божествѣ; ты познаешъ вышнее существо; благость его обитаетъ въ твоемъ сердцѣ, а Величество его обладаетъ твоимъ разумомъ; ты кажешся быть лучшимъ его твореніемъ, и воздаешъ ему достойное почитаніе, безъ слабости и заблужденія.

)o(

Разсудокъ твой отторгаетъ жало безбожія, а рука твоя опрокидываетъ чашу наполненную ядомъ безумнѣйшаго суевѣрія. Ты чтишъ вѣчное правосудіе, не предаваяся ложной ревности къ вѣрѣ, коею толико вредоносныхъ Богопочитателей обременяющся. Ты яко

вѣрный и истинный рабъ, умѣетъ приближаться къ высочайшему престолу, не касаяся пороковъ свойственныхъ придворнымъ.

)o(

Сїе святотатное невѣжество произошло отъ жертвоприношенїя при олтаряхъ; оно ихъ оскверняетъ, обезчещиваетъ, и удаляетъ отъ нихъ смертныхъ. О благочестивая вѣра! Сей злобный врагъ почитаетъ себя рожденнымъ изъ пречистыхъ нѣдръ твоихъ; нѣжная и обожательная мать! возможно ли повѣрить, что бы столь вредительное чадо произошло отъ твоея крови?

)o(

И самые безбожники имѣли менѣе заблужденїя; ихъ ядовитые мнѣнїи не повреждали нравовъ ихъ. *Спиноза* былъ кротокъ, простъ и любимъ всѣми; Богъ, противъ котораго вредоносный его разумъ дерзновенно вооружался, сжалясь надъ его слабостїю, одарилъ его человѣческою премудростїю и тѣньми добродѣтели.

Я

Я бы просилъ таковому дерзскому безумцу, который бы не признавалъ со всемъ полезнаго бытія сего Божественнаго свѣтила, сіяющаго во очахъ моихъ. Не познавать высочайшее твое бытіе, о великій Боже! не столько дѣлаетъ тебѣ хулы и менѣе достойно гнѣва твоего, нежели почитать тебя не милосердымъ, н внимающимъ къ ненасытнымъ нашимъ горестямъ, и равнять тебя съ собою въ зависти и въ неправосудіи.

)o(

Когда безумный богопочитатель, напоенный суевѣріемъ, чрезъ сіе страшилище развращаетъ вѣру; тогда душа его ожесточается, разсудокъ дѣлается помраченнымъ, и ни что укротить его не можетъ; истинна въ немъ предается безумію и жестокости, и онъ изъ ревности чинится безчеловѣчнымъ, а по должности святотатцемъ.

)o(

Сей недостойный Сенатъ во Франціи; сія безчестная Инквизиція; сей судъ, гдѣ невѣжество столь часто при-

тѣсняетъ истинну; сїе безумное и безчеловѣчное сонмище, которое разумныхъ людей жестоко мучитъ, а невинность заточаетъ въ оковы, чрезъ ослѣпленную и не лѣпую свою ревность къ вѣрѣ, дерзнули осудить на смерть *Галилея*, за то что онъ позналъ измѣренїе и расположенїе вселенной.

)o(

Внемли сему ужасному знаку данному въ Парижѣ! Воззри на сїе страшное убїйство, и обрати слухъ твой къ симъ жалостнѣйшимъ воплямъ! Братъ обагренъ кровїю брата, сынъ умерщвляетъ своего отца, жена убиваетъ своего мужа, руки же ихъ вооружаются поощренїемъ злобныхъ священниковъ. О небо! таковы ли должны быть предки сего столь тихаго и благонравнаго народа.

)o(

Жансенисты и *Молинисты*! вы кои нынѣ противоборствуете доводамъ *Софистовъ*, сопротивляясь ядовитымъ ихъ стрѣламъ, ихъ узаконенїямъ, и претерпѣваете отъ нихъ досаду; трепещите

пещите чтобъ наконецъ сія ваша распря, во внутренности стѣнъ вашихъ, не возобновила паки тѣ бѣдственные времяна всеобщаго волненія и страшнаго междоусобія; страшитесь сея ослѣпляющія васъ ревности къ вѣрѣ; ибо въ заблужденіи вашемъ вы сами не почувствуете до чего довести васъ можетъ ея жестокость.

)o(

Не благодарные чада единаго отца! ежели вы желаете ему служить, и буди хотите быть ему угодны, то тѣмъ ли можете вы до того достигнуть, чтобъ другъ друга жестоко ненавидѣть? и разграбленіемъ ли того стяжанія, кое щедрый и премудрый отецъ, сверху небесъ къ намъ ниспосылаетъ? вы созданы съ тѣмъ, чтобъ другъ друга любить, о жестокіе! хотя бы вы родились вѣчными и непримиримыми врагами, то болѣе ли бы вы имѣли лютости?

)o(

Нещастные! хотите ли вы внимать предписанію закона? вы должны

токмо воззрѣть на *Марселїю*, во время бывшїя жестокїя заразы; когда дверь гроба тамо была отверзста, когда Прованцїя покрытая сѣмянами лютыя смерти, оплакивала опустошенїе своихъ градовъ, и когда опустѣлые ея поля, толико другихъ земель трепетать заставляли.

)o(

Тогда *Белзюнъ* почтенный пастырь, спасалъ свой погибающїй народъ, и *Ланжеронъ* услужливый воинъ, шелъ смѣло противу предстоящїя смерти; а ваши гнусные сонмы утопая въ роскоши и въ соблазнѣ, въ то время пребывали въ праздности, и упражнялися въ смѣшныхъ спорахъ о *Буллѣ* и о *Кенеллѣ*, кои всѣ потомками будутъ забыты.

)o(

Въ безумномъ вашемъ и дерзскомъ поученїи, достойномъ ложнаго и суетнаго вашего знанїя, доказываете вы о небесной благости, но вы ни когда ее не получите. И самый несмысленный невѣжда, который въ тайнѣ помогаетъ

могаетъ въ бѣдности своему ближнему, который убѣгаетъ двора и придворной лести, будучи кротокъ, милосердъ, и не робокъ; есть мой Апостолъ и мой наставникъ, а протчїе всѣ обманщики.

XXV.

ОДА
О
МИРѢ.

I.

Гора Етна въ страшныхъ нѣдрахъ своихъ питаетъ громъ, она изрыгаетъ огнь на землю и пожираетъ окружныхъ своихъ жителей. Ахъ! убѣгайте спѣнящія Нимфы, сихъ всегда горящихъ полей, сихъ на всякій часъ отверзстыхъ пучинъ и сихъ пламенныхъ и сѣрныхъ ручьевъ, теку ихъ изъ внѣ пропасти, до самыхъ адскихъ сводовъ достигающей.

II.

Еще страшнѣйшимъ сего паденіемъ и сильнѣйшимъ разлитіемъ, рѣка По, угрожаетъ брегамъ своимъ, скрываясь подъ пѣнистыми своими волнами; за нею шествуютъ погибель, страхъ, скорбь, гладъ, смерть и злѣйшее отчаянія;

янїе; она къ грязнымъ странамъ феррарды влечетъ въ скупое море раззоренїе многихъ народовъ.

III.

Но сїи ярящїяся волны, сїе сраженїе стихїй, сїи потрясенїи, кои всемъ основанїемъ мїра колеблютъ, и оные стрѣлы, яростнымъ небомъ на нещастную Емисферу столь часто бросаемыя, менѣе суть ужасны и менѣе бѣдственны, какъ честолюбїе Министровъ и несогласїе Государей.

IV.

Колико благополучные народы покоилися въ нѣдрахъ наукъ и художествъ, прежде нежели сверху Пиренейскихъ горъ Марсова труба возгремѣла! Игры, яко обольщающее войско, утѣхи, и радостныя пѣсни царствовали въ блистательныхъ нашихъ чертогахъ, въ то время какъ полевыя флейты подъ тѣнїю буковъ нѣжно прославляли прїятность мира.

V.

Дражайшїй миръ! Вѣчная участь блаженныхъ небесныхъ жителей! Ты

былъ

былъ единымъ для насъ даромъ, чрезъ который мы имъ уподоблялись! Кровожаждущїй тигръ жадно бросаясь на свою добычу, ощущаетъ безъ жалости утѣху, въ лютой душѣ своей воспламененную, но наше сердце не создано столь звѣрзскимъ; великїй Боже! Ежели человѣкъ сотворенъ по твоему образу, то безъ сомнѣнїя сотворенъ онъ на то, дабы любить подобныхъ себѣ человѣковъ.

VI.

Отъ Индїи до самыхъ границъ Францїи, солнце въ обширномъ своемъ общеченїи, зритъ единую токмо многочисленнѣйшую семью, которою любовь управлять долженствовала. О смертные! Вы всѣ между собою братїи, отвергните подлые ваши оружїи; чего снискиваете вы въ сраженїяхъ? Какое благо преслѣдуетъ ваше неразумїе? Будете ли вы чувствовать отъ сего утѣху во мрачнѣйшую нощъ смерти?

VII.

О славная и печальная Италїя! Колико сожалѣешъ ты о своемъ изобилїи!

билїи! Покрытая развалинами, колико оплакиваешъ свое великолѣпїе! Я зрю жатвы на поляхъ твоихъ пожираемыя строптивыми народами, кои за тебя же мстить обѣщали; ты слабая, отягченная печалїю, и со всемъ изнуренная трепещущею рукою сражаешся за избранїе чуждаго Государя.

VIII.

О когда бы всегда готовые къ войнѣ наши Государи, были Богами мира, и когда бы въ рукахъ своихъ держали они громъ, но стрѣлъ бы отъ себя на людей не бросали! Мы любимъ того премудраго пастуха, который на блаженной паствѣ, рачительно сохраняетъ стада свои; но коль нещастливъ есть таковый злобный пастырь, который дерзско хищенїю лютыхъ лѣсныхъ зверей ихъ подвергаетъ!

IX.

Что мнѣ нужды до побѣды таковаго Государя, который грудь мою пронзаетъ; таковаго Государя, коего славу, съ потерянїемъ щастїя моего и съ пролитїемъ моея крови, я покупаю!

какъ! въ ужасной нищетѣ, въ мученіи и въ страданіи, дни мои будутъ ли тѣмъ блаженнѣе, когда услышу я, что наши Принцы на границахъ земель нашихъ, плаваютъ въ крови Германцевъ?

X.

О *Колбертъ*! Ты, который во отечество твое ввелъ науки и игры; сіе твое щасливое искуство, *Колбертъ*! будетъ любезнѣе нашимъ потомкамъ, нежели неукротимая храбрость *Лувова*, коего страшная рука возжигала графство Фальцское и который раздраженнымъ моремъ хотѣлъ истребить цѣлое государство устрашенной Голландіи.

XI.

Да будетъ *Лудовикъ* до позднѣйшихъ вѣковъ почтенъ имянемъ ВЕЛИКАГО. Но сіе названіе да будетъ болѣе свойственно премудрому, нежели побѣдителю. Дѣламъ его я наиболѣе удивляюсь во время мира. Въ мирѣ его прав-

правленіе процвѣтало подъ справедливыми его законами. Блаженные и вѣрные его подданные, были щастливымъ образцемъ всѣмъ народамъ, а онъ былъ примѣромъ всѣмъ Государямъ.

